

к 83.3(2=411.2)5
П 53

Александр Полынкин

**ТУРГЕНЕВ
И ВОКРУГ НЕГО**

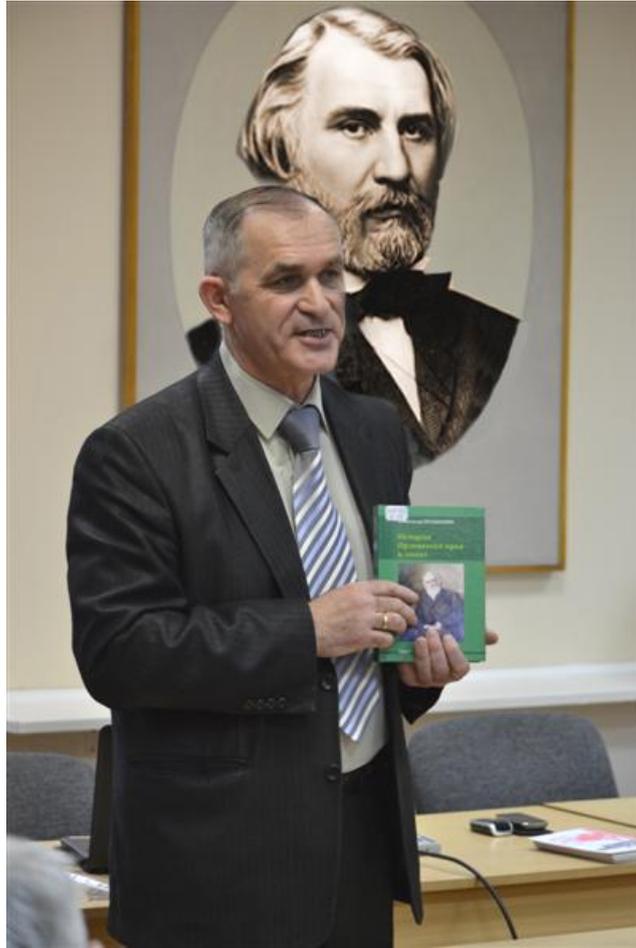

KP

к 83.3 (2-411.2) 5

1753

Александр Полюнкин

Тургенев и вокруг него

A294893

Орёл - 2017

БУД
«Орловская областная научная
универсальная библиотека
им. И.А. Бутна»

УДК 82– 1
ББК 49.0
П 49

Александр Польшинкин

П 49 Тургенев и вокруг него (Орёл: «Картуш». 2017 – 160 стр, фотографии)

ISBN 978-5-9708-0644-9

Новая книга известного орловского краеведа посвящена великому русскому писателю, уроженцу Орловской земли, Ивану Сергеевичу Тургеневу, 200-летие которого будет широко отмечаться в России в 2018 году. Автор, работая в фондах Государственного архива Орловской области, сумел обнаружить новые, неизвестные ранее факты, связанные как с самим писателем, так и с его родственниками и знакомыми и изложил историю своих поисков в живых, познавательных рассказах, сопровождая их ссылками на конкретные документы. Книга будет интересна всем, кто интересуется жизнью и творчеством наших земляков-орловчан.

УДК 82– 1
ББК 49.0

Фото на обложке:

лицевая сторона - писатель Иван Сергеевич Тургенев (фотография М.М. Панова, Москва, 1867);

оборотная сторона – памятник писателю Тургеневу на Тургеневском берегу (Орёл, скульптор – Г.П.Бессарабский, архитекторы – А.И. Свиридов и В.С. Атанов) – фото Александра Польшинкина

Автор благодарит за финансовую помощь в издании книги администрацию Мценского района и лично главу района Ивана Александровича Грачёва

ISBN 978-5-9708-0644-9

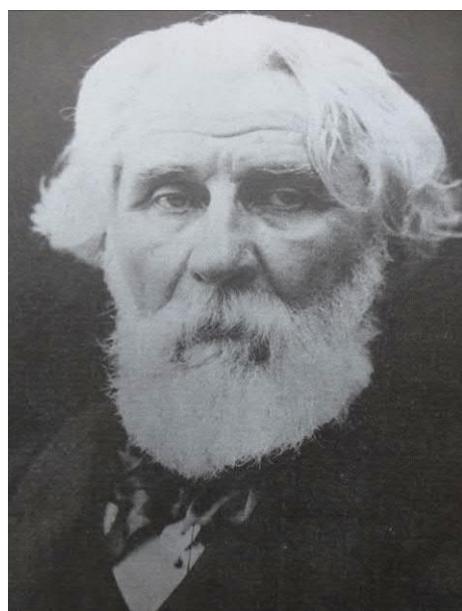
© А.М. Польшинкин, 2017
© ООО ПФ «Картуш» – оформление, 2017

Часть первая.

О Тургеневе - писателе и человеке

Иван Тургенев: сквозь годы и десятилетия

Замечательный русский писатель Иван Сергеевич Тургенев происходил из старинного дворянского рода, родоначальником которого был татарский мурза Лев Турген (Турга), выехавший из Орды к великому князю Василию Васильевичу Темному в 1440 году и крестившийся затем под именем Ивана.

И.С.Тургенев (фото М.М. Панова, Москва, 1880)

Предки Тургенева по отцовской линии – стольники, воеводы, начальники приказов, капитан-исправники - ревностно служили Отечеству, были всегда верны присяге, неустрашимы и находчивы, но к началу XIX века род обеднел, и представитель его, Сергей Николаевич Тургенев, храбрый кавалергард, участник Отечественной войны 1812 года, ничем уже не обладал, кроме герба, знания языков да редкой красоты.

Мать Ивана Сергеевича Тургенева, Варвара Петровна Лутовинова, была одной из самых богатых помещиц того времени: ей принадлежали имения с пятью тысячами крестьян в Курской, Калужской, Тамбовской, Тульской и Орловской губерниях.

Варвара Лутовинова влюбилась в Сергея Тургенева, когда тот приехал в Спасское, ее родовую усадьбу, чтобы купить лошадей со Спасского завода для Кавалергардского полка, и фактически предложила ему свое сердце и имения.

Иван Тургенев родился 28 октября 1818 года (по старому стилю – А.П.) в Орле, в собственном доме Лутовиновых, и был ростом он, как записала Варвара Петровна, 12-и вершков.

Ваня Тургенев с детства рос впечатлительным и чутким ребенком, наделенным редкой правдивостью, не был тщеславен и заносчив и именно поэтому часто страдал от своей матери, которая требовала от сына только того, чего хотелось ей.

Прожив три года после рождения Ивана в Орле, Тургеневы переезжают в Спасское, где прошло детство писателя, и где были заложены в нем любовь к природе и сочувствие к простым людям.

Получив, в основном, домашнее образование (непродолжительным было пребывание в московском пансионате Вейденгаммера), в 1833 году Иван Тургенев поступил в Московский университет, хотя ему было лишь 15 лет и, несмотря на то, что поступающих оказалось 167 человек на 25 мест.

Сам писатель вспоминал, что *«ростом я был в 15 лет не выше семилетнего. Затем совершилась удивительная перемена после 15 лет. Я заболел. Со мною сделалась страшная слабость во всем теле, лишился сна, ничего не ел и, когда выздоровел, то сразу вырос чуть ли не на целый аршин. Одновременно с этим совершилось и духовное перерождение... Я начал мечтать и пописывать стихи»*.

После года обучения в Московском университете Тургенев перевелся в Петербургский и закончил его кандидатом, а в 1838 году поехал в Германию – слушать лекции в Берлинском университете.

За границей он не только учился. В письме знакомому Александру Ефремову, извиняясь, что выпил вчера слишком много рейнвейна, Тургенев сообщал: *«Что пережил я в эти 15 дней? Где не был? В Ливорно, в Пизе, в Генуе; проехал все королевство Сардинское, видел статую Карла Берромейского, ездил по Лаго Маджжаре, в сопках на Св. Готарде – черт бы его побрал – был, кажется, в Люцерне, Базеле, в Киле, в Мангейме, в Майнце – постепенно потерял зонтик, шинель, шкатулку, палку, лорнетку, два футляра и две рубашки и теперь скачу в Лейпциг с чемоданом, пустой сумкой, пачпортom в кармане и... в штанах и только!»* Денег за время обучения в Германии он потратил много.

В Берлине в 1840 году молодой Тургенев познакомился с Михаилом Бакуниным – будущим знаменитым анархистом, и некоторое время они были очень близкими друзьями.

Возвратившись в Россию, в 1842 году Тургенев успешно сдал экзамены на звание магистра философии, но магистром так и не стал, поскольку не представил экзаменаторам своей диссертации.

В 1843-1845 годах Иван Сергеевич служил в Министерстве иностранных дел, а его непосредственным начальником был знаменитый Владимир Иванович Даль, автор толкового словаря «Живого великорусского языка».

Литературное творчество Тургенева началось со стихотворений, самым знаменитым из которых стало «В дороге», которое впоследствии

было положено на музыку и превратилось в популярный романс «Утро туманное, утро седое».

В 1845 году Иван Сергеевич перешёл от стихов к прозе и в 1847 году, после публикации рассказа «Хорь и Калиныч», первого из серии «Охотничьих рассказов», имя Тургенева стало известным всей читающей России.

Тургенев никогда не был женат, хотя назвать его женоненавистником нельзя: романов он имел множество, и от одного из них, с белошвейкой Авдотьей Ивановой, родилась в 1842 году дочь Пелагея, получившая в возрасте 8 лет имя Полина и сделанная католичкой после того, как Тургенев отправил её в Париж, где она после замужества стала носить фамилию Брюер (Брюэр).

Одну женщину, однако, Тургенев боготворил всю вторую половину своей жизни – певицу Полину Виардо-Гарсиа, с которой познакомился во время её гастролей в С-Петербурге в 1843 году.

На российскую читающую публику сильно повлияли произведения Тургенева, появившиеся в 50-ые-60-ые годы XIX века: «Рудин», «Ася», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети».

Образ Базарова, ставший настоящим символом героя русской литературы начала 60-ых годов XIX века, по мнению некоторых тургеноведов, был написан с Виктора Якушкина, уездного доктора, младшего брата Павла Якушкина.

В 60-е – 70-е годы Иван Сергеевич по преимуществу жил за границей, изредка наезжая в Россию. Хорошими знакомыми Тургенева во Франции были известные писатели – Флобер, Золя, Доде, Мопассан.

За выдающиеся заслуги в деле развития мировой культуры великий русский писатель в 1879 году стал почётным доктором естественного права Оксфордского университета.

Тургенев любил музыку, ружейную охоту и шахматы, причем, в последние он играл очень хорошо, и современники шутили, что Иван Сергеевич – лучший шахматист среди писателей, и лучший писатель среди шахматистов.

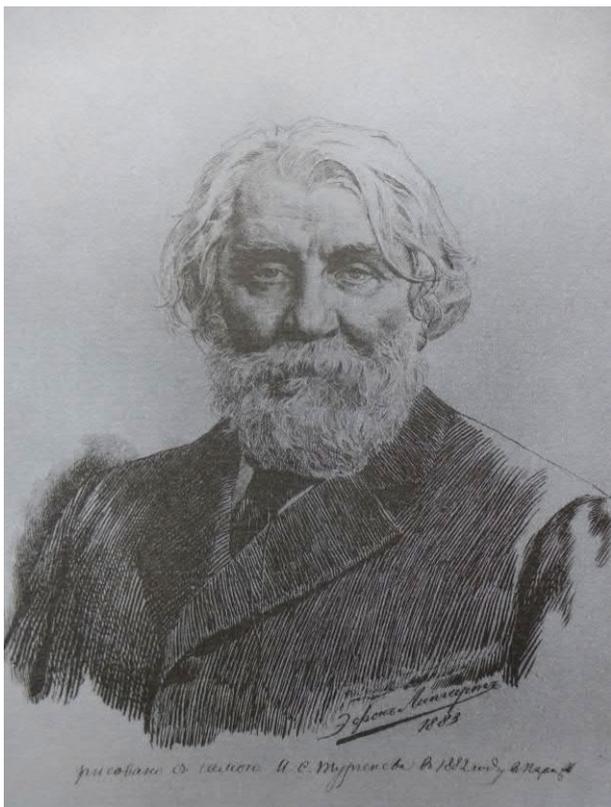
Отношения при жизни между двумя великими «Т» – Толстым и Тургеневым - были непростыми, и однажды, когда оба они гостили в имении Фета, Степановке, ссора их едва не привела к дуэли.

Всю жизнь Тургенев опасался даты – *1881 год*, думая, что именно эти цифры (перевернутые по отношению к дате рождения) окажутся для него роковыми, но умер он от саркомы (рака) спинного мозга в г. Буживале, во Франции, в 1883 году.

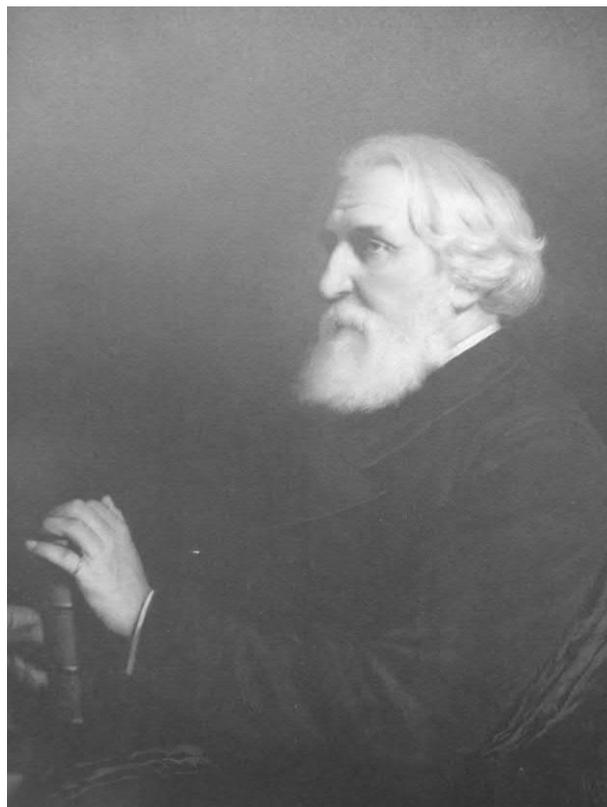
Незадолго до смерти, в момент короткого просветления, 29 июня 1883 года Тургенев, узнав о решении Толстого оставить литературу,

написал ему последнее письмо, в котором сообщал: *«Выздороветь я не могу, и думать об этом нечего. Друг мой, вернитесь к литературной деятельности! Друг мой! Великий писатель русской земли, внимайте моей просьбе!»*.

После вскрытия тела писателя оказалось, что мозг Тургенева – один из самых больших в мире: его вес превышал два килограмма. Похоронили Тургенева при большом стечении народа на Волковом кладбище Санкт-Петербурга, рядом с его хорошим знакомым, Виссарионом Белинским.

И.С.Тургенев
(портрет Э.К. Липгарта, 1882, Париж)

В.Г. Перов - портрет писателя
И.С.Тургенева (1872)

Самое полное собрание сочинений и писем Тургенева вышло в 1960 – 1968 годах и включало в себя 28 томов.

Два музея Орловщины посвящены великому писателю – Государственный литературный музей И.С. Тургенева в г. Орле и Государственный мемориальный и природный музей-заповедник И.С.Тургенева «Спасское-Лутовиново».

В Орле имеются улица Тургенева, «Тургеневский бережок» в городском парке культуры и отдыха, памятник великому писателю, а Орловский государственный академический театр носит его имя.

Тургенев: история болезней

Однажды я заболел. Заболел всерьез и надолго. Но не туберкулезом, не менингитом, не «птичьим» гриппом, в конце концов. Я заболел Тургеневым. Писатель, имя которого я знал давно, но который до этого меня никак не затрагивал, вдруг вошел в мою жизнь - сразу, решительно и бесповоротно. Я не знаю, почему это произошло.

Меня стало интересовать все, что написал Иван Сергеевич, все подробности его жизни и творчества. И чем больше я узнавал, тем величественнее, загадочнее и печальнее представляла в моем воображении фигура Тургенева.

Великий писатель, знаток человеческих (особенно женских) душ - и несчастный большую часть своей жизни человек.

Хороший знакомый огромного числа россиян, французов, англичан, немцев, эпистолярное наследие которого составило более шести тысяч писем (15 солидных томов в Полном собрании сочинений и писем) – и – одновременно - очень одинокий (особенно в конце жизни) обитатель Парижа и Буживаля.

Знаток, ценитель и обладатель замечательно тонкого юмора - и подверженный регулярным приступам меланхолии и депрессии пессимист - это все Тургенев.

В конце концов, я пришел к выводу (вслед за некоторыми другими тургеноведами), что жизнь и творчество писателя определили несколько обстоятельств. Одним из главных была склонность Тургенева (скорее, предрасположенность) к болезням и несчастным случаям.

Обычно исследователи жизни Тургенева подробно описывают предсмертные болезни писателя, не особо обращая внимания на «мелкие неприятности», которые случались в течение всей его не слишком радостной жизни.

А на этом, я думаю, стоит остановиться подробно. Вот что писал в своей вышедшей в Нью-Йорке книге (Turgenev: The Man, His Art and His Age, 1961) один из зарубежных биографов Тургенева, Авраам Ярмолинский: *«Он часто болел простудами, гриппом, ларингитом и бронхитом, которые так и гнездились в его горле и его широкой груди. В морозы он не разлучался с особой респираторной маской, которую называл «намордник»; однажды у него в мокроте появилась кровь, и он был очень испуган, даже стал пить рыбий жир. Этот гигант из страны снегов был столь же чувствителен к холоду, как и житель умеренного климата...»*.

Ярмолинский отметил одну сторону организма Тургенева – восприимчивость его к простудным заболеваниям. Однако, внимательно изучив многие источники, повествующие о нашем знаменитом земляке, я пришел к выводу, что Иван Сергеевич Тургенев вообще был своеобразным магнитом, который притягивал к себе в течение всей жизни многочисленные несчастные случаи и заболевания, причем, большинство из них представляло непосредственную угрозу жизни писателя.

Все началось еще в раннем детстве. Когда Ване Тургеневу шел четвертый год, его мать, Варвара Петровна, отправилась с двумя своими детьми в длительное заграничное путешествие. В конце сентября 1822 года, во время остановки в швейцарском Берне, будучи на экскурсии в городском саду со своим дядькой, Иван, любопытствуя, свалился в яму, где содержались медведи. Как его оттуда вызволяли, история подробностей не сохранила – но ясно, что именно тогда впервые смерть заглянула в глаза маленькому Тургеневу.

Через год, зимой 1823-1824 г.г. Ванечка тяжело заболел – и именно в тот момент, когда родители отсутствовали (в это время они нанимали дом для жилья в Москве). Мальчика снова спасли – Господь Бог и А.И. Логривова (женщина отпаивала больного красным вином, и это, как нам ни покажется странным, помогло).

В четырнадцать лет Иван ломает себе руку, а о том, что было с ним между 15 и 16 годами, Тургенев оставил воспоминания: *«Ростом в 15 лет я был не выше семилетнего, затем совершилась удивительная перемена после 15 лет. Я заболел. Со мною сделалась страшная слабость во всем теле, лишился сна, ничего не ел, и когда выздоровел, то сразу вырос чуть ли не на целый аршин...»*

В августе 1837 года, находясь в Спасском, Тургенев опять сломал руку.

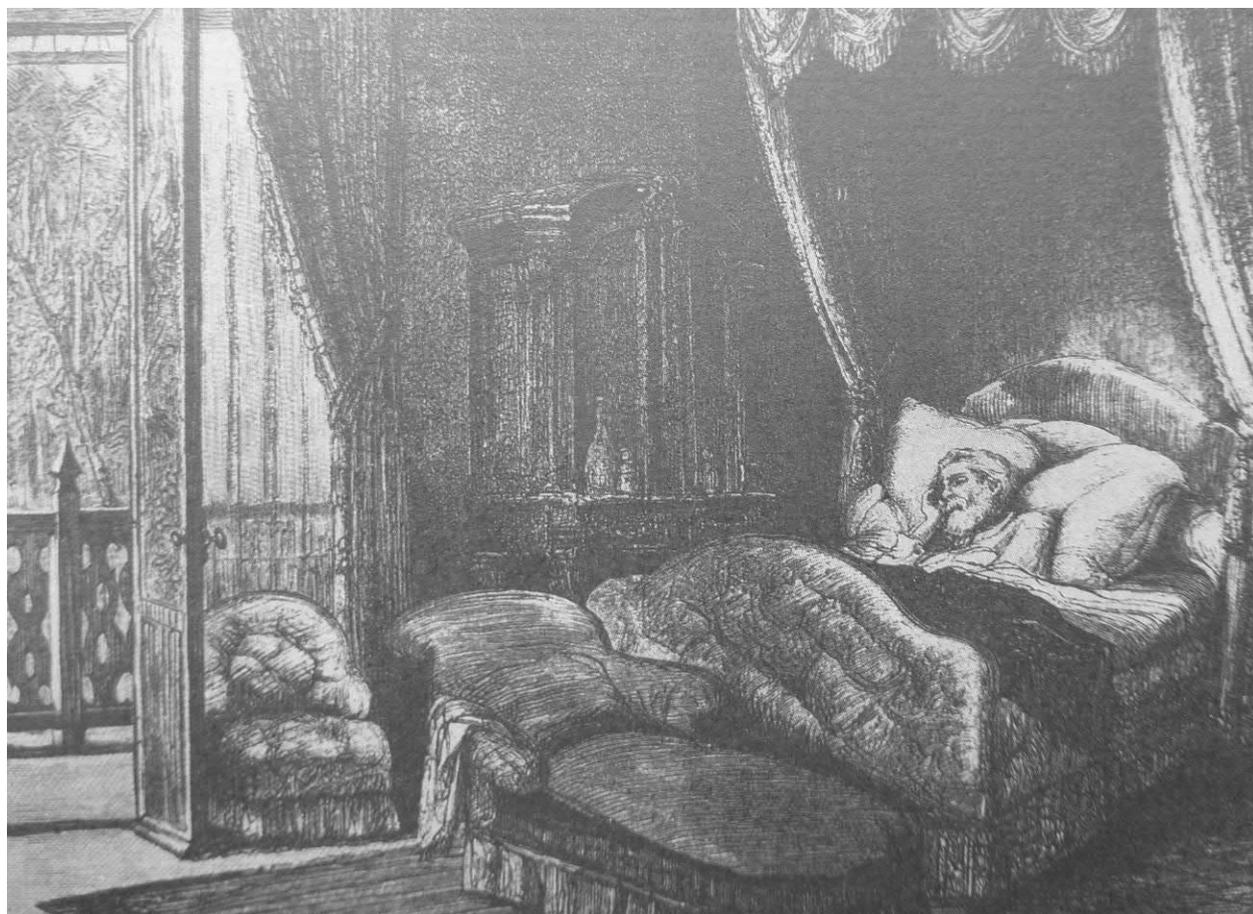
На следующий год, 15 мая, будущий писатель на пароходе «Святой Николай» отправляется за границу, чтобы продолжить обучение в Германии. В ночь с 18 на 19 мая на судне произошел сильный пожар, во время которого Тургенев натерпелся страху, от чего потом на всю жизнь у него остались мучительные воспоминания.

В марте 1844 года произошло событие, известное нам достаточно подробно из письма Варвары Петровны Лутовиновой к ее знакомой М.М. Карповой (31 марта): *«Ты пишешь о разлуке моей с Ваней – чуть было не разлучились мы навечно... На шестой неделе, дня за четыре перед отъездом, записал его Берс в Английский клуб и поехал с ним обедать. Иван ел много, пил вина более, чем когда пьет, рюмки четыре; потом пил кофий. Разгоряча себя всем этим, съел большую порцию*

морозеного; вернулся оттуда и почувствовал себя дурно. Несмотря на это, на другой день поехал на голубиную охоту... Вернувшись оттуда, слег, сделалась инфлуэнция в горле, кашель, потом перешла инфлуэнция в легкое, кровоупускание, пьязки – ничто не помогало...». (Сразу трое докторов, вызванных Варварой Петровной, все же сумели спасти жизнь начинающего поэта – А.П.).

Будучи в Париже, в мае-июне 1849 года, Тургенев заболел той болезнью, которой панически боялся с детских лет – холерой. Помогли здесь врачи и уход близких (в том числе, и А.И. Герцена).

В 1850 году на писателя начинается атака невралгий. Первым пострадал его мочевой пузырь. Он доставлял Тургеневу много проблем еще не раз потом в течение жизни (повторный приступ произошел осенью 1856 года).

И.С.Тургенев во время болезни
(1883, гравюра Ю.С. Барановского по рисунку К.Шамеро)

В письме другу, Павлу Анненкову – от 28 января (ст. ст.) 1857 года, Тургенев, отвечая на вопрос, почему он хандрит, говорит: *«На это ответ один: болезнь, проклятая болезнь пузыря, в которую Вы не верите, но которая, к сожалению, слишком действительна, потому что лишает меня всякой бодрости, всякой охоты жить, - это я говорю*

без преувеличения. Эта же болезнь причиною тому, что я ничего не сделал и не сделаю...».

Здесь сразу стоит заметить, что если уж болезнь приходила к Тургеневу, то она к нему «привязывалась» надолго.

Через полтора года, в конце августа 1858 года, писатель сообщает А. Дружинину: *«Пузырь мой все еще мучит, но я начинаю привыкать к этой беде в силу французской поговорки – «Нужно уживаться со своим врагом». Он не мешает мне работать – уже и то хорошо».*

Отступила болезнь от пузыря – настала очередь горла и легких. В сильный мороз, в январе-феврале 1860 года, Тургеневу пришлось дважды проехать из Петербурга в Москву и обратно (надо было проверить корректуру повести «Накануне»). В Петербург 9 февраля Иван Сергеевич вернулся больной, с нервным кашлем, а еще через час *«сделалось довольно сильное кровохарканье, которое продолжается до сих пор».* Доктор прописал Тургеневу рыбий жир.

Он его послушно пил, но улучшения не было вплоть до апреля, а кровохарканья происходили с периодичностью два раза в неделю. Выходить же на улицу в холод в это время Тургенев мог как раз в том самом «наморднике», о котором писал Ярмолинский в процитированном мною отрывке в начале статьи.

От кашля, боли в груди удалось Иван Сергеевичу избавиться только к лету 1860 года – после лечения на водах в Германии, в местечке Соден.

Но весной 1861 года (тогда писатель находился в Париже) сокрушительный кашель и простуда вновь вернулись, хотя и на более короткий срок. Зато осенью того же года с прежней силой напомнил о себе подзабытый было на некоторое время пузырь.

В начале 1862 года – 14 января – Тургенев пишет Афанасию Фету: *«О себе ничего не могу сообщить утешительного: я был довольно сильно болен – и до сих пор не могу поправиться как следует: какой-то черт сидит во мне до сих пор в виде головной боли, постоянной ломоты во всем теле, страшнейшего насморка, отсутствия аппетита – и т.д.».*

А в марте этого же года Иван Сергеевич в письме к В.П. Боткину впервые упоминает еще одно, такое же прилипчивое заболевание: *«У меня с некоторых пор бродячая подагра засела в сердце и очень меня мучит...»*

С этих пор болезнь пузыря, простуды и подагра, меняясь местами, «доставали» Тургенева последующие 20 лет с завидным постоянством.

Свое 53-летие, к примеру, Иван Сергеевич встретил в Баден-Бадене с приступом подагры в колене (в том, 1871 году, эта болезнь мучила Тургенева более 4 месяцев).

Год 1872 стал для писателя особенно несчастливым. В марте заболел у Тургенева зуб, его выдернули, но так неудачно, что пришлось идти к другому дантисту – а в результате этих посещений произошло сильнейшее воспаление надкостницы, от которого Иван Сергеевич промучился несколько недель.

В июне, возвратившись из-за границы на родину, заболел Тургенев «сильной холериной» (предтеча холеры), а чуть оправившись, хотел немедленно покинуть Москву, где это все и случилось, но начался «подагрический припадок» в ноге, который – с короткими перерывами – продолжался 8 месяцев (до конца марта 1873 года).

Вот как описал Тургенев свое состояние в этот период в письме Г. Флоберу (24 октября 1872 года): *«... всю ночь с пятницы на субботу был от боли - сегодня боль утихла - но колено сделалось величиной с голову – и вот сегодня я снова в постели, по крайней мере, недели на две. Это одиннадцатый припадок подагры! (Не последний! – А.П.). Вы не станете отрицать, что мне необыкновенно везет».*

Это «везение» с подагрой продолжилось потом и в последующие годы. В апреле 1878 года Иван Сергеевич доверительно сообщает А. Писемскому: *«Что делать, батюшка! Старость – не радость. Вот и я: отдежурился два месяца в комнате, с октября по декабрь, я уже полагал, что хоть на год оставит подагра меня в покое, а она опять нагрянула – я едва таскаюсь по своей спальне с помощью костылей...».*

Да, трудно после всех этих описаний болезней представить, как же и когда Тургенев сочинял свои прозрачно-легкие, ажурные, но почти всегда печальные повести и романы (во всяком случае, счастливую любовь в них мы отыщем едва ли).

А между тем, просто радуясь жизни в промежутках между болезнями, писатель все пережитые страдания переносил на страницы своих великих (как показало время) произведений.

Болезни обостряли чувства Тургенева, делали ранимее душу – и выливались в строчечные шедевры, которые не появились бы, смею предположить, при благополучном течении его жизни.

Можно даже составить хронологию появления в печати повестей, романов, рассказов Тургенева - вскоре после той или иной болезни, но это уже будет статистика, а не рассказ о жизни и творчестве.

Я довел историю страданий писателя до 1878 года – и ничего пока не сказал о той, самой страшной для него болезни – грудной жабе, которая в отличие от лягушки из русских сказок, превратилась не в

красивую царевну, а в убийственного рака – вернее, в рак спинного мозга.

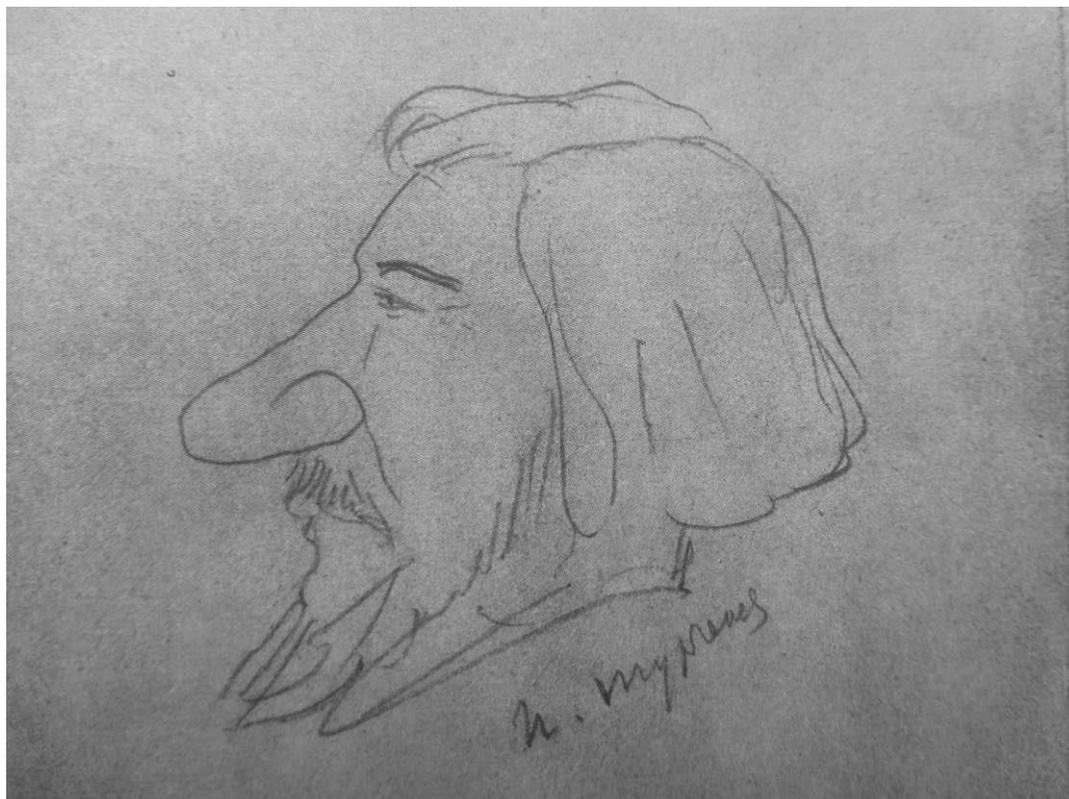
Сам Иван Сергеевич об этом так и не узнал, но это отдельная история. Наверняка Тургенев описал бы ее в одном из своих «Стихотворений в прозе», назвав его, к примеру, «Превращение».

Закончилась история болезней. Жизнь закончилась – и началось бессмертие «великого писателя земли русской».

Как умел шутить Тургенев

1 (13) июня 1860 года, находясь на лечении в Германии (местечко Соден, неподалеку от Франкфурта – на Майне), Иван Сергеевич Тургенев отправил большое письмо Афанасию Афанасьевичу Фету, своему хорошему знакомому и товарищу по многочисленным совместным охотам.

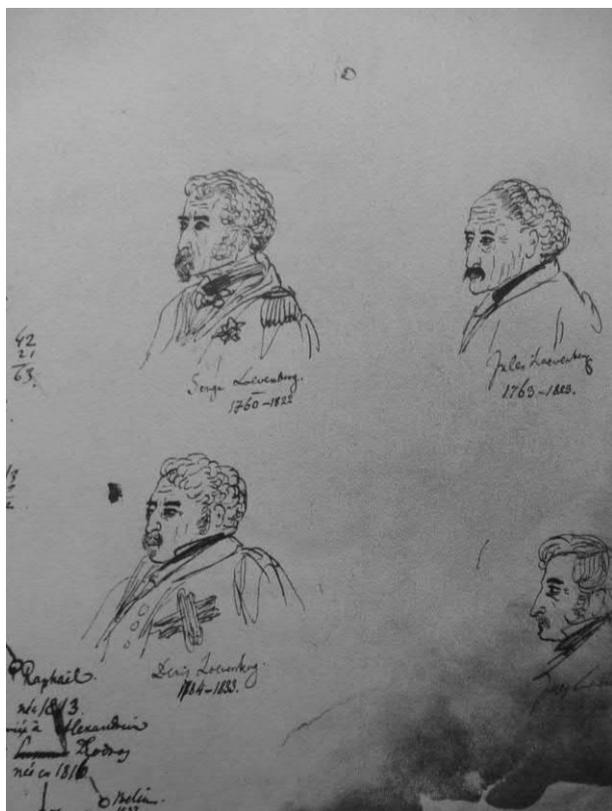
Наряду с новостями о житье-бытье на целебных водах Содена Тургенев, видимо, продолжая разговор, начатый Фетом, коснулся характеристики своего брата Николая: *«... я думаю, что вообще Ваше воззрение на моего брата справедливо, однако Вы не могли оценить одну его сторону, которую он выказывает только между своими – и то, когда ничем не стеснен – а именно юмор. Да, этот русский француз большой юморист – верьте моему слову – я от него хохотал (и не я один) до колики в боку...»*.

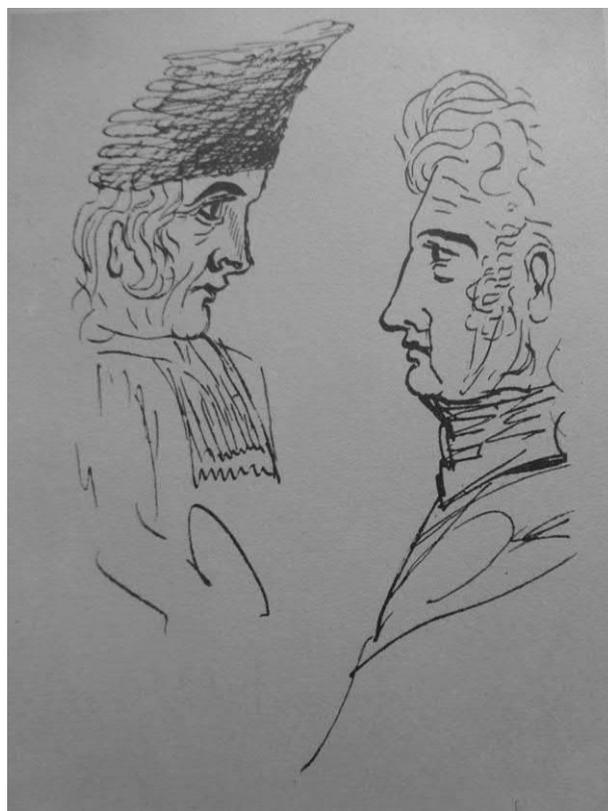
И.С. Тургенев. Автошарж (1877–1878)

Так получилось (в силу стечения различных обстоятельств), что собирая материалы о хозяйственной деятельности Тургенева, я обратился к его огромному эпистолярному наследию. И чем большее количество писем я прочитывал, тем сильнее было мое изумление: перед моими глазами предстал такой писатель, о котором я даже не подозревал.

Многие годы, я (да и все остальные его читатели – почитатели, наверняка, тоже) считал Ивана Сергеевича серьезным автором, умело и тонко отразившим в своих романах и повестях российскую действительность 40-80-х годов 19 века. А между тем мы все, по-моему, **«не могли оценить одну его сторону»** (цитирую названное выше письмо): Иван Сергеевич обладал, как и брат, замечательнейшим чувством юмора (видно, оно было их семейным достоянием).

Рисунки И.С.Тургенева «Мужчины из рода Левенбергов» (1835-1840)

Рисунки И.С.Тургенева из тетради «Молитвенник» (1834)

Сразу подчеркну, что я не литературовед и не собираюсь глубоко вникать в особенности этого юмора. Я рассуждаю как читатель, увидевший в многочисленных письмах Тургенева звездные россыпи смеха, на которые откликнулся то улыбкой, то усмешкой, а то и какими-то более сложными эмоциями.

Некоторые высказывания писателя чрезвычайно афористичны, другие – более длинны и носят характер небольшого рассказа (особенно это видно в письмах молодого Тургенева, учившегося в Германии), но

всем им присуща тонкая ирония, необидная для адресата и направленная на то, чтобы вызвать у него положительные эмоции даже в трудную минуту.

Я выбрал из писем свыше 50 таких моментов, которые посчитал наиболее отражающими уровень замечательного тургеневского юмора. Каждой из цитат я только дал название, чтобы читатель смог сориентироваться.

В остальном же пусть писатель Тургенев сам говорит за себя, а читатель насладится его юмором так же, как им наслаждался в полной мере я.

О жизни

Жизненного бремени не облегчить – и каждому самому удобнее знать, как ему возиться с этим чурбаном. Иной его кладет на голову, другой на спину – а третий просто волочит по земле. И все «то благо, то добро».

О жизни – болезни

В сущности, так как жизнь – болезнь, - все, что мы называем философией, наукой, моралью, искусством, поэзией etc. etc – ничто иное как успокаивающее лекарство.

О здоровье

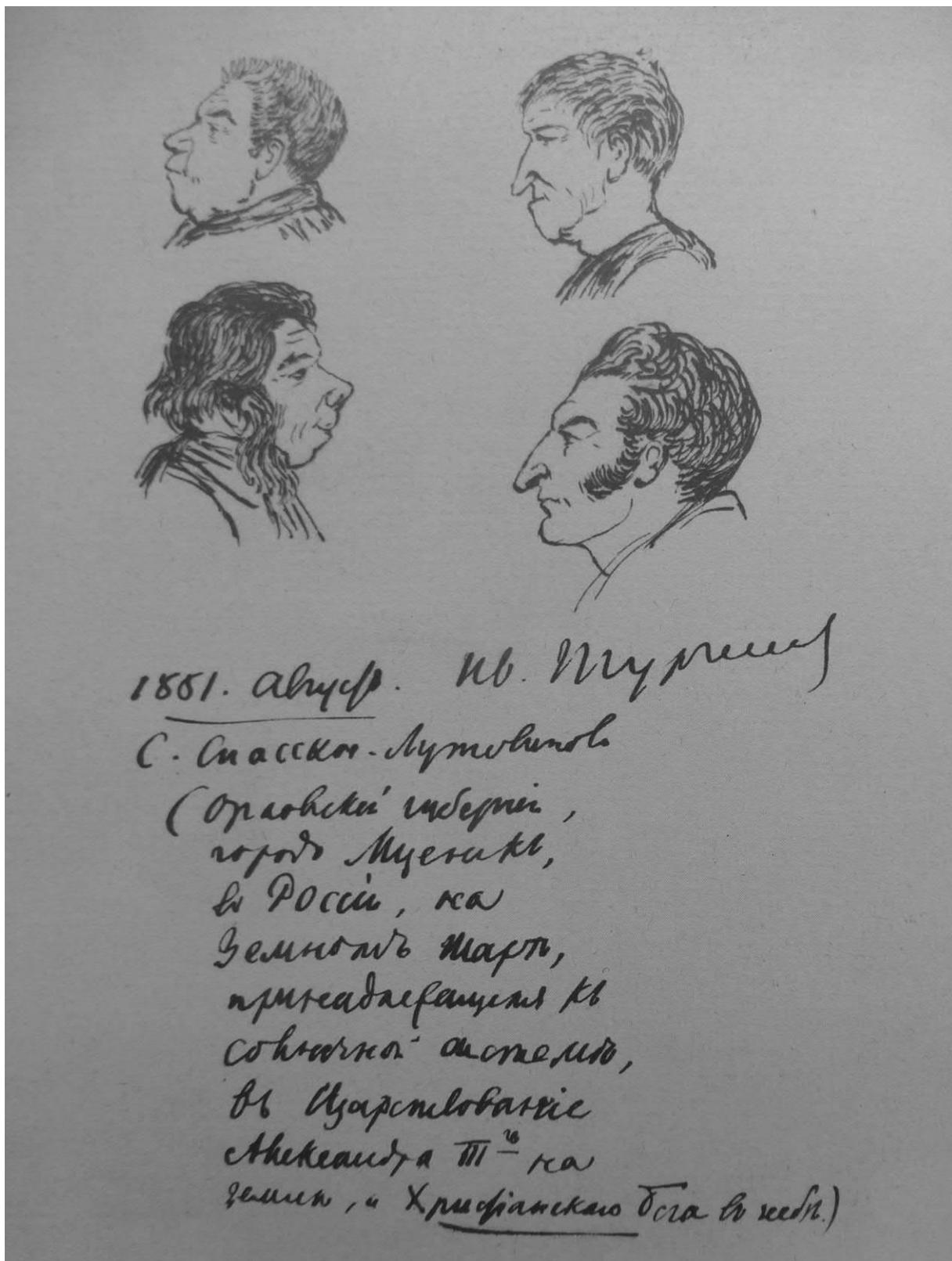
Поверьте, мне, здоровье – хорошая вещь, лучше свежепросольных огурчиков. А что свежепросольные огурчики так хороши, это и в семинарии не бывавшему известно.

О меклюдии, подагре и Бисмарке

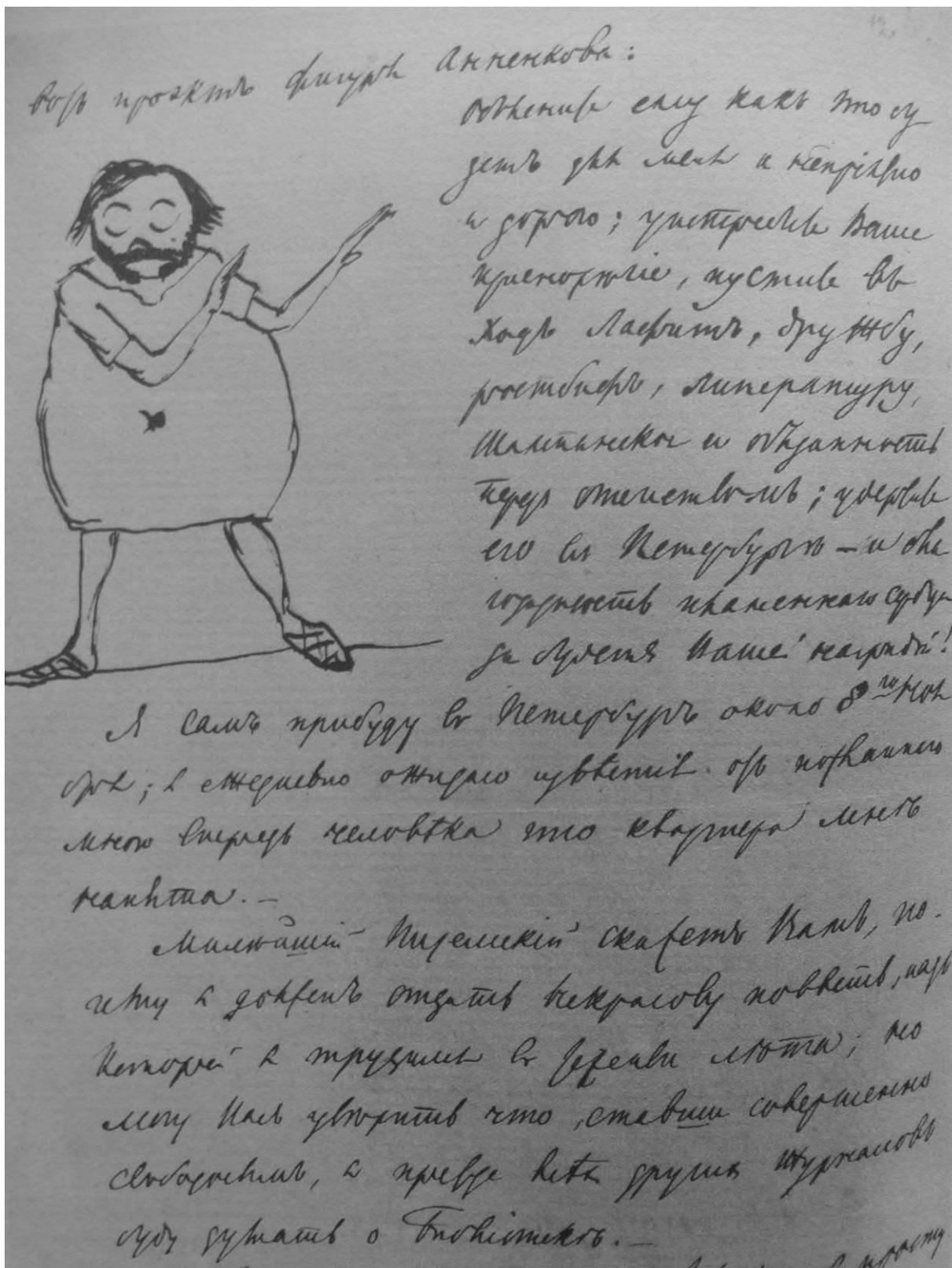
Итак, вы находитесь в меклюдии, в меклюдии, навеянной пребыванием в деревне, общим строем жизни на святой Руси и т.д. Эта меклюдия еще ничего. А вот та меклюдия, которую навевает пять месяцев продолжающаяся мучительная подагра, вот та – мое почтение! Вы опять станете упрекать меня в малодушии, в себялюбии, как перед холерой, но я бы посмотрел, что бы Вы сказали, когда (впрочем, я надеюсь, что с Вами ничего подобного не случится), когда у Вас одно колено будет, как у всех людей, так (И.С. нарисовал здоровое, ровное колено), а другое будет этак (И.С. здесь нарисовал искривленное, скрюченное и распухшее колено), да к тому целые ночи почти зубовного скрежета и невозможность ходить и т.д., и т.д. Тут даже о Бисмарке забудешь – и горе эльзасцев покажется вам совершенной чепухой.

О смерти

С каждым днем в моей жизни все ощутимее запах тления. Смерть – тонкий гурман, она любит поедать людей как фазанов, с острым душком.

Рисунки И.С.Тургенева с автографом (1881)

Письмо И.С.Тургенева к А.В.Дружинину от 10 октября 1858,
с рисунком «Проекта фигуры Анненкова» и автографом)

О следе в истории

Едва ли он оставит след о себе. Я Вам скажу, почему я так думаю. Следы оставляют только энтузиасты — или сухие дельцы: а он ни то, ни другое.

О времени

Время приняло слабительное – и неудержимо стремится – не хочу сказать куда.

О терпении

Терпи – может быть, удастся; а не удастся – ну, так, по крайней мере, научишься терпению.

О рабстве

Самое упорное и неотряхаемое рабство – есть рабство бессознательное.

О браках

Вы знаете, браки бывают неофициальные: эта форма даже иногда является более ядовитой, чем общепринятая. Вопрос этот мне точно хорошо известен и изучен много основательно.

О коньках

А что Вам не нравится слово «литератор» - это Ваш «конек», а жизнь научила меня обходиться с чужими «коньками» почтительно.

О волнах и пене

Самые огромные волны моря расшибаются о берег мелкою и часто нечистой пеной; - плохо было бы тому, кто бы вздумал судить об их силе по этой пене, пачкающей ночи.

Об умении помочь себе

Я очень хорошо понимаю, что терять деньги, получать дерзостные письма – и находиться в толкотне недоразумений, притязаний и т.д. – весьма неприятно. В таких случаях отлично помогает индийская философия: «Погрузись в себя – и произнося таинственное слово: Ом! – не позволяй себе никакой другой мысли!». Средство хорошее.

О письмах и собаках

И ты, Фет, уныло воскликнул я вчера в отделении почты во Франкфурте – когда на мой вопрос: есть ли письма на имя Тургенева – раздался ответ – нет – я был уверен, что Вы мне напишите, хотя бы для того, чтобы прислать мне рекомендательное письмо к собаке... т.е. я хочу сказать, к тому человеку в Дармштадте, который может мне доставить хорошую собаку. Пожалуйста, не теряйте времени. Но Вы мне не об одной собаке напишите. Напишите о себе, о Вашей жене, о Борисове, о Толстых, обо всем Мценском уезде.

Об охоте

Я только что вернулся с охотничьей экспедиции, совершенной нами вместе с Фетом, – экспедиции, которая, кроме ряда самых неприятно-комических несчастий и неудач, не представила ничего замечательного. Я потерял собаку, зашиб себе ногу, ночью в Карачевском трактире чуть не умер – одним словом, чепуха вышла несуразная, как говорит Фет.

Об охотнике и ружье

Вкладывай только тогда патрон, когда хочешь стрелять – не выстреливши, вынимай его тотчас.

Об отсутствии денег

Любезнейший, ... не могу Вас ничем утешить. Эпидемия безденежья свирепствует во всех знакомых карманах – всякий вздыхает и ждет присылки.

О том, что не надо трогать

Ответ, сделанный тобою на критику..., совершенно логичен и неотразим; и все-таки, ты бы лучше сделал, не напечатав его. Ты знаешь известную поговорку: «Не тронь..., оно не воняет». Отвечает..., значит, оправдывается..., значит, не прав – неизбежный силлогизм, который складывается в таких случаях в головах публики. Но, коли ты себя этим потешишь, беда не велика.

Об авторе и зрителе

Автор никогда не знает – в то время, как он показывает свои китайские тени – горит ли, погасла ли свечка в его фонаре. Сам-то он видит свои фигуры – а другим, быть может, представляется одна черная стена.

Еще раз об авторе и зрителях

Автор, ты знаешь, судья плохой – особенно на первых порах. Он видит не только то, что сделал – но даже то, что хотел сделать; а публика – может быть – ничего не видит.

О своем таланте

Поверьте: когда я говорю, что «охладел к своему делу», я не жантильничаю и не хандрю; я просто сознаю факт. Я готов допустить, что талант, отпущенный мне природой, не умалился; но мне нечего с ним делать... Голос остался – да петь нечего. След., лучше замолчать. А петь нечего – потому что я живу вне России, а не жить вне России я по обстоятельствам – всеильным – не могу...

Об умении писать и умении молчать

Нашему брату, ветерану накануне полной отставки, уже трудно измениться: что у нас вышло плохо, того уже не исправишь; что удастся – того не повторишь. Нам остается одно, о чем должно думать – уметь замолчать вовремя.

О прощании с домом в Баден-Бадене

Здесьний дом, - в котором я жил и который я продал по милости дяди – теперь продан окончательно – с 1 ноября. Баденская жизнь моя – тью-тью!

О дочери Полине и стране Франции

Я хочу пояснить Вам, почему именно между моей дочерью и мною мало общего: она не любит ни музыки, ни поэзии, ни природы – ни собак, - а я только это и люблю. С этой точки зрения мне и тяжело жить во Франции – где поэзия мелка и мизерна, природа положительно некрасива, музыка сбивается на водевиль или каламбур – а охота отвратительна. Собственно для моей дочери это все очень хорошо – и она заменяет недостающее ей другими, более положительными и полезными качествами; но для меня она – между нами – тот же Инсаров. Я ее уважаю, а этого мало.

О прибытии к дочери в Клуа

Дорогая Полинетта,

Уведомляю тебя, что в понедельник в 3 часа 40 я прибываю в Клуа с пилулями, устрицами, лососиной и одеколоном.

О прибытии в местечко Соден

Любезнейший А.И. (письмо А.И. Герцену – А.П.)

Сегодня ограничиваюсь извещением, что я благополучно прибыл в Соден, местечко близ Франкфурта-на-Майне, в Великом Герцогстве Нассауском, что я остановился в Hotel de L'Europe, что дождик льет с утра, что один доктор советует мне пить источник № 18-ый, а другой № 19-й; что здесь, к счастью, русских мало, зато есть один такой генерал, что на двадцать пять шагов от него несет пощечиной, харчевым хлебом, коридором Измайловских казарм в ночное время и Станиславом на шее; что я здесь останусь четыре недели, а потом поскачу на Уайт – в твои объятия...

О местечке Соден

Соден – очень уединенное и довольно милое местечко. Чистые улицы, чистые дома, честные физиономии.

О прибытии в город Берлин

Пробуду я в Дрездене 5 дней; на 6-ой день я прибуду в Берлин. Советую Вашей братье выстроить мне на дороге в Потсдам трухмальную арку следующим образом: Бакунин становится буквой «С»; ты, за невозможностью придать твоему телу некруглое положение, становишься подпорой Бакунину; на шее Бакунина становится Скачков, одетый в розовое трико, на голову ему возлагается венок, в одну руку дается труба, в другую – пальма (бумажная, пожалуй), он представляет славу. Так как, по всей вероятности, он в скором времени замерзнет, то все эти предметы не худо привязать к его членам. Я вылезу из коляски; сперва скажу Вам речь; по окончании речи Ефремов 101 раз звукоподражает пушечному выстрелу: звуки, не выходящие из верхнего отверстия, в счет не принимаются. После всех выстрелов я проезжаю на четвереньках под аркой, за невозможностью пройти стоя, и иду далее, вы же идете за мной и поете. Таким образом, я намерен возвратиться в город Берлин.

О своих и чужих

Когда свои люди бьют тебя до синяков, то не вспоминаешь больше о чужих болячках.

О возвращении на родину

Хоть я далеко не ландыш (разве вот что волосы так же белы) – но поверьте мне – вместе с этим цветком и я появляюсь в наших странах. Это несомненно, если только я буду жив.

Об отдыхе в Москве и его последствиях

Пробыл в Москве 10 дней. Приятно, однако, не совсем, ибо пучит, будучи частью сдобно, частью пресно.

О русской почте

Я только вчера получил Ваше письмо от 12 октября, любезнейший Иван Петрович (Боткин – А.П.) – оно находилось два месяца в дороге – это сильно даже для русской почты.

О друзьях

В самых лучших отношениях между двумя друзьями, как я заметил, наступает такой момент, когда один из них вдруг кажется другому мертвым псом и не может претендовать на какую-либо более высокую оценку. По разным моментам и признакам я смог заключить, что этот мертвопсовый момент следует считать наступившим в отношении ко мне моих немецких пифий.

Об учителе плавания и его заповеди

Я вспоминаю, что мой учитель плавания (тоже пруссак) всегда кричал мне: «Рот над водой, черт побери! До тех пор, пока держишь рот над водой, остаешься человеком!»

О критиках

Отрывок из статейки г-на Писарева, присланный тобою, показывает, что молодые люди плюются; - погоди, еще не так плевать будут! Это все в порядке вещей – и особенно на Руси не диво, где мы все такие деспоты в душе, что нам кажется, что мы не живем, если не бьем кого-нибудь по морде.

О назойливом Долгоруком

Он будет к тебе (А.И. Герцену – А.П.) лезть в самую глотку – но ты отхаркаешься.

Об Апраксине и фраке

Я еще не видел Апраксина, но, на всякий случай, возьмите фрак (А.А. Фету – А.П.); впрочем, мы, может быть, обойдемся без него, т.е. без Апраксина.

О пользе кровопускания

Сегодня опять выпустили из меня немножко крови, как пиво из бочки: ставили стаканчики; но я уже хожу по комнате и имею удовольствие видеть в окне напротив моего хорошее личико, впрочем, весьма редко. Признаться, до сих пор всякий раз, увидя меня, она отбегала от окна с некоторым ужасом; но я приписываю подобное влияние на нее моей ослепительной красоте.

О поляках

Чем больше я живу, тем более убеждаюсь, что главное дело ЧТО, а не КАК – хотя КАК гораздо легче узнать, чем ЧТО.

Поляки имеют право, как всякий народ, на отдельное существование: это – их ЧТО – а КАК они этого добиваются – это уже второстепенный вопрос. Этим я не хочу сказать, что мы были совершенно не правы во всем этом деле; со времен древней трагедии мы уже знаем, что настоящие столкновения – те, в которых обе стороны до известной степени правы...

Об англичанах

На счет англичан, которых я сам очень люблю – Вы дали маху. По воскресеньям они точно запирают все лавки – исключая, заметьте, -

исключая кабаков (gin shops), в которых народ может невозбранно упиваться до последних степеней безобразия. Водка все побеждает – даже английский пуританизм.

О немцах, едущих на войну с Францией

Откуда взялась эта бесчисленная орда? На вокзале я видел множество солдат, спящих на тюфяках, сидящих, стоящих... все они дюжие, откормленные, розовые, словно кровь французов, которую они собираются пролить, заранее окрашивает им щеки.

О немцах после разгрома Франции

Немцы выросли даже до безобразия: шишаками небо подпирают, на земле же желают Богемию, прочих оделяя презрением, нас, по дружбе и родству, больше всех.

О прусском короле и ослах

Можете сообщить Скачкову следующую остроуту: когда король заставил весь народ кричать: «Iа», неужели он забыл, что крик ослов тоже – «I-а». Помнишь римских ослов, Ефремов? Но римские ослы кричат больше ночью и возбуждаемые близостью прекрасного пола – немалое преимущество: повод гораздо более благородный, естественный и человеческий.

О друге – Павле Анненкове

Анненков порхает десятипудовой бабочкой по Северной Италии и запускает хобот своего наблюдения в цветы общественной жизни.

О шапке Анненкова

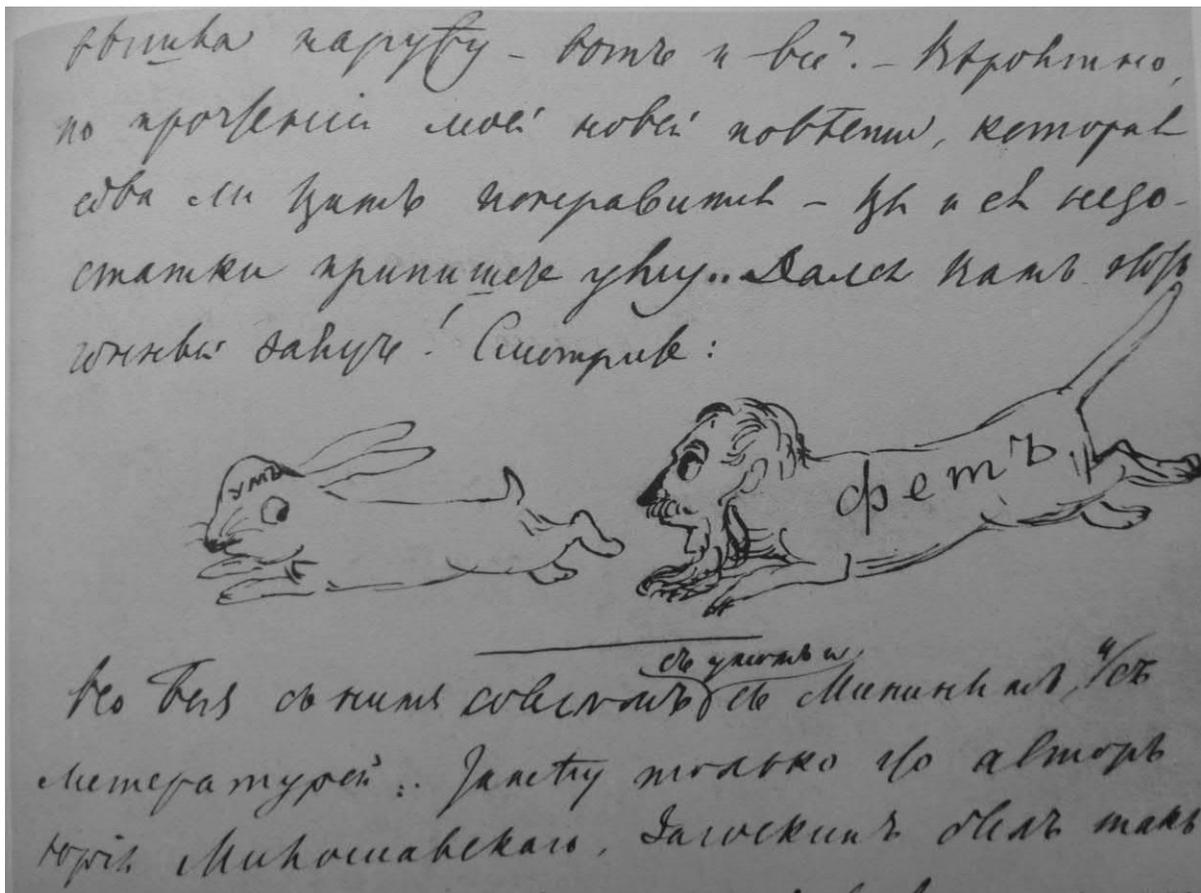
Вы уже, вероятно, теперь знаете, что шапку Вашу подменил не я; шапка, в которой я приехал, несомненно, моя. Ваша мне бы на голову не взлезла.

О сестре и зяте знакомого П.Я. Макарова

Пожалуйста, возьмите свою сестру и зятя в руки: он, я заметил, улыбается очень самостоятельно – но и только; а сестра Ваша – в некоторой степени – баши-бузук, что не мешает им обоим быть милейшими людьми.

О поездке большой группы русских писателей на английский остров Уайт

Наша коллегия будет так велика, что, право, не худо бы подумать, не завоевать ли, кстати, нам этот остров?

Письмо И.С.Тургенева к А.А.Фету от 5 марта 1862, с рисунками «Ум» и «Фет»)

О себе и Фете.

«Прочтя Ваше изумительное изречение, что: «Я (И.С.Т.) консерватор, а Вы (А.А.Ф.) – радикал» - я вспылал лирическим пафосом и грянул следующими стихами:

Решено! Ура! Виват!
Я – Шешковский, Фет – Марат!
Я – презренный волтерьянец...
Фет – возвышенный спартанец!
Я – буржуй и доктринер...
Фет – ре-во-лю-ци-о-нер!
В нем вся ярость нигилиста
И вся прелесть юмориста!

Желаю Вам расцвести на деревенском воздухе, как ландыш...
Передайте мой искренний поклон Марье Петровне – и верьте в искренность моих хотя реакционных, но дружеских чувств.

О Фете-няне и Фете-младенце

А Вы, душа моя, продолжайте мечтать о создании у нас в России земледельчески-дворянски-классической аристократии – баюкайте в качестве нянюшки самого себя в качестве младенца! Чем бы дитя не тешилось – лишь бы не плакало!

О Фете и его покупке

Теперь он (Фет - А.П.) возвратился восвояси, т.е. в тот маленький клочок земли, которую он купил посреди голой степи, где вместо природы существует одно пространство (чудный выбор для певца природы!).

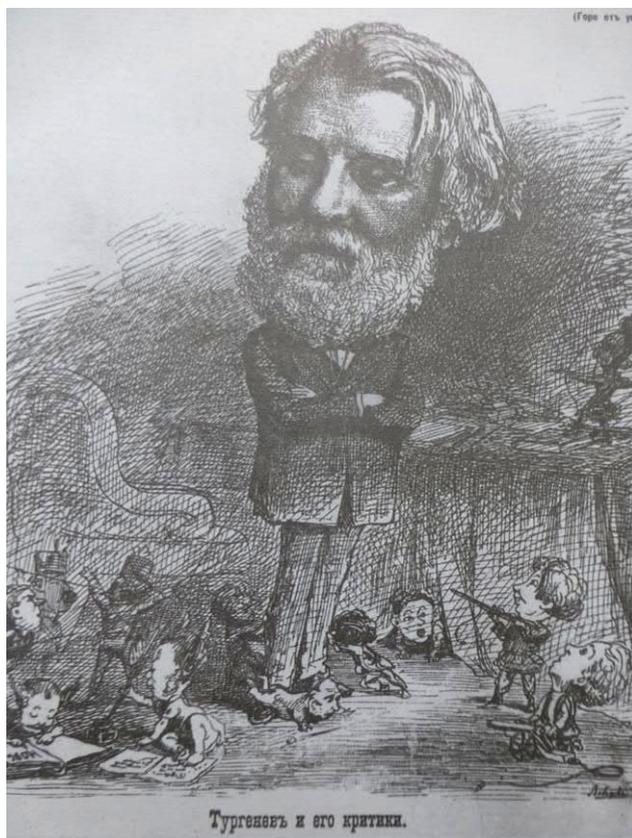
О Фете и его мечтах

Какой перл выкатился у Вас в последней фразе Вашего письма: «Покупайте у меня рожь по 6 руб., дайте мне хороших рабочих за 3 руб., дайте мне право тащить в суд нигилистку и свинью за проход по моей земле, не берите с меня налогов – а там хоть всю Европу на кулаки!». Это «не берите с меня налогов» - прямо восторг! Государство и общество должно охранять штабс-ротмистра Фета как зеницу ока – а налогов с него – ни-ни! О Катков, Катков, покровитель и сочинитель нашей gentry, облобызай сего птенца!». Вот – я Вас отщелкал – теперь щелкайте Вы меня – сие называется обменом дружественных посланий.

О фуфе

Никто еще меня не обвинял в том, что я на фуфу забираю деньги.

P.S. Надеюсь, никто из читателей не упрекнет и меня, что я их развел на фуфу, – по поводу юмора нашего великого земляка.

И.С.Тургенев и его критики (картина А.И.Лебедева, 1879)

Часть вторая. О родственниках и знакомых писателя

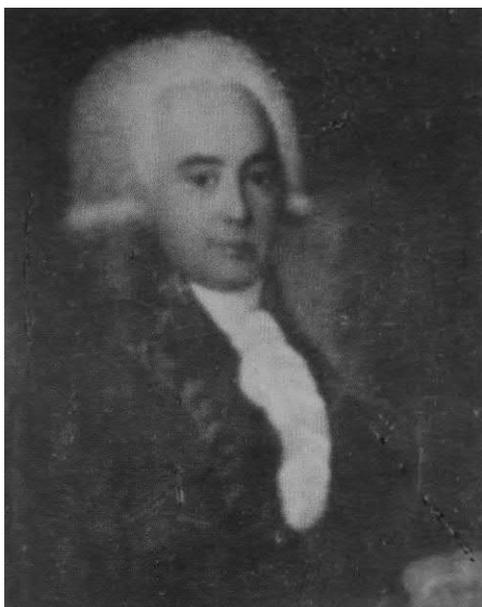
Братья-разбойники Лутовиновы

У великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева, как у всякого нормального человека, имелись, конечно же, недостатки. Но, к счастью для него самого и для нас, его читателей и почитателей, он не унаследовал худших черт родной маменьки, Варвары Петровны, или (что было бы ещё печальнее) сумасбродства и буйства своего деда и его братьев и сестёр.

Родственники «весьма развращённых нравов»

Поэт Гавриил Державин, которому довелось служить в молодости с двумя братьями Лутовиновыми в гвардейском Преображенском полку, написал в «Записках», что капитан-поручик Пётр и подпоручик Алексей Лутовиновы – «умные и весьма расторопные в своей должности люди», однако ведут они «неблагопристойную жизнь» и совершают «ззорные поступки».

По этим причинам их, в конце концов, из гвардии, мягко говоря, «попросили», хотя Алексей успел дослужиться до почти генеральского звания (в отставку вышел бригадиром – чин между полковничьим и генеральским – А.П.).

Алексей Иванович Лутовинов

Иван Иванович Лутовинов

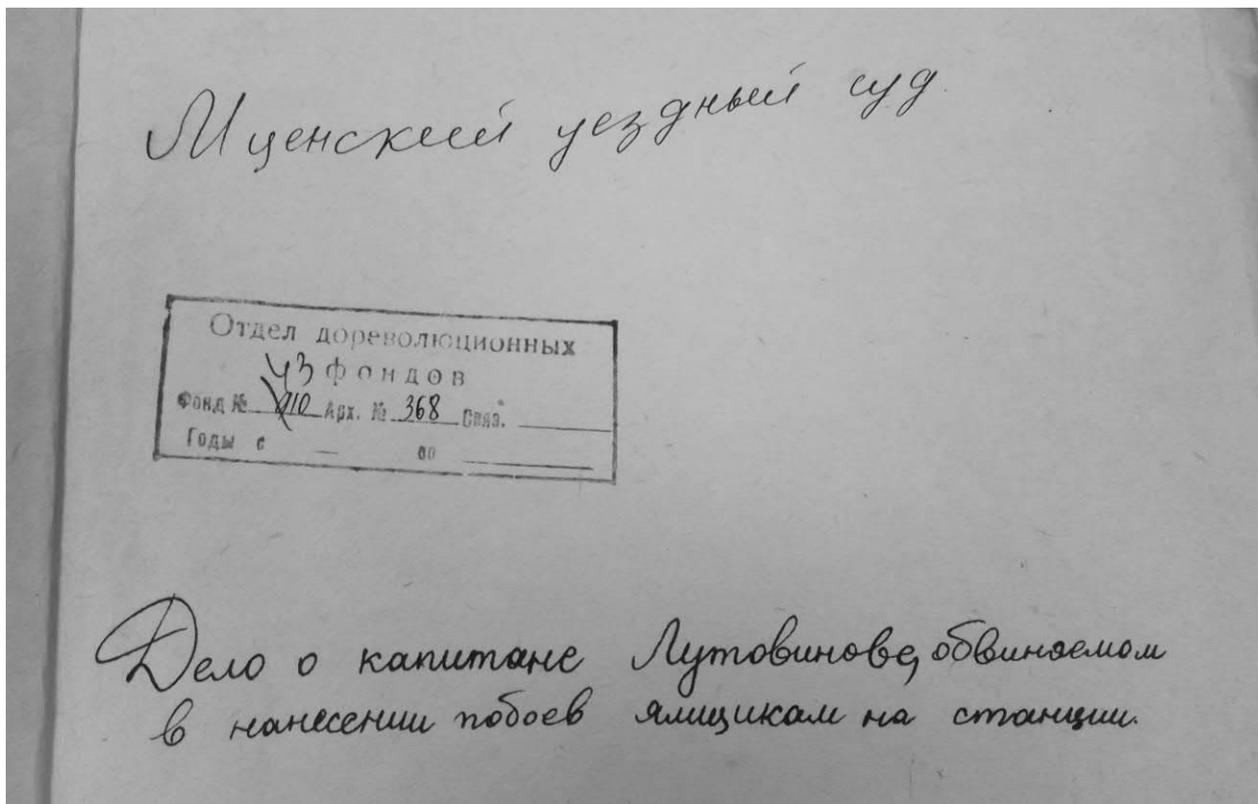
Возвратились братцы в свои поместья и стали жить обычной помещичьей жизнью. И вот тут они развернулись «по полной», да ещё младшего брата Ивана к своим безобразиям подключили.

«Художествам» Петра, Алексея и Ивана Лутовиновых в фонде Мценского уездного суда, что хранится в Государственном архиве Орловской области, посвящены целых пять дел, заведённых на братьев в течение всего лишь пяти лет. В год – по уголовному делу, круто, как сказали бы молодые, не правда ли?

Дело первое, ямщицкое

6 января 1776 года прапорщик Добродеев, определённый Военной коллегией для присмотра за ямскими станциями на Киевском тракте, послал своему начальству, в Военную контору, «репорт», в котором сообщил следующее.

31 декабря 1775 года проезжал по тракту в направлении на Москву мценский помещик, гвардии отставной капитан-поручик, Пётр Лутовинов (родной дед И.С. Тургенева, старший из трёх братьев – А.П.). Ехал он на пяти повозках и вёз с собой «неведомо каких людей».

Дело от нанесения побоев ямщикам

Согласно правилам, установленным ямской конторой, каждый проезжавший на Москву, с условием его возврата обратно, мог на каждой станции требовать только двух лошадей. Однако Пётр Лутовинов везде «насильно» брал по 15 лошадей. «На Соловской же станции взял девять и определённого к той станции сержанта Шапошникова бил нещадно» (тот пытался помешать своенравному помещику – А.П.).

Кроме того, по пути следования отставной капитан-поручик безжалостно избивал ямщиков, а следуемых за прогон лошадей денег ни разу не заплатил.

Рапорт прапорщика Добродеева Военная контора направила во Мценскую воеводскую канцелярию, а потом дело рассматривалось в Государственной юстиц-коллегии, которая возвратила его по месту жительства помещика – во Мценский уездный суд.

Пётр Лутовинов, опережая события, сам во Мценскую воеводскую канцелярию направил бумагу, в которой обвинил в случившемся инциденте сержанта Шапошникова, якобы, действовавшего не по закону. Шапошников по каким-то причинам, чтобы подтвердить факты, во Мценский уездный суд не явился, и никакого наказания капитан-поручик за своё самоуправство и «мелкое хулиганство» так и не понёс.

Дело второе, поповское

28 августа 1778 года во Мценскую воеводскую канцелярию поступило «явочное челобитье» от священника церкви села Богоявленского Сатыевского стана Чернского уезда Петра Иванова. Он просил разобраться по закону и принять меры в отношении мценских помещиков, бригадира Алексея и секунд-майора Ивана Лутовиновых, за нанесённые ими ему побои и *«утрату при этом неизвестно куда дароносицы со святыми дарами»*.

Священник подробно описал события, во время которых пострадал. 24 августа 1778 года отправился он в деревню Круговую своего прихода по просьбе однодворца Алексея Черемисинова – для проведения «исповеди и святого причастия детей его, лежащих в болезни». Взял батюшка с собой необходимые церковные атрибуты – дароносицу и святые дары.

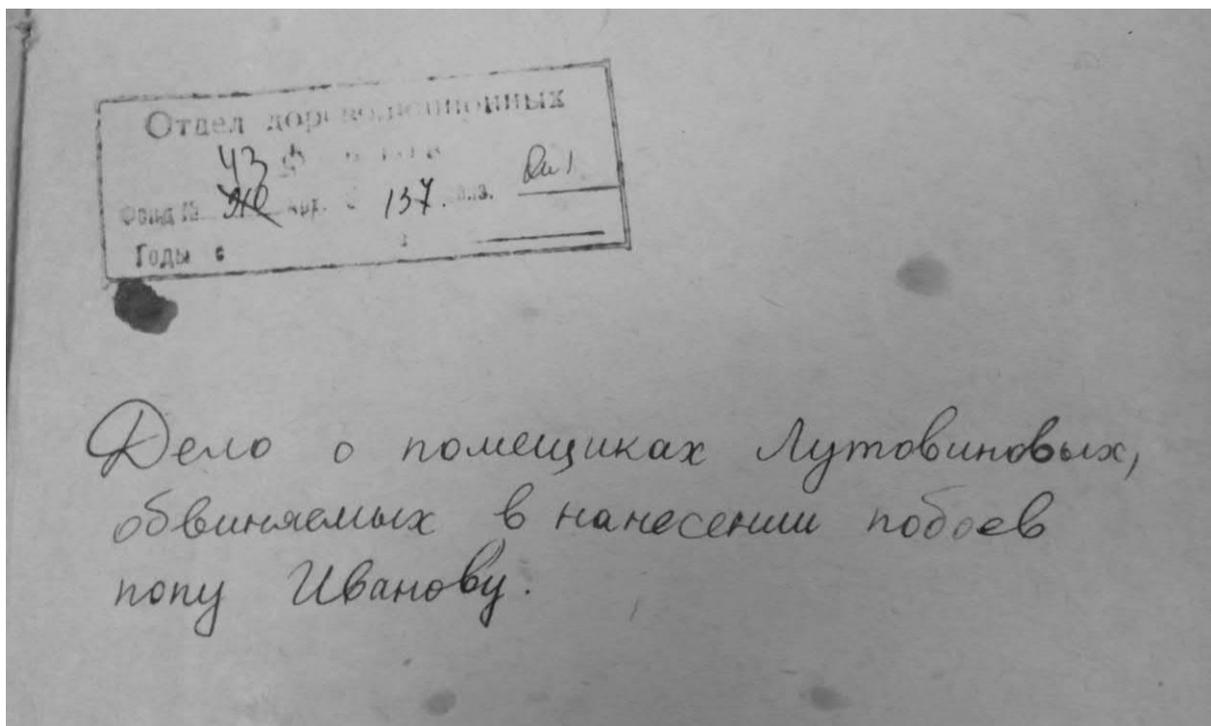
Однако не прошёл Иванов ещё и полверсты, как нагнали его в поле на дороге помещики Алексей и Иван Лутовиновы со своими людьми из деревни Слободки Чернского уезда – Семёном Родионовым, Степаном Парфёновым, Иваном Ивановым и крестьянином Борисом Григорьевым.

И сразу же, *«неизвестно за что и по каким причинам бригадир Алексей приказал, а майор Иван Лутовинов сам, соскоча с лошади, начал его, именованного, бить»*. Однако господа Лутовиновы не удовлетворились обычным, групповым, избиением беззащитного священнослужителя. Они приказали своим слугам «обнаготить» его.

Выполняя приказ, дворовые люди стащили с отца Петра полукафтан, *«заворотили на голову рубашку»* и *«по голому телу секли езжалыми кнутьями»*. Одни избивали, а другие держали попа, чтобы он

не вырвался. Бригадир Алексей Лутовинов при этом приказывал бить до смерти и *«выговаривал своим людям, чтоб его прикололи»*.

Избитого до полусмерти священника Лутовиновы бросили здесь же, на обочине дороги. Сам он подняться не смог и лежал до тех пор, пока не проезжал рядом однодворец из села Богоявленского Илья Матвеев. Ужаснулся он этой картине, поднял батюшку и привёз в его дом.

Дело о нанесении побоев попу Иванову

Несколько дней настоятель Богоявленской церкви приходил в себя и лишь потом смог написать «явочное челобитье» на разбойников Лутовиновых. Во Мценской воеводской канцелярии служители осмотрели отца Петра Иванова. Даже спустя 10 дней спина батюшки была в страшных, просечённых до крови, синих и багровых рубцах, так же выглядело и «седалище» священника.

В дополнение к факту избиения священник показал, что его дароносица и святые дары пропали во время нападения на него.

Следственное дело по «явочному челобитью» Петра Иванова рассматривалось в нескольких инстанциях – Мценской воеводской канцелярии, Мценском духовном правлении и Мценском уездном суде. Однако братья Лутовиновы активно сопротивлялись выдвинутым против них обвинениям.

Бригадир Алексей, как старший по возрасту и званию, обратился с «доношением» к епископу Севскому и Брянскому, Преосвященному Амвросию, в котором описал события совсем в другом свете.

По его словам, всё написанное в челобитной попом Ивановым – клевета. В тот день, 24 августа 1778 года, братья Лутовиновы осматривали свои земли около деревни Слободки. К вечеру они увидели подозрительного человека, который нарочно шёл не по дороге, а по их полям. Алексей спросил его, что он тут делает, тот отвечал невежливо. И бригадир Алексей Лутовинов «в горячности» приказал одному из своих людей ударить незнакомца. Но это было один раз, а потом Лутовиновы сразу же уехали. Дароносицу и святые дары они видеть не видывали и слышать не слыхивали.

Конечно, в такую оправдательную бумагу поверить можно было только при горячем воображении. А побои – вот они, засвидетельствованы актом, и церковной утвари как не было, так и нет.

Однако разбирательство тянулось четыре с лишним года, решение не принималось, а закончилось всё документом, который подвёл итоги всему следственному делу:

«А ныне мы, Лутовиновы, и я, священник Иванов, поговоря меж собой полюбовно, переполняясь долгу любви христианской, помирились. ...Он, священник, на нас, Лутовиновых, напрасно показывал, якобы во отбитии дароносицы, а я, священник, что они, якобы, меня били.. Друг на друга впредь мы не челобитчики...»

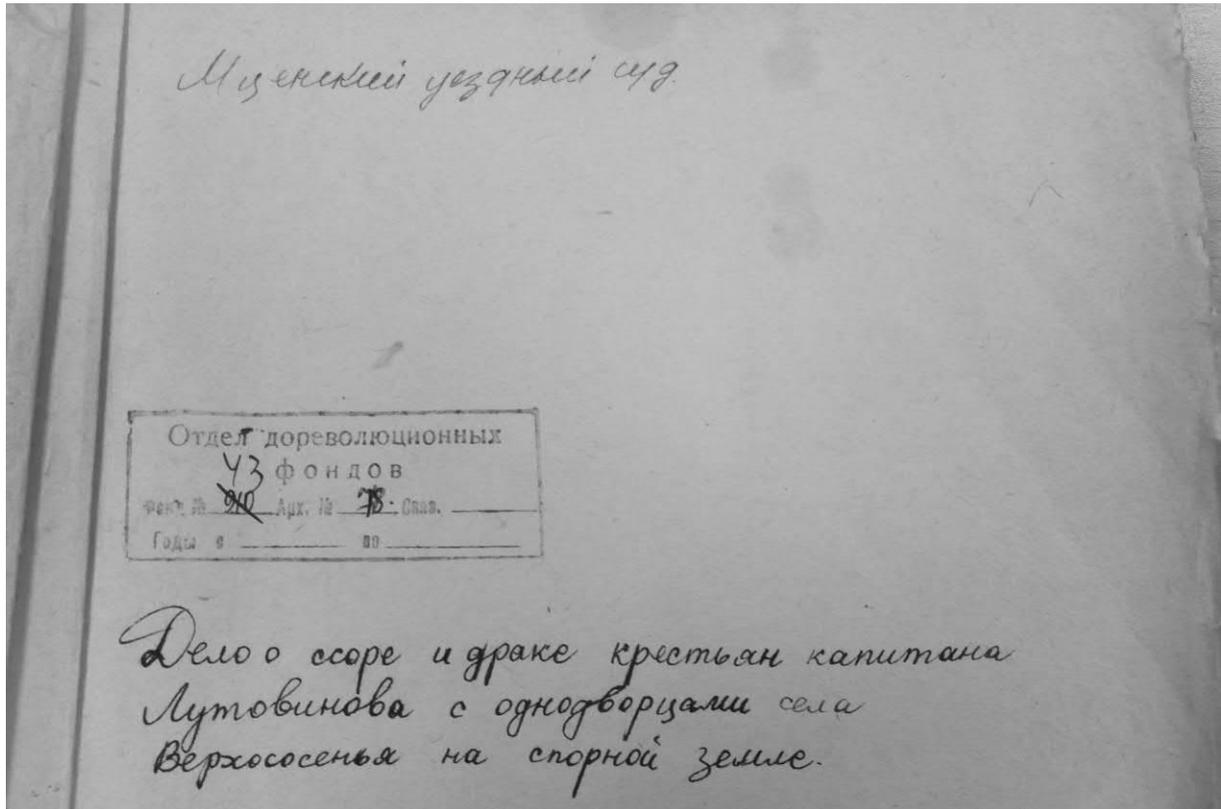
Такая челобитная была направлена истцом и ответчиками на имя императрицы Екатерины II, с тем, чтобы в «Мценском уездном суде наше челобитье было принято, а дело производством остановлено и предано забвению».

Насчёт забвения получилось не в полном объёме, потому что – «записано пером – не вырубишь топором».

А ведь были (некоторые – и одновременно) ещё третье, четвёртое и пятое дела, связанные со ссорами и драками крестьян капитана Петра Лутовинова с однодворцами села Верхососенья (Малоархангельского уезда) на спорной земле, когда дело дошло даже до смертоубийства. Но и в этих случаях, как и во всех предыдущих, Пётр Иванович Лутовинов вышел сухим из воды. Разговоров и осуждений действий сумасбродных братьев при их жизни хватало, но адекватного наказания по отношению к ним ни разу так и не последовало.

P. S. Ни родного деда Петра Лутовинова, ни его братьев Алексея и Ивана писатель Тургенев не знал лично, поскольку все они умерли до его рождения. Однако Ивану Сергеевичу были известны многие семейные предания рода Лутовиновых, некоторые из них в том или ином виде вошли в произведения Тургенева. Но, думаю, если бы Иван Сергеевич был знаком с вышеназванными делами из Мценского

уездного суда, то парой-тройкой рассказов, а то и романом наследие великого писателя обогатилось бы наверняка.

Дело о ссоре и драке

Мавзолей-усыпальница Лутовиновых в селе Спасское-Лутовиново

Мать великого писателя

Я долго колебался, стоит ли мне писать об этой женщине: чересчур положительной ее ведь никак назвать нельзя. Сам Иван Сергеевич Тургенев при жизни матери никогда не был близок с ней. Но... эта женщина родила великого писателя земли русской, она пережила многое и вполне достойна того, чтобы ей был посвящён отдельный рассказ. Но использую я для этого не свои слова, а цитаты из произведений и воспоминаний людей, хорошо знавших Варвару Петровну Тургеневу (Лутовинову).

В.П.Тургенева
(миниатюра неизвестного художника)

В.П.Тургенева (фото с миниатюры
неизвестного художника)

«Петр Иванович Лутовинов «...в 1786 году женился на Екатерине Ивановне Лавровой и через год умер, не дожив двух месяцев до рождения дочери Варвары.

До 8 лет девочка в Петровском. Когда же мать вышла замуж за соседа Сомова, тоже вдовца с двумя детьми, пришлось переехать в Холодово. После того, как дочери Сомова вышли замуж, а Екатерина Ивановна умерла, положение Вари в доме отчима стало невыносимым. Однажды зимой (1810), полуодетая, она выскочила в окно и, пройдя сорок верст, явилась в Спасское к дяде Ивану Ивановичу. Встретил он племянницу без особой радости. Стали возникать стычки. Отношения обострились во время войны 1812 года. Варя, охваченная патриотическим воодушевлением, помогала раненым, которых везли через Спасское в Орел. Смело спорила с дядей. Однажды – это

случилось 8 октября 1813 года – дядя выгнал племянницу и пригрозил оставить без наследства. В этот же день барина хватил удар. Решением Мценского уездного суда Варвара Лутовинова стала владелицей пяти тысяч душ в Орловской губернии и еще в четырех других».

(Из повести В. Катанова «Иван Тургенев»).

«Власть. Она получила ее вместе с наследством дяди. Взяла то, в чем ей, в унижениях сиротства, было не только отказано, но что причиняло, находясь в чужих руках, множество горестей...».

(Из книги В. Чалмаева «Иван Тургенев»).

«Варвара Петровна будет не просто повелевать и властвовать – это будет долголетний припадок самовластья, самозабвения среди трепета и ужаса подвластных. Вторая половина ее жизни станет мстью за невозвратно загубленную молодость, за пережитое рабство».

(Иван Иванов, один из первых исследователей творческого пути Тургенева).

«1816, января 14. В церкви села Спасского – Лутовинова венчались гвардии Кавалергардского полка поручик Сергей Николаевич Тургенев с дочерью покойного капитана – поручика Петра Ивановича Лутовинова, девицей Варварой Лутовиновой.

В приданое С.Н. Тургенев получил 936 душ крепостных».

(Из «Спасского – Лутовиновской хроники» Н. Чернова).

«Родился сын Иван, ростом 12-и вершков, в Орле, в своем доме, в 12 часов утра».

(Из «записной книжки В.П. Тургеневой»).

«Варвара Петровна понимала, что ее красавец – муж не очень охотно вводит ее в круг своих знакомых. И главное, он, неотразимо очаровательный, моложе ее на пять лет, не утративший восторга перед чудом женской красоты, ничуть не изменился. Какие же бури душевные, обиды и порывы к мщению проносились, клокотали в ее отнюдь не кроткой, скорее, «макбетовской» душе?»

(В. Чалмаев «Иван Тургенев»).

«Мой брак бесплоден навсегда, вечная пропасть между моим ложем и ложем человека, имя которого ношу».

(Из «Дневника» В.П. Тургеневой).

«Странной любовью любила Варвара Петровна детей, особенно Ивана... «Мне хочется, как цветку, погреться на солнце, а мое солнце – ты», - повторяла она многократно... Варвара Петровна испытывала, например, какое – то неизъяснимое блаженство, когда гости высказывали лестные соображения о будущности Ванички. И ожидание таких похвал толкало ее, пылкую провинциалку, на то, чтобы непременно «представить» мальчика тому или иному гостю, не считаясь с желаниями, особенностями его ребячьего характера. И что же?»

Иван мог с непосредственностью брякнуть, например, известному баснописцу Ивану Ивановичу Дмитриеву:

«Твои басни хороши, а Ивана Андреевича Крылова – гораздо лучше» или заявить светлейшей княжне Голенищевой – Кутузовой – Смоленской: «Ты совсем похожа на обезьяну».

И тогда «ужас матери, смущение ее «высказались на привычном ей «языке» – он был высечен».

(Из книги В. Чалмаева «Иван Тургенев»)

«Да! Много видела я от нее горя, а все – таки любила я покойницу! Барыня настоящая была».

(Дворовая Авдотья Лобанова о своей барыне после ее смерти).

«Матушка, дети мои! Простите меня! И ты, о Боже, прости меня, ибо гордыня, этот смертный грех, был всегда моим грехом».

(Из «Дневника» В.П. Тургеневой).

«1850 год. В начале весны Варвара Петровна заболела.

Ноября, 16-ое. Москва, дом на Остоженке. Смерть Варвары Петровны Тургеневой. Над умирающей читал молитвы о. Павел Виноградов. Иван Сергеевич на похороны опоздал».

(Из «Спасско – Лутовиновской хроники» Н. Чернова).

«С прошлого вторника у меня было много разных впечатлений. Самое сильное из них было вызвано чтением дневника моей матери... Какая женщина, друг мой, какая женщина. Всю ночь я не мог сомкнуть глаз. Да простит ей бог все! Но какая жизнь! Право, я совершенно потрясен...»

(Из письма И.С. Тургенева П. Виардо).

«В нескольких поколениях Тургеневы рождались и похоронены в Москве: дед, Н.А. Тургенев, жена старшего дяди Катерина Михайловна,

тётка Ивана и его крестная Ф.Н.Теплова (родная сестра Сергея Николаевича), две Лутовиновых - тётки Варвары Петровны. Все они покоятся в Донском монастыре. Их могилы в целости. Возле алтарной апсиды Малего Донского собора там целый некрополь писательской родни. Здесь же, в некрополе Донского монастыря, покоится и прах Варвары Петровны Тургеневой (Лутовиновой)»...

(Из книги Н.Чернова «Тургенев в Москве»)

В.П.Тургенева? (фото 2-ой половины XIX века с дагерротипа 1845-1849г.г.)

Могила В.П.Тургеневой на кладбище Донского монастыря

Карповы – знакомые семьи Тургеневых

Знаменитый русский писатель Иван Сергеевич Тургенев в течение всей своей плодотворной жизни успел познакомиться (как шапочно, так и достаточно близко) с множеством интересных или совсем незначительных личностей из самых разных слоёв российского общества. Некоторые из них были соседями по имениям его родителей. Одним из таких семейств с очень распространённой на Орловщине дворянской фамилией «Карповы» и пойдёт речь далее.

120 четей в вотчину...

Известный тургеневед Николай Чернов называл их «провинциальными нигилистами» и говорил, что «в Мценске и Орле они пользовались скандальной известностью». Впрочем, на самом ли

деле они были скандалистами, или людская молва сделала их таковыми – об этом история умалчивает. А пока несколько слов скажу о старинном роде дворян Карповых. Приводимую ниже информацию я почерпнул в протоколах Орловского дворянского депутатского собрания за 1827, 1830, 1851 и 1866 годы, когда на его заседаниях рассматривались дела о дворянстве представителей этого семейства.

Оказалось, что предок Карповых, Фёдор Афанасьевич, имел поместье в деревне Булгаковой и в пустошах Абакумовской и Каравиенки Калужского уезда. За верную службу царь Михаил Фёдорович Романов своей грамотой от 17 января 1622 года пожаловал ему это поместье площадью 120 четей¹ (*четь – 0,5 десятины – А.П.*) в вотчину. На всякий случай объясню разницу: поместье как земельное владение давалось за службу и могло быть отобрано с её прекращением, а вотчина – это наследственное земельное владение.

Кроме калужского имения, уже через два года за Фёдором Афанасьевичем Карповым значилось поместье и в Болховском уезде – «...пустошь, что была деревня Вязовая»², в котором насчитывалась 201 десятина земли (в том числе – 67 десятин пашни). Потомки Ф.А. Карпова продолжали верно служить царям: сын, Андрей Фёдорович – «на коне с саблею», внуки, Андрей Андреевич и Иван Андреевич – числились по «московскому списку». И потому понемногу увеличивались в размерах карповские земельные владения: в XIX веке их площадь приблизилась к тысяче десятин.

Деревня же Вязовая Болховского уезда, после постройки в ней Андреем Ивановичем Карповым Богородице-Владимирского храма, превратилось в село (*в большинстве документов оно называлось Вязилки – А.П.*), рядом с которым была выстроена Карповыми усадьба.

Почётный смотритель Болховского училища

После смерти братьев Андрея и Ивана Андреевичей Карповых их имение в 1805 году перешло по наследству к правнуку основателя рода – Дмитрию Ивановичу Карпову. В 1806 году он числился коллежским ассессором, и ему принадлежало в селе Вязилки и близлежащем сельце Каменка (Болховского уезда) 525 крепостных крестьян. Кроме того, усадьбу и помещичий дом обслуживало 76 его дворовых людей³. То есть, вопреки мнению некоторых тургеневедов о небольшом богатстве Карповых, это семейство в начале XIX века обладало очень приличным состоянием. Правда, за 10 последующих лет количество крепостных и

¹ ГАОО, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 16, л.л. 163-165.

² Там же.

³ ГАОО, ф. 101, оп. 1, ед. хр. 330.

дворовых людей, принадлежавших Дмитрию Ивановичу, заметно уменьшилось – до 432-х душ в 1815 году¹, что говорит или о не слишком умелой хозяйственной деятельности, или о каких-то иных проблемах.

Вполне возможно, что в молодые годы Дмитрий Карпов мало внимания уделял хозяйству – по причине занятости на службе. Как следует из послужного списка Д.И. Карпова за 1829 год, он начал её актуариусом Государственной коллегии иностранных дел в 1803 году, затем был произведён в переводчики и впоследствии перемещён в Московский архив, откуда уволился в чине коллежского асессора в апреле 1808 года.

В 1819 году Карпов вновь определился на службу и в 1825 году получил чин надворного советника (седьмой в «Табели о рангах»)², а к 1838 году – уже и коллежского советника (шестой в «Табели о рангах», что соответствовало званию полковника в армии – А.П.). Кроме того, Дмитрий Иванович Карпов, несколько лет занимая должность «Почётного смотрителя Болховского уездного училища», вложил в его благоустройство более 40 000 рублей. За такое значительное пожертвование он 22 марта 1835 года «Всемилоостивейше был пожалован Кавалером ордена Святого Владимира 4-й степени»³. Орден орденом – но затраты Дмитрий Иванович понёс солидные.

Если же к этим расходам приплюсовать ежегодные балы и праздники, которые проводились в имении Карповых по инициативе супруги хозяина, Марии Михайловны (урождённой Ждановой – А.П.), и увлечение самого Дмитрия Ивановича картами, то, наверное, можно понять причины некоторого «усыхания» полученного наследства.

Здесь, в подтверждение этой мысли, приведу большую цитату из книги М. Гершензона «Декабрист Кривцов и его братья» (Москва. Издание М. и С. Сабашниковых, 1914, стр.260-261):

«...Дмитрий Иванович Карпов был несчастлив в супружестве, но, будучи, вместе с тем, ума самодовольно ограниченного, долго не замечал своего несчастья; в Вязовом балы сменялись праздниками, гости-соседи заживались по неделям, былолюдно, шумно и весело; а дородная Марья Михайловна походя наставляла рога супругу, и имение таяло с необыкновенной быстротой. Наконец, в 1834 году плотина прорвалась, что-то случилось. Дмитрий Иванович узнал и заболел, как видно, серьёзным нервным расстройством... Он вдруг всё сообразил: что с его женою не дружит ни одна порядочная женщина в уезде, что

¹ ГАОО, ф. 101, оп. 1, ед. хр. 330.

² ГАОО, ф. 500, оп. 1, ед. хр. 2, л. 181 об.-182.

³ ГАОО, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 28, л. 18.

девочки уже на возрасте, и надо их учить, а имение разорено, и нельзя переехать в Москву для их воспитания и т.д.

Но этот пароксизм прошёл скоро, через несколько месяцев всё вошло в колею, Дмитрий Иванович опять стал здоров и весел, - однако не надолго: года полтора спустя Вера Ивановна (сестра Д.И. Карпова, мать декабриста С.И. Кривцова – А.П.) сообщила Сергею, что Дм.Ив. в Москве разводится с женою, ...ибо уже с год поговаривали, что она живёт с другим; она и обеих дочерей увезла с собою, но он их чрез начальство отнял. «Мне», - пишет она, - «его и жаль, и не жаль: сам причиной – взял девчонку от беспутной матери, дал волю летать одной, где хочет, а когда бывали в Москве, самого его заря выгонит, а другая вгонит: всякой день на игре, а она одна да одна, - и зачала искать других мужьёв; тем и кончилось. Он будет из Москвы на следующей неделе; авось одумается и перестанет там беспутно играть. Прошедший год он на 300 000 продал имения, и всё это пошло на карты и на ея распутство. Поднял бы покойного батюшку, он бы у него спросил: куда ты моё имение и деньги девал? И узнавши, славно бы отодрал плетью, истинно того стоит: глупому сыну не в помощь богатство».

Между тем, семья у Дмитрия Ивановича и Марии Михайловны была большая: шестеро детей (Николай, Елизавета, Аркадий, Павел, Наталья, Сергей), на воспитание и образование которых требовались немалые средства. А семейная жизнь родителей, дав вначале трещину, потом и вовсе пошла под откос. Громкий бракоразводный процесс, о котором судачили в Москве на каждом углу, длился почти два года (1834-1835) и закончился тем, что супруги разъехались окончательно. Вполне возможно, что к этому периоду относится один любопытный эпизод, зафиксированный в Орловской палате гражданского суда и найденный исследователем Е.Н. Ашихминой:

«...г-жа Карпова Марья Михайловна должна была 8 рублей 35 копеек, и Орловская палата гражданского суда без прелиминариев ка-а-ак начала продавать ее вещи, описанные предварительно! И ее гроднаплевое платье, цвета бланжевого, и голубое старое с аграмантом, и блузу, и турецкие шали, две штуки, одна была белая, "ковровая", и ее тюлевые чепцы, и мантилью белого цвета, и юбки, извините, канифасные и даже рубашки ткацкие и простыню»

(<http://forum.svrt.ru/index.php?showtopic=2060&st=80>). Вот такие были строгие и справедливые законы в Российской империи – даже за пустячный долг ты обязан был рассчитаться.

«Пена на квасу...»

Но, несмотря на пересуды соседей о Карповых, Варвара Петровна Тургенева, у которой у самой не всё ладно было в семье, выделяла среди соседок по имениям именно Марию Михайловну Карпову, родственницу и близкую приятельницу – как равную, образованную собеседницу, часто писала ей письма.

В 2012 году Государственный мемориальный и природный музей-заповедник И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново» выпустил книгу размером почти 600 страниц под названием «Твой друг и мать Варвара Тургенева. Письма В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу (1838-1844)». Много раз в этом солидном издании упоминается имя Марии Михайловны Карповой и членов её семейства, приводятся отрывки из писем Варвары Петровны к подруге. Своенравная и властная в обращении с многими, здесь, на бумаге, она делилась с родственницей всеми новостями – как общественными, так и личными, рассказывала о муже, о детях и взаимоотношениях с ними, писала, что из многих соседей стремится посещать именно Карповых (*хотя «не знает, почему» - А.П.*).

Одно время Варвара Петровна даже выражала желание купить домик в Болхове и поселиться рядом с Марией Михайловной (к сожалению, мне пока не удалось определить, на какой из болховских улиц находился дом Карповых, но, по крайней мере, не во второй части города, списки улиц и домовладений которой сохранились – их я проверил – А.П.).

Мать писателя опекала и детей своей приятельницы. По словам тургеневода Н.М.Чернова, старший из сыновей Карповых, Николай (по прозвищу «Мягкий»), будучи ровесником Ивана Тургенева, жил у своих троюродных братьев Тургеневых в Москве и, по всей видимости, обучался у их домашних наставников¹. Впоследствии Николай Карпов закончил Московский университет, увлекался литературой и любил рассуждать о ней.

В эпоху появления романа «Отцы и дети» Николая и второго по старшинству брата, Аркадия, Карповых в орловской провинции часто сравнивали с Кирсановыми, персонажами этого популярного тургеньевского произведения. Как раз тогда в Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии поступил доклад «О распространении нигилизма между молодёжью и дамами в Орловской губернии», в котором сообщалось о Николае Карпове. Якобы он первым в Орле провёл идею о нигилизме. Николай и Аркадий

---

¹ Чернов Н.М. Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. 2003, стр. 184.

Карповы считались «союзниками Чернышевского» и активно (в меру своего понимания) пропагандировали на Орловщине прогрессивные взгляды. Впрочем, впоследствии они очень быстро от этих взглядов отказались, став яркими критиками «нигилизма».

Афанасий Фет считал Аркадия Карпова «умницей и передовым». Аркадий Дмитриевич был членом по крестьянским делам Присутствия, назначенным «с Высочайшего соизволения», с 1861 года занимался самыми важными и трудными делами, связанными в губернии с проведением в жизнь реформ по отмене крепостного права вместе со своим двоюродным братом, декабристом Сергеем Кривцовым, выбранным на эту должность представителями орловского дворянства.

Иван Сергеевич Тургенев хорошо знал обоих братьев и достаточно точно оценил их «духовные» метания: «... Все наши так называемые направления – словно пена на квасу: смотришь – вся поверхность покрыта – а там и ничего нет, и след простыл»¹.

Николай Дмитриевич Карпов, в истории русской литературы известен также дружбой с нашим поэтом-земляком Алексеем Апухтиным. По словам Владимира, брата поэта, Николай Карпов был с детства близким другом их семьи и имел «большое влияние на жизнь Алексея» (Письмо к А.В. Жиркевичу от 1 мая 1908 года, Государственный музей Льва Николаевича Толстого, архив А.В. Жиркевича). Известны два стихотворения Апухтина, посвящённые его товарищу. Замечательное лирическое «В ожидании грозы» было написано в 1856 году. А печально-элегическое, «Памяти Н.Д. Карпова», появилось на свет 17 лет спустя, после скоропостижной смерти Николая Дмитриевича. Я процитирую из него два четверостишия:

*Полвека прожил ты, но каждый день милей
Казалась жизнь тебе, - ты до конца был молод.
Как не было седин на голове твоей,
Так сердца твоего не тронул жизни холод.*

*Мне так дика, чужда твоей кончины весть,
Так долго об руку с тобой, я шел на свете,
Что, вылив из души неволью строки эти,
Я всё еще хочу тебе же их прочесть!»*

---

¹ Тургенев И.С. Письма, Т. 7, стр. 10.

Загадки одной вдовы

Отставной поручик Аркадий Дмитриевич Карпов прожил ещё меньше брата и умер в 40 лет, оставив вдовой жену с пятью несовершеннолетними детьми (младшему, Дмитрию, шёл только пятый год – А.П.).

Вот здесь возникает очень любопытный момент. Тургеневед Н.М. Чернов в очерке «Провинциальные нигилисты» пишет (цитирую отрывок): *«Екатерина Никаноровна Шеншина, в замужестве – Карпова, – из болховской ветви рода, скорее однофамильцев, чем родственников Фета. После смерти Аркадия она вышла замуж за Н.П. Барышникова. Тоже из круга знакомых Тургенева»*¹. А в своей «Спасско-Лутовиновской хронике» Николай Михайлович сообщал, что Е.Н. Шеншина оставила Н.П. Барышникова и вышла замуж за Карпова². Чернов писал, что о ней шли не очень хорошие слухи, якобы *«занималась распутством»*³.

Но документ, обнаруженный мною в ГАОО, позволяет сказать, что женой Аркадия Дмитриевича Карпова была совсем другая женщина. Итак, снова цитирую:

«1866 года, февраля 22 дня, по Указу Его Императорского Величества, Орловское Дворянское Депутатское Собрание слушали дело о дворянстве детей умершего поручика Аркадия Дмитриевича Карпова: Марии, Натальи, Елисаветы, Юлии и Дмитрия. Обстоятельства дела сего следующие:

*Поручик Карпов, собранием Сим, по определению 20 мая 1829 года внесён в 6-ю часть дворянской родословной книги. В 11-й день октября 1865 года вдова поручика, **Татьяна Михайловна Карпова** (выделяю – А.П.), вошла в Депутатское собрание с прошением о внесении в дворянскую родословную книгу детей ея: Марии, Натальи, Елисаветы, Юлии и Дмитрия и выдаче им документов о дворянстве, причём, представила Указ об отставке умершего мужа, поручика Аркадия Дмитриевича Карпова, данный ему 5 сентября 1846 года за № 5730 и метрические свидетельства Орловской духовной Консистории от 24 февраля 1864 года за № № 1762, 1763, 1764, 1765 и 1766 о рождении помянутых детей ея»*⁴:

Н.М.Чернов, говоря о жене Аркадия Карпова, ссылаясь на доклад «О распространении нигилизма в Орловской губернии»⁵, но, видимо, в

¹ Чернов Н.М. Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. 2003, стр. 186-187.

² Чернов Н.М. Спасско-Лутовиновская хроника. 1999, стр. 216.

³ Чернов Н.М. Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. 2003, стр. 186.

⁴ ГАОО, ф. 68, опись 1, ед. хран. 42, л.л. 9-10.

⁵ О распространении нигилизма в Орловской губернии, РГА, ф. 109, оп. 5, ед. хр. 253.

него (или в интерпретации самого документа) вкрались явные ошибки. И, вполне вероятно, теперь с чистой совестью можно реабилитировать вдову покойного поручика.

Полковнику, однако, пишут

Отдельно стоит сказать, конечно, и о самом младшем из братьев Карповых – Сергее, которого Иван Сергеевич Тургенев также хорошо знал и изредка писал ему письма.

Выше я говорил, что Варвара Петровна опекала старшего из сыновей Карповых – Николая. Но, если судить по её письмам Марии Михайловне Карповой, то и младшего Сергея она тоже не оставляла без внимания. Когда в апреле 1845 года В.П. Тургенева побывала на одном из концертов французской певицы Полины Виардо в Москве, она сообщила М.М. Карповой: *«Твой Серёжа весь праздник был у меня. Я его возила с собою в концерт Виардо в ложу 1-ого яруса или бель-этаж. Наряды дам, пение Виардо – всё его приводило в восхищение...»*¹.

Иван Сергеевич Тургенев время от времени узнавал, как идут дела у его знакомого, тем более, что Сергей Дмитриевич Карпов пописывал заметки в газеты и журналы, составил «Начальный курс географии». 7/19 мая 1868 года Тургенев сообщал Г.К. Репинскому, работавшему совместно с А.М. Скабичевским над составлением «Летописи Общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным с 1859 по 1884 год» сведения о Карпове: *«Сергей Дмитриевич Карпов был два года тому назад полковником в стрелковом батальоне е.и.в. Если он не вышел в отставку, то адрес его легко узнать. Имение его находится в Болховском уезде Орловской губернии»*².

В отставку С.Д.Карпов действительно уходил, служил по статской части, но с началом русско-турецкой войны вернулся армию. В сражении под Плевной, под началом М.Д.Скобелева, Сергей Дмитриевич был командиром батальона.

Известно письмо Владимира Николаевича Апухтина (брата поэта А.Н. Апухтина – А.П.), в котором он рассказывает о некоторых странностях в поведении полковника Карпова на Балканах: *«Интересно было бы описать личность нашего командира батальона и его, между прочим, проделку со Скобелевым и Радецким, когда Карпов после сражения под Шейново явился непрошенный на военный совет и преподнёс Скобелеву мёду, Радецкому – «фиги», финики, взятые в турецком лагере. Да и вообще, всё командование батальоном Карповым был целый ряд юмористических выходов. Карпов был личностью*

¹ РГАЛИ, ф. 509. Оп. 1, № 172.

² Письма И.С. Тургенева (Т. VIII, стр. 198-199).

образованной, но немного помешанной. Он, бедный, и кончил свою жизнь в Николаевской больнице умалишённых.

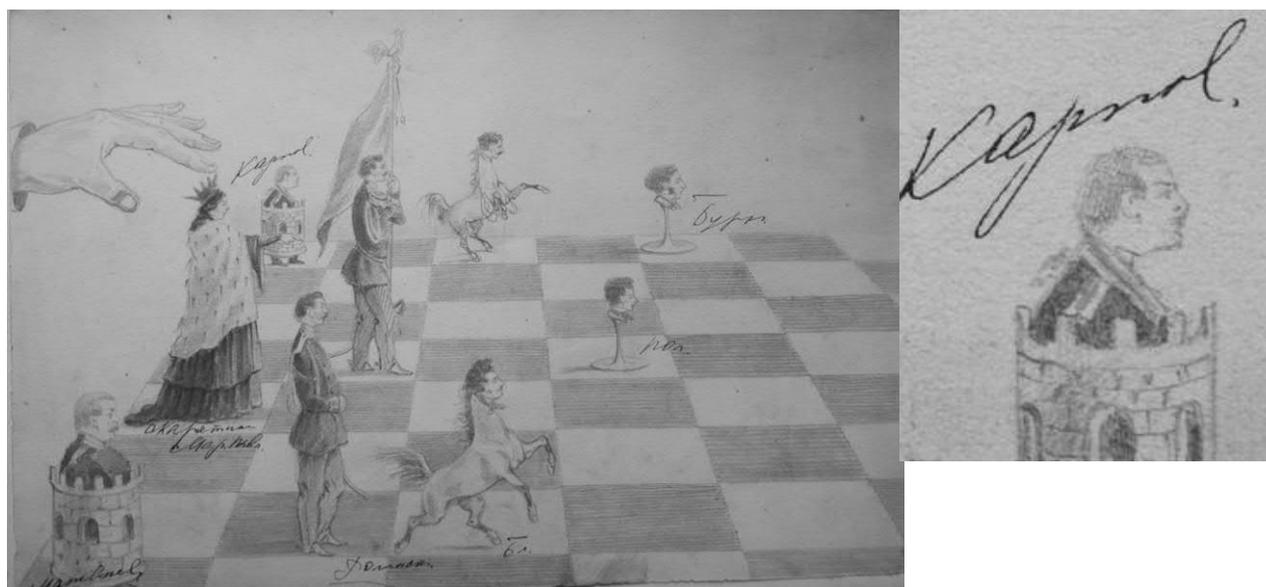
Его прошлое во время польского восстания не лишено исторического значения. Ведь он был послан со знамёнами к Императору Александру II и тогда отличился тем, что рассказал Государю целый ряд военных походов, но когда Государь заставил повторить этот рассказ Государыне, он всё переврал, хотя тут же получил золотое оружие, но потерял флигель-адъютантство, которое, наверное, получил бы, если бы сумел рассказать более правдоподобно. К нам он поступил прямо под Плевной, после 15 лет отставки... Перед поездкой в действующую армию Карпов заехал к Алексею Николаевичу (Апухтину – А.П.), уселся у него на кровати, крутил на нём себе папиросы, осыпая Алексея Николаевича табаком, и всё рассказывал о своём сыне, то он у него был Митя, то Коля и т.д.»¹.

В вышедшем из печати в 2009 году сборнике «И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы» был опубликован материал директора Орловского Объединённого Государственного Литературного музея И.С. Тургенева Е.Г. Мельник «С.Д. Карпов – орловский знакомый Тургенева», в котором она поместила неизвестное до этого времени письмо Сергея Карпова к писателю от 6 (18) апреля 1875 года.

С.Д.Карпов в танце

¹ Подлесских-Жиркевич Н.Г., Маричева Л.М. Новые материалы об А.Н. Апухтине (Вопросы литературы, 1999, № 3, стр. 159-160).

С.Д.Карпов (в виде ладьи)

В этой же статье Елена Григорьевна останавливается и на так называемом «Орловском альбоме», хранящемся в собрании Орловского объединённого литературного музея И.С. Тургенева. В альбоме представлена серия из 12 рисунков, относящихся к жизни орловского общества времён правления губернатора В.И. Сафоновича. Рисунки подписаны, и на двух из них помещён как раз Сергей Карпов. На первом из шаржей он так увлечён танцами или чем-то ещё, что уносится в обнимку с платьем партнёрши, бросая её смущённую и в нижнем белье. На другом рисунке Сергей Карпов аллегорически представлен в виде ладьи на шахматной доске. Вполне возможно, что это единственные изображения младшего из сыновей карповского семейства.

С.Д.Карпов и дочь
губернатора
Е.В.Сафонович

С.Д.Карпов с платьем дамы

Сёстры Карповы:**возлюбленная одного писателя и жена – другого**

И, наконец, несколько слов о сёстрах Карповых. Старшую, Елизавету, 1822 года рождения, Варвара Петровна Тургенева метила себе в невестки (знала, что сын Иван какое-то время был влюблён в неё). Тургенев писал в письмах Полине Виардо о Елизавете Карповой как о своей прежней страсти. Близкое знакомство тогда начинающего литератора с новой возлюбленной состоялось, по всей вероятности, в 1841 году, о чём он упоминает в своих письмах к Е. Фроловой. Однако, в силу разных обстоятельств, – не срослось.

Елизавета Дмитриевна впоследствии вышла замуж за помещика Николая Никитича Шеншина, жившего в селе Ближнее Волково, неподалёку от Мценска, стала образцовой матерью и замечательной хозяйкой. Дом Шеншиных посещали Тургенев и Фет.

И.П. Борисов, знакомый Ивана Сергеевича, тоже однажды побывавший в Ближнем Волково и беседовавший с Елизаветой Шеншиной, сообщал Тургеневу: *«Она много о Вас вспоминала, о Вашем детстве, юности. Я впервые узнал, что Вы такой давний их знакомый»*¹. Николай Михайлович Чернов, известный исследователь творчества Тургенева, предположил, что, вполне возможно, именно Лизу Шеншину (Карпову) вспоминал писатель, когда сочинял своё бессмертное *«Как хороши, как свежи были розы...»*².

Младшая из сестёр Карповых, Наталья, была, по словам упоминавшегося Н.М. Чернова, девицей *«сильного, агрессивного характера, с фантазиями и причудами»*, называла себя «кузиной» Тургенева (и он её – так же, что было недалеко от истины – А.П.) и любила сравнивать себя с Малютой Скуратовым³. Она связала свою судьбу с выходцем из западных российских губерний Александром Нилусом, сыном генерал-майора.

В июне 1853 года И.С. Тургенев присутствовал в качестве шафера на их свадьбе⁴. Недавно удалось обнаружить копию метрической записи, сделанной тогда в Успенской церкви села Лунёво Болховского уезда. Священник этого храма, отец Сергей Успенский обвенчал *«бывшего старшего чиновника особых поручений при Калужском губернаторе, титулярного советника Александра Петровича Нилуса, 38 лет, и Болховского уезда сельца Вязового умершего надворного советника Дмитрия Ивановича Карпова дочь, девицу Наталью*

¹ Чернов Н.М. Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. 2003, стр. 184.

² Там же.

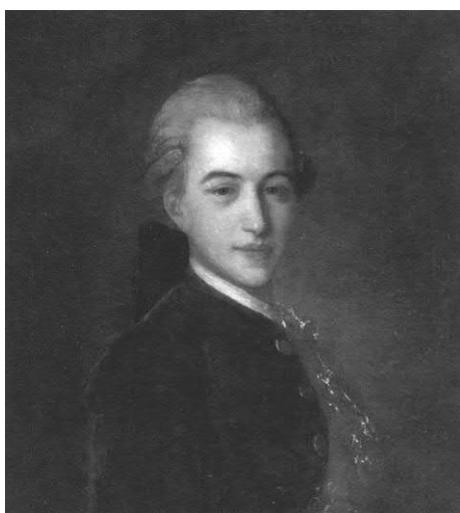
³ Чернов Н.М. Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. 2003, стр. 189.

⁴ Письма И.С. Тургенева (Т. II. стр. 241).

Дмитриевну Карпову, 26 лет». Поручителями по жениху записаны были Иван Сергеевич Тургенев и Владимир Александрович Шеншин, выпускник Московского университета, друг М.Ю. Лермонтова.

От брака Александра Петровича и Натальи Дмитриевны Нилус родился 25 августа 1862 года всемирно известный ныне религиозный писатель Сергей Нилус. Однако вскоре семья распалась. Но это – уже отдельная история. Вот такие они были – знакомые и родственники семейств Тургеневых, Кривцовых, Шеншиных, Нилусов, - калужские и болховские дворяне Карповы.

Мацневы – соседи Лутовиновых и Тургеневых

Губернский прокурор
Николай Мацнев (портрет
работы Ф. Рокотова)

Через поле от большого спасско-лутовиновского пруда и от тургеневского парка находится маленькая деревня. Еще совсем недавно она называлась Мацнева. В наше время этот населенный пункт Спасско-Лутовиновской сельской администрации (Мценского района) именуется деревня Меркулово. В конце XVIII века, в эпоху Генерального межевания (1778 -1796 г.г.), прилегавший к ней земельный надел значился за вдовой-майоршей Натальей Михайловной Мацневой, которая, таким образом, была соседкой Лутовиновых.

Многочисленный род Мацневых хорошо знали в Орловской губернии. Эти дворяне были первопоселенцами края, за заслуги в деле защиты которого от врагов русские цари пожаловали им многочисленные имения в нескольких уездах – Малоархангельском, Кромском, Орловском, Мценском и других.

Целых одиннадцать семейств Мацневых значилось в «Алфавитном Указателе утвержденных Правительствующим Сенатом дворянских родов, внесенных в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии...». Представители этого рода постоянно занимали различные государственные и выборные должности.

В 1813 году, к примеру, малоархангельским предводителем дворянства являлся поручик в отставке Дмитрий Афанасьевич Мацнев, а в Мценске эту же должность занимал капитан флота II ранга Александр Антонович Мацнев. В 1876-1881 годах мценским же

уездным предводителем был сын Александра Антоновича – отставной поручик Григорий Александрович Мацнев.

Многим дворянам этого рода присущ был дух благотворительности. Кузьма Мацнев пожертвовал землю и деньги для строительства церкви в селе Покровское (современный райцентр), так же поступил Николай Родионович Мацнев (на его средства построен был храм в селе Троицкое).

В имениях Леонида Никоноровича и Михаила Михайловича Мацневых появились одни из первых публичных библиотек в Малоархангельском уезде.

С возникновением земства многие Мацневы активно включались в его работу в качестве гласных уездного и губернского уровня. В общем, деятельность этого рода в губернии была обширна, многообразна и достойна большой научной статьи.

Но мы ограничимся рассказом о представителях только одной семьи, к которой принадлежала названная нами в самом начале Наталья Михайловна Мацнева. Уж больно любопытной оказалась она фигурой в истории Орловщины.

Ее свекор, Спиридон Тимофеевич Мацнев, основатель семьи, стал одним из персонажей книги А.К. Юрасовского «Былые чудачки в Орловской губернии».

Вот что сказано о нем в книге: *«Он служил секретарем в Орловской провинциальной канцелярии, затем вышел в отставку и принялся хозяйничать; и за несколько лет нажил и заработал так, что имел более шести тысяч душ и лесную дачу в восемнадцать тысяч десятин... Помещики называли его «хлебную маткою».*

Сам он, при всем богатстве, по внешности не отличался ничем от своего мужика. Ходил в лаптях и простом мужицком наряде, ел на деревянных тарелках и деревянными ложками, и больше от скупости, морил себя голодом... Нравственности он был невысокой, со всеми ссорился и притеснял соседей. Все его богатство не пошло впрок! Был у него один сын, но и тот при нем умер...».

Вот за этим сыном, Михаилом Мацневым, военным, и была замужем Наталья Михайловна. Служба у мужа шла успешно, до майора уже дослужился, да смерть внезапно карьеру его оборвала.

После смерти Михаила Мацнева, а следом за ним и свекора – достались вдове-майорше несколько имений. Одно из них мы уже называли – деревня по соседству с селом Спасским Мценского уезда.

Однако это владение помещицы не было основным. В фонде № 6 Государственного Архива Орловской области (документы Орловской палаты гражданского суда) мне удалось найти «Дело по прошению

помещицы Мацневой Н.М.», в котором сама вдова-майорша перечислила, что же ей принадлежало уже в другом месте: «...Состоит за мною недвижимое имение с людьми и со крестьяны, которые по нынешней пятой ревизии, написаны за мною Орловского наместничества Мценской округи, в селе Большом Столбецком – 257 душ, в сельце Толстом – 139, в деревнях Вышней Столбецкой – 180 и Козловке – 41, всего 617 душ...»

(Тут я сделаю необходимое примечание. В конце XVIII века эта самая Мценская округа была обширной территориальной единицей, включавшей в себя населенные пункты, которые входят ныне в состав разных районов Орловской области. Названные помещицей Мацневой село Большое Столбецкое – или просто Столбецкое, сельцо Толстое, деревня Вышне-Столбецкое и деревня Козловка – это селения современного Покровского района, находящиеся неподалеку друг от друга, а первые три – так вообще входят в Столбецкую сельскую администрацию – А.П.)

Что самое удивительное – Наталья, Михайлова дочь, Мацнева, с этим своим «недвижимым имением» опять оказалась соседкой Лутовиновых, которым принадлежала (частично) деревня Столбецкая (в 1855 году, при разделе имений В.П. Лутовиновой между Николаем и Иваном Тургеневыми, она отошла к Николаю Сергеевичу – А.П.)

Нам не удалось найти сведений о хозяйственной деятельности Натальи Михайловны, но, по всей видимости, эта деятельность была достаточно успешной, хотя вдова-майорша (судя по известным нам документам) и продавала время от времени принадлежащих ей дворовых людей и крестьян.

В том же деле № 2167 из фонда 6 ГАОО имеется купчая от 9 апреля 1796 года, по которой Н.М. Мацнева продала пяти разным помещикам 18 душ своих крепостных за общую сумму в 140 рублей.

А еще через пять лет вдова-майорша осуществила ту самую продажу, благодаря которой ее имя впервые попало на глаза историкам. Второго декабря 1801 года Наталья Михайловна за 600 рублей ассигнациями продала тульскому помещику Василию Шатилову (тоже известная личность – А.П.) двенадцать своих человек. Был среди них будущий выдающийся русский скульптор Борис Орловский (Смирнов – А.П.), которому исполнилось на тот момент 10 лет.

Большая, в семь человек, семья его отца Ивана Смирнова, составила тогда основную часть сделки помещицы.

Вот так, просто продавая, причем людей, можно иногда попасть в историю (особенно российскую – А.П.). Дважды соседка и продавщица

передала свои имения по наследству сыну – Николаю Михайловичу Мацневу.

Тургеневед Николай Чернов в своей книге «Дворянские гнезда вокруг Тургенева» сообщил о нем: «...губернский прокурор, красавчик, повеса и мот...».

Да, забравшийся на довольно высокую должность, внук хлебного спекулянта, даже женившись на аристократке, фрейлине Варваре Ланской, родной сестре фаворита Екатерины II, начал понемногу «спускать» свое и женино состояние.

Мы нашли подтверждение этому опять-таки в деле № 2167 фонда 6, где приводится следующий факт.

Николай Михайлович Мацнев (пытаясь, наверное, походить на деда – «хлебную матку») взял подряд на поставку муки из своего имения в Санкт-Петербургские запасные магазины. Поручителем в этой сделке выступили мать – Н.М. Мацнева и близкий родственник – А.С. Мацнев.

Однако, получив за предполагаемую поставку семи тысяч кулей муки 11200 рублей, Николай Мацнев деньги истратил, а санкт-петербургские магазины так ничего от него и не получили.

Чтобы данную неустойку погасить, губернский прокурор был вынужден продать с аукциона принадлежавшую ему деревню Грязное (она находится на территории Покровского района – А.П.) за 12 400 рублей, большая часть которых и пошла на уплату долга.

Внук Николая Михайловича, Михаил Михайлович Мацнев (четвертый, как он значится во многих документах), отличился еще больше. О его деле, также хранящемся в ГАОО («Дело о предании суду», Фонд 4, ед.хр. 3073) стало известно не только всей читающей России, но и Европе, поскольку о зверствах малоархангельского помещика Мацнева развонил герценовский «Колокол».

Тянувшееся несколько лет, дело это, в конце концов, дошло до императора, и последовал высочайший Указ об аресте помещика и предании его суду за жестокое обращение с крестьянами.

В ходе судебного следствия выяснились такие чудовищные факты, что М.М. Мацнев был лишен всех прав состояния, имение у него было

Генерал Михаил Мацнев

отобрано и передано в опеку, а самого садиста-помещика сослали в Сибирь, где он и скончался.

Последний из этого семейства Мацневых, тоже Михаил Михайлович (пятый), получивший после достижения совершеннолетия отобранное у отца имение, вел жизнь добропорядочную и достойную, избирался земским гласным и делал все, чтобы загладить грехи своего отца-изверга.

В 1917 году ему исполнилось 57 лет, и о его послереволюционной судьбе у меня сведений нет. Как нет сведений и о его потомках.

Такую вот историю я рассказал тебе, читатель, всего лишь об одной семье Мацневых, соседей Лутовиновых и Тургеневых. А ведь были еще десять!

Генерал-лейтенант Николай Лавров – герой войн с Наполеоном

Генерал-лейтенант Н. И. Лавров, сподвижник Кутузова и друг Аракчеева, многим представляется самой загадочной фигурой среди полководцев 1812 года. Год рождения (1761-й) и место его захоронения были лишь недавно установлены сотрудниками Тургеневского мемориального и природного музея-заповедника «Спасское-Лутовиново».

Военное поприще будущий генерал избрал, конечно, под влиянием отца – генерал-майора и георгиевского кавалера Ивана Петровича Лаврова. К тому же, братья его матери Прасковьи Богдановны (урожденной Бибиковой) дослужились до чина генерал-поручика (Илья Богданович стал одним из двух опекунов малолетней Варвары Лутовиновой – А.П.).

В шестнадцатилетнем возрасте Николай Лавров поступил рядовым в лейб-гвардии Преображенский полк. 26 сентября 1783 года был произведён в прапорщики. 15 мая 1789 года из поручиков Преображенского полка его перевели в 1-й батальон Бугского егерского корпуса секунд-майором, и в том же году Лавров участвовал в сражении под Каушанами и при осаде и взятии Аккермана и Бендер.

В 1790 году он находился при овладении крепостью Килией и отличился при штурме Измаила, где был ранен пулями в правую ногу и левую руку и награждён чином премьер-майора. В 1791 году сражался с турками под Бабадагом и Мачином и за храбрость удостоен был 18 марта 1792 года ордена Св.Георгия 4-го класса (*«За храбрые и мужественные подвиги, оказанные в сражении при Мачине»*).

В 1792 году воевал в Польше. В 1793 году Николай Иванович вошел в состав дипломатической миссии в Константинополь, которую

возглавил Кутузов. Задача миссии – упрочить русское влияние в Турции – была блестяще выполнена. В 1794 году – снова Польша. 5 мая 1797 года подполковника Лаврова произвели в бригад-майоры и премьер-майоры при особе Его Императорского Величества.

11 сентября 1798 года Лавров получил чин полковника. В 1799 году находился в Итальянском и Швейцарском походах А.В.Суворова в должности дежурного штаб-офицера при Главной квартире, участвовал в осаде и взятии Брешии и Турина, сражениях при Тидоне, Треббии, Нови, Сен-Готарде и Гларисе, где был ранен пулей в правое плечо навывлет. 2 ноября 1799 года за боевые отличия был произведён в генерал-майоры и назначен шефом Томского мушкетерского полка. После возвращения в Россию 15 октября 1800 года был переведён в шефы Ширванского мушкетерского полка и получил также должность инспектора инфантерии Сибирской инспекции.

Вскоре новоиспеченный генерал избрал в спутницы жизни дочь генерал-поручика, Варвару Матвеевну Муромцеву. Вместе с ней и свояченицей он, получив новое назначение, выехал в Сибирь, на Кяхтинскую пограничную линию.

23 августа 1806 года Николай Иванович был переведён в европейскую часть России и назначен командиром бригады 8-й пехотной дивизии. Участвовал в войне с французами в 1806–1807 годах, отличился под Пултуском, был тяжело ранен в правый бок осколками гранаты при Прейсиш-Эйлау. В 1808 году назначен командиром 11-й пехотной дивизии. 30 августа 1811 года был произведён в генерал-лейтенанты и 22 апреля 1812 года определён начальником штаба 1-й Западной армии.

В этой должности Лавров находился при начале военных действий в 1812 года до назначения А.П. Ермолова. После оставления Смоленска ему было вверено командование 5-м пехотным (гвардейским) корпусом, состоявшим исключительно из элитных полков и включавшим в себя всю лейб-гвардию. За отличие при Бородине Николай Иванович был удостоен 20 октября 1812 ордена Св. Георгия 3-го класса. В представлении отмечалось: *«Командуя гвардейской пехотной дивизией, оказывал в опаснейших местах присутствие духа, яко достойный начальник сего отличного войска, которое в сей кровопролитный и жестокий день сражалось с непоколебимою твердостью»*.

В победоносной битве при Тарутине, командуя 5-м корпусом, наш земляк снова отличился. Потом участвовал в сражениях под Малоярославцем, Вязьмой и Красным (с известием о победе 3-6 ноября 1812 года под селом Красным в распоряжение корпуса Лаврова приезжал сам главнокомандующий генерал-фельдмаршал Кутузов).

Наступил 1813 год. Военные события развивались за пределами России. В середине января Николай Иванович вынужден был обратиться к великому князю Константину с прошением: *«Чувствуя, что теперь здоровье мое более и более ослабевает, то, дабы не сделаться излишним обременением по службе, я осмеливаюсь низжайше вторично просить Ваше императорское высочество о увольнении меня в отпуск для излечения болезни, сроком на четыре месяца...»*.

Однако в родное село Холодово (Кромского уезда) Николай Иванович Лавров попал только осенью (супругам Лавровым в Кромском уезде, согласно шестой переписи податного населения, принадлежали село Холодово, в котором числилось 14 дворовых людей и 117 крестьян, а также деревни Кочевая и Озерова, в которых проживало соответственно 68 и 52 крестьянина; кроме того, их собственностью являлись небольшие поместья в Калужской, Тамбовской и Курской губерниях – А.П.).

Не успев оформить завещание, 29 ноября 1813 года, в возрасте 52 лет, он там и скончался. Через одиннадцать дней в «Московских ведомостях» был помещен именной рескрипт императора Александра I: *«В память к заслугам на пользу отечества генерал-лейтенанта Лаврова, умершего после многих трудов, в нынешнюю кампанию перенесенных и расстроивших его здоровье, повелеваю оставшейся после него вдове производить по смерти в пенсioen полное содержание покойного, разумея под сим и жалованье инспекторское и столовые деньги»*.

Похоронили прославленного генерала у приходской Покровской церкви, расположенной в версте от села Нижняя Боевка. В 1819 году, *«иждивением генерал-лейтенанта Николая Ивановича Лаврова»* и стараниями его сестры и ее мужа вместо прежнего деревянного храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы был построен однопрестольный каменный храм с колокольней.

В Военной галерее Зимнего Дворца, среди портретов героев Отечественной войны, увековечены имена и тринадцати прославленных защитников Отечества, чьи изображения так и не удалось обнаружить. Память о них сохранена в виде рамок, затянутых зеленым шелком, с выгравированными на золоченой дощечке их воинским званием, инициалами и фамилиями. Среди них наш земляк – генерал-лейтенант Николай Иванович Лавров, двоюродный дед И.С. Тургенева.

Когда в начале 1820-х годов пытались разыскать его портрет, выяснилось, что вдова генерала умерла, а их брак был бездетным.

В ответ на запрос Инспекторского департамента жившая в Кромском уезде сестра генерала Екатерина Ивановна Сомова, в первом

браке Лутовинова (родная бабка великого писателя), сообщила: «Покойный брат мой не позволял никому списывать с себя портретов и по сей-то причине оно-го портрета не бывало как у меня, также и у покойной его жены...».

Что ж, портрета генерала Лаврова не осталось, но память о нём живёт.

Приложение

*Прошение генерал-лейтенанта Н.И.Лаврова
об отпуске на имя Великого князя Константина Николаевича
«Ваше Императорское Высочество
Милостивейший Государь.*

Слабое здоровье моё, принудило меня (...) нижайше просить Ваше Императорское Высочество о увольнении меня до излечения болезни; но к особенному несчастью не получил я на то соизволения Вашего Императорского Высочества. Чувствуя теперь, что здоровье моё всё более и более ослабевает, то дабы не сделаться излишним обременением по службе, я осмеливаюсь нижайше вторично просить Ваше Императорское Высочество о увольнении меня в отпуск для излечения болезни, сроком на четыре месяца.

Ваше Императорское Высочество всегда удостоивали меня благоволением своим, я надеюсь, что Вы, Милостивейший Государь, не отвергните нижайшей просьбы моей, которой удовлетворение будет мне новым благодеянием Вашего Императорского Высочества.

Ожидая Милостивейшего решения, честь имею быть с глубочайшим почтением.

*Милостивейший Государь
Вашего Императорского Высочества
Покорнейший слуга
Николай Лавров*

Генваря 16 дня 1813 года. Д.Куцбург.

*(Цитата по статье Е.Н. Левиной «Генерал 1812 года Н.И. Лавров»
– «Спасский вестник» № 8, 2001 год, стр. 98-99)*

Генерал Иван Ершов – прообраз Кирсанова-деда в романе «Отцы и дети»

Во многих источниках год рождения этого генерала указан неверно, причём, называются даты с большим разрывом по времени: от 1771 до 1781 года. На самом же деле верной следует считать дату 27 декабря 1777 года, поскольку именно она указана в собственноручном послужном списке Ивана Захаровича Ершова.

Он родился в Москве, в семье дворян Орловской губернии, которые умерли в раннем детстве мальчика. Дядя-опекун отправил племянника в московский пансион Бартоли, в котором Иван учился до 10-летнего возраста.

Генерал Иван Захарович Ершов

В 1786 году, по обычаю дворянских семей того времени, он был записан унтер-офицером в лейб-гвардии Конный полк. А непосредственная военная карьера Ивана Ершова началась в 1799 году, когда, в составе корпуса Римского-Корсакова, он принял участие в знаменитом Швейцарском походе.

В кампании 1807 года, уже служа в Кавалергардском полку, Ершов сражается при Гейльсберге, Гуттшадте и Фридланде.

Отечественную войну 1812 года Иван Захарович встретил в чине полковника, командуя запасным эскадром Кавалергардского полка при корпусе графа Витгенштейна.

6 августа в сражении под Полоцком он произвёл с дивизионом кирасир блестящую атаку на вражескую батарею, захватив 15 орудий, за что 4 сентября удостоился ордена св. Георгия 4-й степени. Вот как в наградной реляции был описан подвиг полковника Ершова: *«В воздаяние ревностной службы и отличия, оказанного в кампанию против французских войск в 1812 году, в сражении при Полоцке августа 5 и 6, где с эскадром Кавалергардского полка, подкрепив стрелков, принудил отступить неприятельскую колонну и действовал с отличною неустрашимостью при взятии батареи».*

Кавалергарды Ершова отличились затем во взятии Полоцка, в боях при Чашниках, Смольянах, Лукомле и Березине, а их командир был награждён орденами св. Анны 2-й степени, св. Владимира 3-й степени и

бриллиантами к ордену св. Анны 2-й степени. В начале 1813 года его эскадрону командование пожаловало Георгиевский штандарт с надписью: *«За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года»*.

В 1813 году, уже в качестве командира Кавалергардского полка, Ершов участвовал в заграничных походах и сражениях при Люцене, Бауцене, Дрездене, Кульме и за боевые отличия был 15 сентября произведён в генерал-майоры. Командированный затем в Польскую армию, находясь в отряде генерала Чаплица, он участвовал в блокаде Модлина и Гамбурга.

После возвращения из Заграничных походов Иван Захарович продолжил военную карьеру, дослужившись к 1825 году до генерал-лейтенанта. 16 декабря 1833 года в этом чине император Николай I уволил Ершова от службы – с мундиром и сохранением полного жалованья.

Кавалер многих русских орденов и прусского ордена «Пур ле мерит» был к этому времени состоятельным помещиком. Ему принадлежали имения в Тульском и Венёвском уездах Тульской губернии (400 душ крестьян), в Кирсановском уезде Тамбовской губернии (700 душ), в Подольском уезде Московской губернии (части сёл Коледино и Шипчинки).

Однако поселился Иван Захарович в своём орловском поместье, в селе Алешня Болховского уезда. Здесь он и прожил почти 20 лет вместе с красавицей женой Евдокией Семёновной Жигулиной, от брака с которой имел двух сыновей – Ивана и Николая.

По сведениям Николая Михайловича Чернова, Ершов, живя в имении, познакомился и общался с Иваном Сергеевичем Тургеневым, отец которого был сослуживцем Ершова. Некоторые из черт характера отставного генерал-лейтенанта послужили писателю в качестве составляющих образа Кирсанова-деда (роман «Отцы и дети»).

Супруги Ершovy, кроме Тургенева, были знакомы также и с Александром Сергеевичем Пушкиным.

Из Алешни Иван Захарович изредка выезжал в Москву, где в доме на Петровке жил его сын Иван, женатый на княжне Варваре Вяземской. Когда у сына и невестки родился уже пятый ребёнок – дочь Вера, генерал присутствовал во время крещения её в Московской Георгиевской церкви, что на Всполье, и стал восприемником родной внучки. Это был последний приезд Ершова в Москву.

Иван Захарович скончался 18 января 1852 года в селе Алешня, а похоронили героя войн с Наполеоном на кладбище Донского монастыря в Москве.

Приложение.***Наполеоновский маршал Сен-Сир о русских
во время сражения под Полоцком 5–6 (17-18) августа 1812 года***

«Русские показали в сем деле постоянное мужество и личную храбрость, каких бывает мало примеров в войсках других народов. Их батальоны, взятые врасплох, при первой атаке отрезанные одни от других, потому что мы прорвались сквозь их линии, не расстроились и, сражаясь, отступали чрезвычайно спокойно, оказывая со всех сторон сопротивление с таким мужеством, которое, повторяю, свойственно одним только русским. Они совершали чудеса храбрости, но не могли противостать единовременной атаке четырех дивизий, шедших совокупно вперед и тяжестью своею подавлявших высылаемые против них войска». (Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. Часть I, изд. третье. СПб. 1843. С. 383.)

Часть третья.
Малоархангельский уезд и его жители
в судьбе и творчестве И.С. Тургенева

Н.Д. Полонская-Василенко и её «Воспоминания»

В 2012 году, благодаря сайту «Мастера» и интернету, состоялось моё знакомство с известной на Украине историком архитектуры города Киева Еленой (Алёной) Мокроусовой. Она рассказала мне о Мухортовых, которые проживали когда-то в столице Украины. А потом сообщила о выходе из печати книги известного сейчас, а в советские годы забытого и даже запрещённого историка Наталии Дмитриевны Василенко. Казалось бы, какое отношение имеют её «Воспоминания» к нашему краю?

Оказалось – самое прямое: мать Наталии Дмитриевны, Мария Фёдоровна Мухортова, родилась в 1852 году в сельце Липовица Малоархангельского уезда (ныне это – деревня Мухортово – та, что рядом с п.Покровское – А.П.). А сама Полонская-Василенко, хоть и появилась на свет в Харькове, но почти всё детство проводила в наших краях – в Мухортово, Тетерье, Критово, Орле. И вот эти свои детские и девические воспоминания, живые и полнокровные, поместила она на страницы своей большой книги, вышедшей в 2011 году в издательстве Киево-Могилянской академии (Киев).

Алёна Мокроусова помогла мне с переводом 40 страниц на русский язык и переслала их на мой адрес. Весь этот кусок был выставлен на сайте «Мастера». А сейчас я с большим удовольствием предлагаю землякам-читателям познакомиться с теми отрывками из «Воспоминаний» Наталии Дмитриевны Полонской-Василенко, которые в той или иной степени касаются писателя Тургенева. Уверен, что это интересно.

Но для начала – несколько слов об авторе «Воспоминаний».

Биография Наталии Полонской-Василенко

Наталия Дмитриевна Полонская-Василенко [31 января (13 февраля н.ст.) 1884, Харьков – 8 июня 1973, Дорнштадт, ок. Ульма, Германия] – украинский историк-эмигрант, действительный член научного Общества им. Шевченко (с 1947), Украинской Свободной Академии Наук (с 1948).

Дочь историка Д. Меньшова. В 1890 году окончила Киево-Фундуклеевскую Мариинскую женскую гимназию. В 1905–1911 годах обучалась на историко-филологическом отделении Высших женских курсов в Киеве. В 1909 году работала в археологической экспедиции В. Хвойко, в 1913-ом сдала вступительные экзамены на историко-филологический факультет Киевского университета Св. Владимира.

В 1910–1924 годах преподавала историю и географию в гимназиях, занимала профессорские должности в ряде учебных заведений, в том числе в Киевском университете. В 1920-х годах овладела украинским языком и с тех пор писала свои труды только на нём.

В 1923 году вышла замуж за бывшего министра образования и иностранных дел Украинской Народной Республики Н.П. Василенко (1867–1935), который вскоре был арестован и обвинён в контрреволюционной деятельности. Благодаря усилиям жены он через некоторое время был реабилитирован.

В 1918–1925 годах работала в Киевском Археологическом Институте, в 1924–1941 годах – во Всеукраинской академии наук (в 1934–1938 годах была освобождена от работы по политическим мотивам). В 1927–1932 годах – профессор Киевского художественного института. В 1940 году защитила докторскую диссертацию об истории заселения южной Украины в XVIII веке.

Во время германской оккупации Украины – директор Института Археологии Академии Наук (октябрь-декабрь 1941) и Киевского Центрального Архива Старинных Актов (декабрь 1941-сентябрь 1943), научный консультант Музея-архива переходного периода (1942). Кроме того, входила в состав орготдела Киевской городской управы, была одной из ответственных за переименования городских улиц.

В сентябре 1943 года, незадолго до освобождения Киева, переехала на Запад. С октября 1943 года – референт Украинского центрального комитета во Львове (во главе с В. Кубийовичем). В 1944 году читала лекции в Украинском свободном университете в Праге.

После переезда университета в Мюнхен с 1945 года – профессор данного университета в Мюнхене, с 1965 года – вице-президент Украинского Исторического Общества. С 1966 года – декан философского факультета Украинского свободного университета.

Из «Воспоминаний» Натальи Полонской -Василенко

О Тургеневе

Малоархангельский уезд перед эпохой реформ представлял немало интересного. Это было то время, когда Тургенев достиг полного апогея своей славы. Его «Записки охотника» прославляли как раз эту местность: Новосильский уезд Тульской губернии, Мценский и Малоархангельский уезды Орловской сходились треугольником, и там путешествовал великий писатель, записывая очерки настоящей жизни. И немало помещиков узнавали себя в его рассказах и романах. «Три ночи», «Ася», «Затишье», «Рудин», «Накануне», «Дворянское гнездо» и ряд других рассказов записаны с натуры. Героиня «Дворянского гнезда» Лиза - реальная фигура, панна Гаспарини. В 70-х годах она была монахиней женского монастыря возле Орла, и молодежь любила ездить туда на всюнощную, чтобы видеть, как проходила монахиня Гаспарини, бледная, красивая, склонив голову и держа четки в прозрачно-белой руке... В самом Орле, на тихой улице, сохранился большой господский дом, где жила когда-то Гаспарини-Калитина. Тенистый сад спускался к реке Орлик, притоку Оки. Там, в темном переулке, из окон старика Лемма раздавались чарующие звуки - гимн любви ...

Орловское самоуправление в начале XX века почтило память Тургенева и устроило там летний сад с открытой сценой и красноречивым названием «Дворянское гнездо». Мне довелось читать, что в советские времена там был устроен музей памяти Тургенева.

Тургенев и Мухортовы

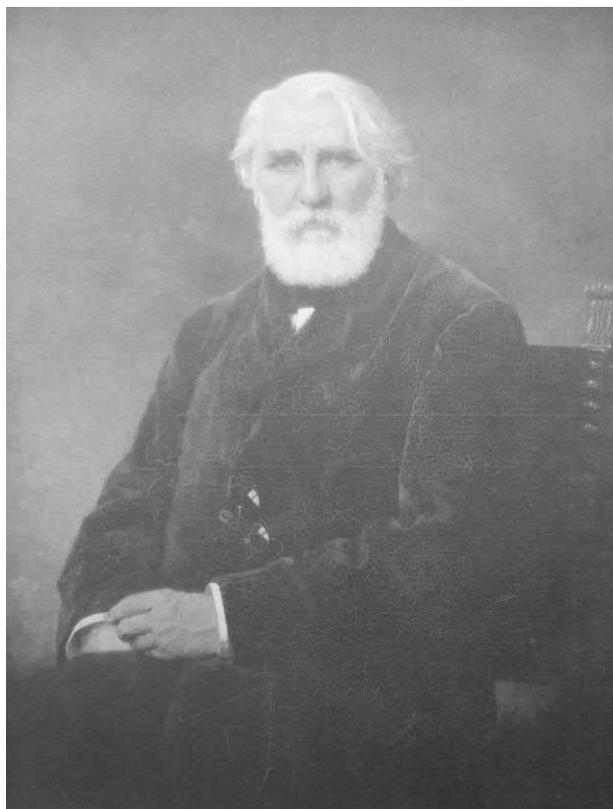
В наше время люди среднего возраста, пожилые и старики часто ругают молодёжь – за то, что она не такая, какими были они в молодости, что вообще у современных молодых людей нет идеалов, и многие из них – уголовники, наркоманы, алкоголики и аморальные типы. И, если следовать этой логике умудрённого опытом поколения, то выходит, что чем глубже опускаться в историю, тем моральнее в веках становятся представители молодёжи.

А между тем, люди (и молодёжь, естественно, тоже), с точки зрения своего поведения, мало изменились. Всегда были и есть те, кто следует закону (их большинство), и те, кто его нарушает (явно или тайно).

Послушай, читатель, историю, случившуюся давным-давно, когда ещё и Орловской губернии-то не было.

«Дело о нещадном наказании розгами...»

30 ноября 1772 года у ливенского помещика, секунд-майора Фёдора Яковлевича Мухортова пропала малолетняя дочь Анна. Поиски, в которых принимали участие все дворовые люди помещика, долго не

Иван Сергеевич Тургенев (портрет работы А.А. Харламова, 1875)

давали результатов, пока не проговорилась одна из крепостных малолетних девок, Дарья Михайлова, что знает о судьбе пропавшей.

Она, а потом и её подружки рассказали, что случилось вечером 29 ноября. Помещичья дочь Анна любила (за неимением подруг из своего круга) играть с ровесницами из числа дворовых, и отец, Фёдор Мухортов, особо этому не противился.

Из-за чего произошла ссора помещичьей дочки и крепостных девчонок, никто потом на следствии не упоминал. Может быть, всё и закончилось бы, в крайнем случае, выдиранием клока чьих-нибудь волос, да подключились к делу увидевшие

ссору взрослые крепостные мужики этого имения – Фёдор Фролов, Иван Осипов и «новокрещённый из турок» Павел Иванов. Они-то и подговорили малолеток и сами помогли страшное дело сделать: задушили помещичью дочь. А потом, чтобы скрыть следы преступления, все вместе отнесли тело убитой к реке Сосне и бросили его под колёса работающей водяной мельницы.

Немедленно к месту водосброса были Мухортовым посланы крепостные крестьяне, и через несколько часов тело Анны нашли. Будь Фёдор Яковлевич обычным крепостником, наверное, он наказал бы и взрослых убийц, и девчонок-малолеток самостоятельно, ведь лишился единственной дочери. Однако помещик поступил по закону и написал «прошение» в Ливенскую воеводскую канцелярию.

Сразу же об этом событии узнал Воронежский губернатор, генерал-поручик и кавалер Алексей Михайлович Маслов. И закрутилось дело, перипетии вокруг которого длились целых 10 лет, поскольку уж очень необычным оказалось оно для чиновников и судей.

Для начала, конечно же, всех преступников заключили под стражу («под караул»). Но если со взрослыми было всё понятно, и их быстро осудили отдельно (как обычных убийц), то с малолетними ни ливенские чиновники из Воеводской канцелярии, ни судьи Ливенского уездного суда дел никогда не имели и очень сильно затруднились.

Поэтому Ливенская воеводская канцелярия, после первичного рассмотрения *«дела малолетних дворовых девок Дарьи и Елены Михайловых, Агафьи Ивановой, Авдотьи Марковой, Натальи Семёновой, Афимьи Герасимовой, Пелагеи Осиповой, Дарьи Ивановой и Дарьи же Максимовой дочерей»*, направила прошение по инстанции, в Воронежскую губернскую канцелярию.

Воронежские чиновники сделали запрос в Крутицкую духовную консисторию, выясняя, сколько же лет преступницам, однако оттуда пришёл ответ, что метрических книг с записями о рождении названных лиц нет.

Не решившись на самостоятельные действия, Воронежская губернская канцелярия обратилась во Второй Департамент Правительствующего Сената.

Пока шла переписка, шли и годы. А малолетки, подрастая, продолжали сидеть «под караулом». Уже и губернатор в Воронеже сменился (им стал генерал-поручик Николай Лаврентьевич Шетнев), когда, наконец-то, из Правительствующего сената поступил указ: подвергнуть принимавших участие в *«задушении помещичьей дочери дворовых девок нещадному наказанию розгами»* – и вернуть их хозяину, секунд-майору Фёдору Мухортову.

Вот так и закончилось это неординарное дело, хранящееся в фондах Государственного архива Орловской области (ф. 28, оп. 1, ед.хр. 6). А все ли малолетние (хотя и подросшие уже) преступницы выжили после того наказания, бумаги умолчали.

Я рассказал тебе, читатель, об истории, случившейся с дочерью Фёдора Мухортова, основателя дворянского рода, о котором поведаю дальше, рода, хорошо известного как в Орловской губернии, так и в России. Представители этого семейства дружили со многими известными деятелями российской культуры и оставили в ней заметный след. Итак, обо всём по порядку.

Кавалергард Николай Мухортов

Пруд помещиков Мухортовых в селе Фёдоровка

Остров на пруду

Захар Мухортов, знакомый Ивана Тургенева

29 октября 1854 года Иван Сергеевич Тургенев пишет письмо Николаю Алексеевичу Некрасову, в котором спрашивает: женился ли Захар Николаевич Мухортов?

Если один великий писатель задает вопрос другому великому писателю в отношении третьего лица, значит, этот персонаж достоин внимания знаменитых личностей.

В примечаниях к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева сказано, что Захар Николаевич Мухортов – знакомый Тургенева, вице-президент Вольного экономического общества, гофмейстер двора, владелец имения в Орловской губернии.

Иван Сергеевич очень ценил Мухортова как экономиста и хозяйственника и когда с начала 70-ых годов XIX века начал подумывать об аренде или продаже своих имений, чтобы улучшить экономическое положение, то уповал на помощь и советы опытных соседей - И.Ф. Кутлера и, конечно, З.Н. Мухортова.

Когда же Тургенев в 1875-ом году начал практическую реализацию этих планов, то свое имение Топки он предложил взять в аренду опять – таки Захару Николаевичу. Сделка не состоялась, но на хороших отношениях писателя и вице-президента Вольного экономического общества это никак не сказалось – тем более, что уже в следующем году Мухортов скоростижно скончался.

Хорошо знал писатель и Александру Николаевну Мухортову (Юханцеву - в девичестве), с которой регулярно общался и в Санкт-Петербурге, и за границей, в Париже. В одном из писем Тургенев называет ее «приятельницей». Иван Сергеевич и Александра Николаевна приезжали друг к другу на чай и теплую беседу.

Особенно сблизились Тургенев и Мухортова в последние годы жизни писателя. В письме М.М. Стасюлевичу от 8(20) декабря 1882 года из Парижа Иван Сергеевич просит его передать оттиски «Стихотворений в прозе» пяти адресатам, в том числе и Александре Николаевне.

Судя по всему, была в эти годы и переписка между Тургеневым и А.Н.Мухортовой. Доказательством этому служит письмо Ж.А. Полонской, в котором она сообщала писателю: *«Мой муж был у Александры Николаевны Грот, бывшей Мухортовой, и слышал от нее, что будто бы Вы писали ей, что хотите вернуться навсегда в свое Отечество – честь Вам и слава, если это правда, а не просто фраза из желания помазать по губам».*

Имена Тургенева и Мухортовых в Малоархангельском уезде Орловской губернии находились по соседству. От Федоровки, принадлежавшей Мухортовым, до Топков всего 12 верст.

В августе 1878 и в августе 1881 года (в свой последний приезд в Россию) страстный охотник Тургенев приезжал поохотиться именно в мухортовское имение, в котором в это время проживали сама Александра Николаевна и два ее сына – Николай и Захар, не меньше писателя уважавшие одно из любимых помещичьих занятий.

Шуточное упоминание о первой из этих охот содержится в письме А.А. Фету, которому из Буживаля 30 сентября (12 октября) 1878 года Тургенев сообщал: *«В течение последних двух лет я убил всего одну галку, и то не здесь, а в России, в Малоархангельском уезде, в имении госпожи Мухортовой, у которой я гостил».*

Пожалуй, именно этими сведениями и ограничиваются те знания о Мухортовых, которые мы могли бы почерпнуть из писем самого Ивана Сергеевича или литературы о нем.

Нам неизвестны произведения Тургенева, в которых отразилась бы в том или ином виде биография Захара Мухортова или кого-либо из членов его семьи.

Однако я думаю, что судьба Захара Николаевича, его жены и детей (впрочем, и истории их рода) достойна была такого отражения. Впрочем, я не литературовед, а краевед, и мой материал - о семье, имевшей какое-то отношение к великому русскому писателю.

Малоархангельские помещики Мухортовы

Согласно ливенским писцовым (Приправочной и Переписной) книгам XVII века служилые люди Мухортовы были в числе пионеров, колонизаторов и пахарей этого, тогда пограничного с «диким полем», края.

Государство за пограничную службу и за освоение безлюдных ранее мест наделяло первых помещиков земельными владениями, очень небольшими вначале и чаще всего без крепостных крестьян. Получили такие участки и Мухортовы.

После образования Орловской губернии и появления нового уездного деления мухортовские владения оказались в Малоархангельском уезде. Так, согласно «Сказкам 4-ой ревизии о помещичьих крестьянах Малоархангельского уезда» (это 1782-ой год) у подпоручика Ивана Мухортова и секунд-майора Федора Мухортова они имелись в селе Вязоватое.

Фёдор Мухортов, владел уже несколькими поместьями. Одно из них удобно расположилось в верховье речки Кунач, где появился

вначале небольшой населенный пункт, названный фамилией владельца. Шло время, дворянский род Мухортовых ветвился и рос численно. Найденные мною в Государственном Архиве Орловской области сведения позволяют многое уточнить в родословии З.Н. Мухортова.

Федор Яковлевич, его прадед, секунд-майор, владелец имения в селе Вязоватое, имел трех сыновей – Василия, Николая и Акима.

В 1801 году все они, представив соответствующие доказательства, были внесены в 6-ую часть Дворянской родословной книги Орловской губернии и положили начало многочисленному и разветвлённому дворянскому семейству, владевшему несколькими деревнями с десятками крепостных крестьян в них и сотнями десятин плодородной земли.

Мухортовы стали одними из крупнейших землевладельцев Малоархангельского уезда. Первое время основная усадьба этих помещиков располагалась в Мухортовой.

Вначале это была деревня, но усилиями её владельцев в конце XVIII века построена была здесь Николо-Ильинская церковь, после чего деревня стала селом. По названию церкви у села появилось второе имя – Никольское, а иногда его именовали ещё и Ильинским. Долгое время Никольская церковь была центром достаточно большого прихода, в который, кроме самого села, входило несколько соседних деревень: Фёдоровка (пока в ней не появилась своя церковь), Николаевка и даже такая достаточно далеко находившаяся, как Переведённая (Переведенская, Переведеновка). Кстати, именно в Никольской церкви крестили Захара Николаевича Мухортова, родившегося в августе 1820 года, когда в его родной Фёдоровке церкви ещё не было.

Согласно «ревизским сказкам» (переписям населения) по Малоархангельскому уезду за 1816 год (ГАОО, ф.760, оп.1, ед.хр.387), владельцами села Никольского, что на Вышнем Куначе, являлись майор Аким Фёдорович Мухортов, его жена Ольга Ивановна и вдова, поручица, Авдотья Сергеевна Мухортова (жена умершего к этому времени брата Акима Фёдоровича, Николая Фёдоровича Мухортова) с малолетними детьми, сыном Василием и дочерью Анной, Николаевыми детьми.

Аким Фёдорович с женой управляли имением с принадлежавшими им 37 дворовыми и 200 крепостными крестьянами. У Авдотьи Сергеевны и её малолетних детей имелось здесь, в Ильинском, отдельное поместье с 86 дворовыми и 336 крепостными крестьянами. То есть, селом, со всеми его жителями, владели две родственные семьи, обладавшие более чем 600 подневольных крепостных душ.

После смерти Авдотьи Сергеевны Мухортовой владельцем её поместья стал сын Василий. Судя по всему, хозяином он оказался никудышним, поскольку в апреле и мае 1842 года в «Орловских губернских ведомостях» было трижды опубликовано объявление о продаже, по представлению Малоархангельского уездного суда, этого имения за долги – («за неплатёж разным кредиторам 28 671 рубля ассигнациями» - достаточно большая сумма, по тем временам – А.П.).

Благодаря публикации такого объявления, я смог узнать, что же собой представляло мухортовское имение в селе Ильинском. Итак, «...дворовых людей, мужского пола – 24 человека, женского – 37, крепостных крестьян, мужского пола – 92, женского – 83, а всего мужского пола – 116, женского – 120.

При сем имении – господский дом с разным принадлежащим к нему строением, земли распахной – 410 десятин, сенокоса – 53 десятины, конопляника и огородов – 44 десятины, неудобья – 3 десятины, под фруктовым садом – 6 десятин, под выгоном – 14, всего – 530 десятин. Земля сия состоит в Куначевской даче в собственном владении, водяная мукомольная мельница на речке Куначе о двух поставах, с толчеёю. Означенное сие имение приносит годовой доход серебром 1500 рублей, а оценено по 10-летней сложности в 15 000 рублей серебром же».

Получается, что, даже продав имение, Василий Николаевич Мухортов не смог бы рассчитаться полностью со всеми долгами. Видно, жил на слишком широкую ногу этот представитель семейства Мухортовых.

Купила его имение помещица Анастасия Петровна Воинова, она и владела им в течение 20 с лишним лет, пока не ушла в мир иной. Кстати, по фамилии этой помещицы часть села Никольское (Мухортово) стала именоваться Воиновой, а некоторое время, уже и в советские годы, существовала на карте нашего края отдельная деревня Воинова, исчезнувшая после объединения с другими населёнными пунктами в 1963 году.

Владельцы другого имения, Аким Фёдорович и Ольга Ивановна Мухортовы, один за другим, скончались к середине 40-ых годов XIX века (Ольга Ивановна умерла после мужа, в 1846 году). Хозяином в поместье стал их младший сын, Евграф Акимович. В своё время он служил в Каргопольском драгунском, а потом – в 3-ем Новороссийском драгунском полках, но в апреле 1834 года, в чине прапорщика, был уволен от службы. Вполне возможно, это случилось как раз по причине смерти его отца: надо было возвращаться в имение, на помощь матери.

В списке владельцев имения в селе Никольское (Ильинское и Мухортово тож) Евграф Акимович упоминается до 1869 года.

А теперь перейду к Николаю Васильевичу Мухортову и его жене Аграфене Николаевне. Им принадлежали село Федоровка и соседняя с ним деревня Николаевка. Земля их, общей площадью более тысячи десятин, располагалась в двух участках, рядом с населенными пунктами.

Каких-либо подробностей хозяйственной деятельности Н.В. и А.Н. Мухортовых мне выяснить, пока, не удалось. Но в «Орловских губернских новостях» за 1852-1854 г.г. я нашел сообщение о конских бегах на призы Орловского ипподрома, где Николай Васильевич и Аграфена Николаевна упомянуты несколько раз как владельцы лошадей (собственного завода), которые небезуспешно участвовали в этих первых в Орловской губернии спортивных соревнованиях.

Владельцы имения в селе Фёдоровка

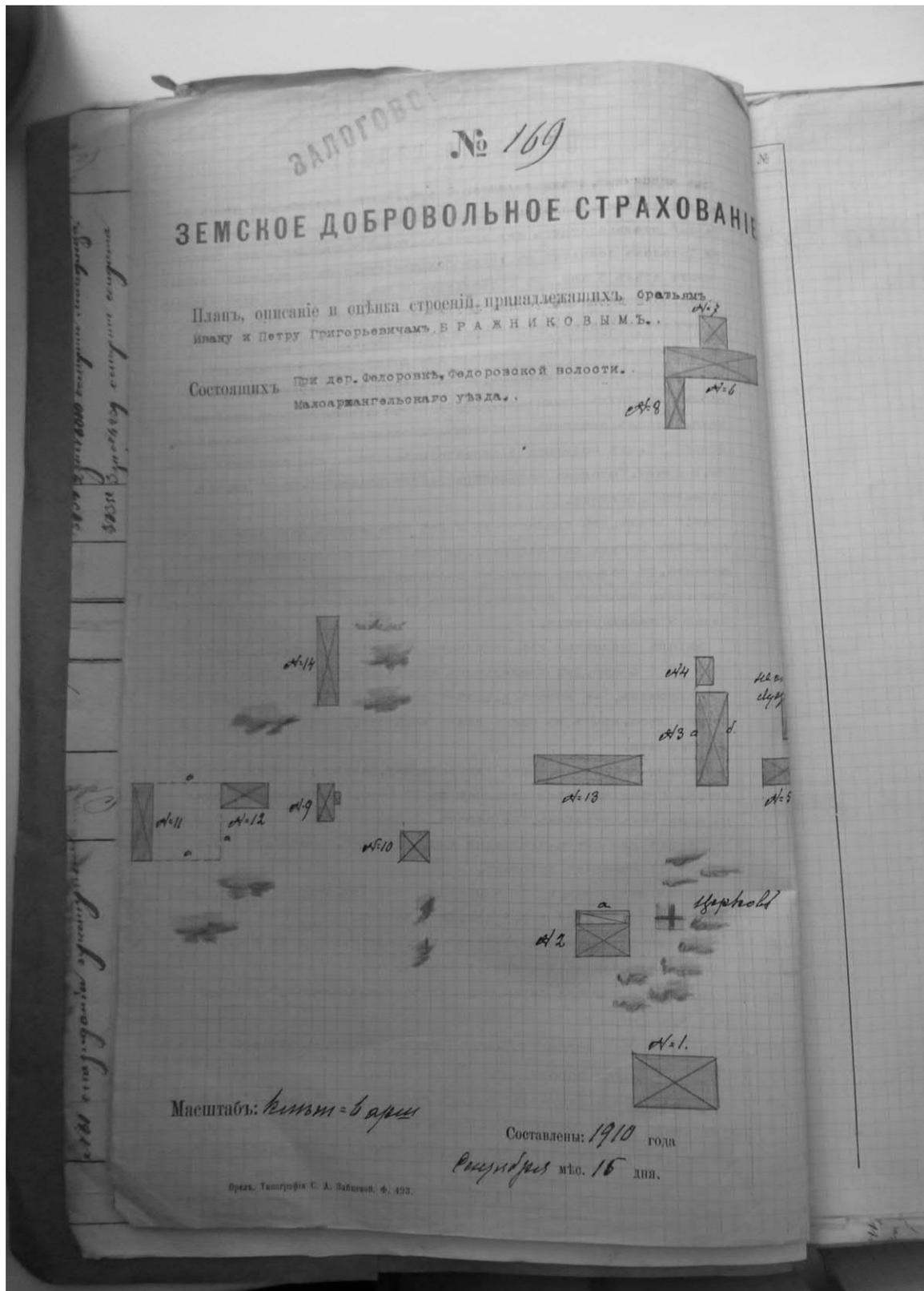
Согласно записи от 5 мая 1827 года в «Алфавитных журналах и протоколах Орловского дворянского депутатского собрания, у малоархангельского помещика, отставного гвардии штабс-ротмистра Николая Васильевича Мухортова и его жены Аграфены Николаевны было четверо детей – два сына (Захарий и Павел) и две дочери (Наталья и Александра).

Старший сын Захарий (или Захария – именно так называли его во всех официальных документах) родился *«8 августа 1820 года, в сельце Федоровке Малоархангельского уезда и крещен в приходской церкви того же уезда села Никольского, Кунач тож»*, приемниками были майор Дмитрий Николаевич Чернышов и поручица Авдотья Сергеевна Мухортова.

Таким образом, найденная официальная запись позволяет восполнить один из главных пробелов в биографии знакомого Тургенева – отсутствие даты рождения З.Н. Мухортова во всех справочных сведениях о нем.

Кстати, благодаря прошению его отца в Орловское Дворянское Собрание можно (по косвенным данным) установить, что Н.В. и А.Н. Мухортовы жили периодически то в своем Федоровском имении, то в Москве, потому что именно там родились и были крещены двое из четверых детей – Павел и Александра.

Кроме того, знакомыми родителей Захария Николаевича были довольно знатные люди – генерал-лейтенант Алексей Васильевич Гвоздев и надворная советница Олимпиада Николаевна Мясоедова (они крестили Павла и Александру).

Копия описания и плана усадьбы Мухортовых в Фёдоровке

Наследником имения в Федоровке и Николаевке (Малоархангельского уезда) после смерти Николая Васильевича стал его старший сын – Захарий Николаевич. О нём в «Протоколах Орловского Дворянского Депутатского собрания» я обнаружил выписку из Канцелярии Морского Министерства, которая удостоверила, что

«...Захарий Николаевич Мухортов, из дворян, при выпуске из Императорского Санкт-Петербургского Университета с званием действительного студента, вступил на службу в Санкт-Петербургскую Палату Государственного Имущества 1841, октября, 31 дня. Указом Правительствующего Сената от 30 апреля 1842 года утвержден в чине губернского секретаря, со старшинством со дня вступления в действительную службу.

По Высочайшему повелению за отличие по службе награжден чином коллежского секретаря 1844, февраля, 8. По прошению уволен 1847, января 25. Потом, поступя в Ведомство Морского министерства, произведен в титулярные советники со старшинством с 1848, февраля, 8, и по порядку чинов в статские советники – 1858, апреля 7-ого». В этих сведениях, где подробно расписана служебная карьера З.Н. Мухортова, сказано также, что 6 декабря 1853 года он «Всемиловейше пожалован в кавалеры ордена Святой Анны 2-ой степени», причем, имеется очень любопытная добавка, нехарактерная для официальных документов.

Его Императорское Высочество, генерал – адмирал, отправил награду владельцу со следующим рескриптом: *«Препровождая при сем Всемиловейше пожалованные Вам знаки ордена Святой Анны 2 ст., мне весьма приятно поздравить Вас с сею Монаршею милостью...».*

Из этих слов наследника престола становится ясным дальнейшее, после смерти Николая I и воцарения Александра II, приближение Захария Николаевича ко двору. Совершенно очевидно, что он смог в свое время оказать какую-то услугу императору. Придворная карьера З.Н. Мухортова также складывалась успешно: начав камер-юнкером, он дошел до гофмейстера Двора Его Императорского Величества, а в чинах поднялся до тайного советника. Значительную часть времени Захарий Николаевич, занятый служебными делами, проводил в Санкт-Петербурге, а за имением в Федоровке, которое к началу 60-ых годов XIX века было заложено в Московском опекуновском Совете, смотрели мать, Аграфена Николаевна, и управляющий Фриде.

Однако регулярно (особенно после женитьбы) Мухортов наведывался в родные места. Правда, нам неизвестны пока посещения Федоровки Тургеневым при жизни Захария Николаевича. Так что их знакомство, скорее всего, состоялось в Санкт-Петербурге, но наверняка этому способствовали соседские отношения по имениям и глубокие экономические знания Вице-президента Вольного экономического общества.

Карьера отнимала много времени у Захария Мухортова, и женился он только в ноябре 1854 года, в возрасте 36-и лет.

29 ноября 1855 года у молодых родился первый ребенок – сын, названный Николаем и умерший, к несчастью, в младенческом возрасте. Четыре года пришлось ждать Захару Николаевичу и Александре Николаевне рождения второго сына. 24 августа 1860 года он появился на свет, и родители вновь, несмотря на суеверия, назвали его тем же именем.

Следом – в 1862 и 1863 годах, родились Захарий (в честь отца) и Георгий. Но последний сын, как и первый, прожил очень недолго.

По воспоминаниям старожила села Федоровка Павла Петровича Амелина, в честь рождения второго, долгожданного сына Николая построил Захар Николаевич Мухортов в Федоровке большой усадебный дом, к которому вела широкая мощеная дорога.

Трехэтажный особняк Мухортовых видели все их гости, подъезжавшие со стороны уездного Малоархангельска, почти за километр. Особенно красивым зрелище было в ночное время, когда загорались окаймлявшие дорогу вращавшиеся разноцветные фонари.

Особо почетным гостям Захар Николаевич позволял на коляске, запряженной парой лошадей, въезжать на длинный, протянувшийся по периметру всего дома, балкон второго этажа. Отсюда, с высоты, можно было увидеть расположившиеся позади дома так называемые «круги» – искусственные острова размером с полудесятину каждый. На одном из них находилась крытая беседка для чаепития, а рядом, услаждая взор гостей, плавали на воде черные и белые лебеди.

Как и многие помещики, Захар Мухортов любил лошадей. Доставшийся ему от отца конный завод он сберёг, расширил и вскоре о рысистых лошадях его узнали в Орле. Захар Николаевич и сам – на первых конских бегах на Орловском ипподроме в 1852 году установил приз в 120 рублей серебром для одной из скачек (владельцу кобылы – четырехлетки, победившей в беге на 4 версты).

Конный завод Мухортовых просуществовал довольно долго. После смерти Захара Николаевича его сыновья, также «лошадники», любимое отцово детище не забросили. В «Памятной книжке Орловской губернии на 1893 год», где содержались данные о конских заводах Малоархангельского уезда за 1891 год, я прочел, что на заводе гвардии поручика Николая Захаровича и коллежского секретаря Захара Захаровича Мухортовых имелось 18 кобыл – маток, 2 жеребца – производителя и 6 жеребят рысистой породы.

Последние данные об этом конском заводе мне встретились в «Памятной книжке Орловской губернии на 1898 год» (число лошадей на нем уменьшилось на треть, но он еще существовал).

Мы знаем, что Захар Николаевич Мухортов был замечательным хозяином. Его многочисленные земельные владения общей площадью в 13500 десятин в трех губерниях России (Орловской, Курской и Санкт-Петербургской) находились в хорошем состоянии, давая стабильный доход - и не только за счет зерновых и конопляников.

В той же родной Федоровке (Владимирском), кроме конского завода, Мухортову принадлежали винокуренный и кирпичный заводы.

Большое хозяйство требовало постоянного внимания – и это у Захара Николаевича получалось, хотя в силу своей придворной должности большую часть времени он жил в столице. Избрание Вице - президентом Вольного экономического общества стало признанием его хозяйственных, экономических заслуг, а Александр II пожаловал своему слуге чин тайного советника.

Как человек образованный и талантливый во многих областях, Мухортов не чужд был и литературе. По крайней мере, писатель, критик и мемуарист Павел Анненков в письме И.С. Тургеневу от 12 (24) апреля 1853 года говорит, что *«Панаев предпочитает рассказы Мухортова»*.

25 марта 1876 года Захар Николаевич Мухортов скончался в Санкт-Петербурге от водяной болезни, очень быстро унесшей его в могилу. Отпели тайного советника в одной из церквей столицы, но погребение состоялось 3 апреля 1876 года в селе Федоровка (видно, так им было завещано – найденные мною данные о погребении взяты из метрической книги Владимирской церкви этого родного Мухортову населенного пункта – А.П.).

По разрешению Консистории в храме, с левой стороны от входа, был вскрыт пол, и в эту внутрицерковную могилу опустили тело усопшего.

Нам неизвестно, как отреагировал на смерть своего знакомого Иван Сергеевич Тургенев, находившийся в это время в Париже. Да и узнал ли он об этом вовремя – мы также не знаем.

Можно только предположить, что во время посещения вдовы и детей Захара Николаевича в 1878 году в Федоровке Тургенев никак не мог пройти мимо Владимирского храма и могилы в нем Мухортова.

Да и еще раз, в 1881 год, в последний свой приезд в Россию, будучи опять-таки в Федоровке, Иван Сергеевич наверняка побывал в церкви, а, значит, навестил могилу своего старого знакомого.

Последние хозяева

Федоровским имением после смерти Захара Николаевича нераздельно владели оба сына – Николай и Захар.

О Николае Захаровиче мне удалось, благодаря подсказке Николая Михайловича Чернова, найти биографические данные в «Сборнике биографий кавалергардов» (1826-1908), выпущенном в 1908 г. в Санкт-Петербурге.

Окончив Санкт-Петербургский университет, в 1882 году Николай Мухортов поступил на военную службу – юнкером в Кавалергардский полк. 13 лет прослужив в этом полку, в 1895-ом, ротмистром с правом ношения мундира Николай увольняется и возвращается в свое имение. Федоровкой все эти годы управлял младший брат – Захар, а Александра Николаевна, вторично выйдя замуж и став Грот, некоторое время жила в имении вместе со вторым мужем, но спустя пару лет они Федоровку покинули.

По всей видимости, годы управления Захара Захаровича пошли имению не на пользу. По воспоминаниям П.П. Амелина, федоровского старожилы, младший наследник в основном занимался развлечениями – охотой с борзыми особенно. Заводы мухортовские захирели, Захар Захарович много задолжал соседям. Может быть, по этой причине, спасая имение, его брат Николай и ушел с военной службы.

Но усилий Николая Захаровича для спасения имения оказалось недостаточно. В «Памятной книжке Орловской губернии на 1903 год» я обнаружил следующие сведения об имении Мухортовых: *«За тайным советником Захаром Николаевичем Мухортовым земли при селе Владимирском – Федоровка тож, и деревней Николаевка числилось 1204 десятины 1200 сажней. Это имение в количестве 1070 десятин 944 сажня по документам, а по описи и планам – 1170 десятин 1200 сажней с торгов, произведенных Советом Особого Отдела Государственного Дворянского Земельного Банка в 1897-ом году перешло к полковнику Георгию Оттоновичу Раух, а от сего последнего – к разным лицам и товариществам (в полном составе)».*

В следующем, 1898-ом, году Николай Захарович Мухортов умер от болезни почек, и похоронили его в Федоровке, рядом с церковью. Женат он не был и наследников не оставил.

Захар Захарович Мухортов, младший из братьев, женился на Елизавете Сергеевне Олив, дочери своего соседа по имению Алексеевское, генерала Сергея Вильгельмовича Олив, ставшей фрейлиной Великой княгини Марии Павловны. Имелись ли у супругов Мухортовых дети, мне выяснить не удалось. Судьба самого Захара Захаровича укрыта тьмой времени, по косвенным данным, после продажи имения он жил некоторое время в Орле, а потом уехал в Санкт-Петербург или даже в Сибирь.

А вот его жене пришлось испытать самую горькую чашу испытаний. Не познавшая счастья в семейной жизни с мужем-гулякой, Елизавета Сергеевна после революции арестовывалась пять раз, сидела в Бутырской тюрьме и отбывала ссылку в Казахстане. На жизнь, когда в короткие периоды жила на свободе, зарабатывала вышиванием.

После последнего ареста в декабре 1937 года Елизавета Олив (Мухортова) была приговорена к высшей мере наказания и расстреляна.

О судьбе имения Мухортовых в селе Фёдоровка

Долгое время о том, что собой представляла усадьба Мухортовых в селе Фёдоровка, я судил только по рассказам старожилов этого населённого пункта да по воспоминаниям Дмитрия Преображенского, внука священника Владимирского храма, отца Иоанна Владимирцева. Но в сентябре 2017 года в Государственном архиве Орловской области мне удалось обнаружить уникальные материалы, с помощью которых я значительно пополнил свои знания об этом имении.

Речь пойдёт о документах земского страхования по Малоархангельскому уезду, которые находятся в фонде 525 ГАОО. Среди них – страховые полисы, акты, планы и описания усадебных строений, принадлежавших двум братьям-землевладельцам, выходцам из крестьян Сумского уезда Херсонской губернии, – Ивану и Петру Бражникам. Именно они выкупили фёдоровское имение, которое сумел обанкротить последний владелец из семейства Мухортовых – Захар Захарович. Он оказался никудышним хозяином и, пользуясь болезнью старшего брата, занимался только развлечениями, влез в огромные долги и был вынужден продать родовую усадьбу, принадлежавшую Мухортовым со второй половины 18 века.

Что усадьба действительно была большая, видно из перечня строений, которые ежегодно страховали братья Бражники на довольно значительную сумму – более 20 000 рублей. Самую большую ценность в документах страхования представляют описания строений бывшего мухортовского имения, особенно – трёхэтажного дома. Ты, читатель, можешь не торопясь познакомиться с этим описанием и представить себе размеры имения.

Братья Бражники, видно, обладали приличным капиталом, если сумели выкупить чужое богатство. Как они из Малороссии попали на Орловщину – предстоит выяснить, но в соседнем Ливенском уезде другое имение выкупили другие два брата из этого семейства.

Вот перечень строений бывшей мухортовской усадьбы и сумма страховых взносов за каждое из них (по данным 1915 года):

«№ 2 – Амбар деревянный с железной крышей – 1000 рублей

№ 3 – Конюшня смешанная, с глиняно-соломенной крышей – 200

№ 4 – Сарай для скота деревянный, с соломенной крышей – 150

№ 5 – Конюшня смешанная, с глиняно-соломенной крышей – 150

№ 6 – Рига смешанная, с глиняно-соломенной крышей – 500

а) Машина в риге – 250

№ 7 – Сарай для привода деревянный, с глиняно-соломенной крышей – 100

№ 8 – Хлебный сарай деревянный, с глиняно-соломенной крышей – 80

№ 13 – Конюшня кирпичная, крыта глиносоломой

№ 15 – Конюшня деревянная, с глиняно-соломенной крышей – 300

№ 16 – Людская – деревянная с железной крышей – 300

А теперь главное, читатель, - описание дома, того самого, выстроенного Захаром Николаевичем Мухортовым в 1860 году как подарок для жены в честь рождения сына Николая:

№ 1. Дом кирпичный, стены толщиной 1 аршин, крыт железом. На крыше три слуховых окна, размер дома: 36X20X15 аршин (поскольку аршин – это 71 сантиметр, то в переводе на метрическую систему размеры дома выглядят так: длина – 25,56 метра, ширина – 14,2 метра, высота – 10,65 метра; в дальнейшем, при желании, можешь сам перевести из аршин в метры – А.П.).

Первый этаж состоит из кухни, кладовой и помещения для прислуги. Потолок досчатый в двух помещениях, а в остальных своды. Высота стен 3 аршина. Две продольных и две поперечных капитальных стены. Пол кирпичный. Окон 10, дверей 10, печей 4 и одна русская. Коридор и большая деревянная лестница.

Второй этаж: две продольных и две поперечных капитальных стены. Состоит из 14 комнат. Внутри стены оштукатурены и оклеены обоями в двух комнатах. Высота стен 6 аршин, окон с двойными рамами, медным оконным прибором, выкрашенных масляной краской – 26. Дверей – 26, из которых 3 филенчатых, а остальные столярной работы. 9 печей. Потолок оштукатурен. Пол крашеный, на 35 кв.саженей паркетный. Балкон.

Третий этаж. Две продольных и две поперечных капитальных стены. Стены внутри оштукатурены. Высота стен 6 аршин. Состоит из 9 комнат. 17 больших окон с двойными рамами. Прибор медный. Рамы выкрашены масляной краской. Дверей 14 филенчатых и одна простая. Печей 3 голландских.

Кроме основного, главного дома, имелся и ещё один. Вот его описание:

«Дом, рубленный из 4-вершикового елового леса, на кирпичном фундаменте в 1 аршин высотой, крыт железом. Размер 19X8,5X3,5 аршина. Одна поперечная капитальная стена и две тесовые перегородки. Стены снаружи и внутри оштукатурены. Окон с двойными рамами 9, дверей 5. Пол и потолок досчатые. На 7X8,5 аршин пол крашеный. Одна печь русская и одна голландская. При доме сени досчатые с полом размером 5X3 аршина».

Описывать хозяйственные строения я не буду. Их много, но и без этого ясно: мухортовская усадьба действительно представляла собой не только красивое (в окаймлении регулярного парка и прудов), место, но и процветавшее долгие годы, экономически рентабельное имение.

К настоящему времени от красивейшего когда-то Мухортовского дома, от усадьбы не осталось ничего – даже место заросло уже многолетними деревьями.

Уничтожена и старинная, начала XIX века, Владимирская церковь – вместе с могилой Захара Николаевича в ней. А на месте бывшего кладбища, где похоронен был Николай Захарович Мухортов – теперь располагаются контора местного сельхозпредприятия и школьный двор.

Напоминает о Мухортовых лишь название вымирающего села, расположенного в 10 километрах от Федоровки. Называется оно – Мухортово и принадлежало когда-то, естественно, этому старинному роду, нескольким представителям которого посчастливилось остаться в истории благодаря их знакомству с великим русским писателем Тургеневым.

Как жили помещики Мухортовы

На высоком левом берегу реки Липовицы (приток реки Труды, бассейн Сосны и Дона), в трёх километрах от современного райцентра Покровское, в 50-ые годы XIX века помещиком Фёдором Мухортовым (представителем семейства, о котором шла речь выше – А.П.) был построен усадебный дом. Фёдор Акимович только что тогда женился и решил сделать молодой супруге Наталье свадебный подарок.

Фасад дома выходил в сад и имел два этажа, а с противоположной стороны, выходящей во двор, - имелся только один этаж. Нижний этаж был из красного кирпича, а верхний - из дубовых брусьев. В большей части здания размещались «парадные» номера. Зала, которая шла поперек всего здания, была так велика, что там стояли четыре гарнитура мягкой мебели, рояль, орган, фисгармония, масса цветов и длинный стол, за которым могло сесть до 60-ти человек. Имелось две больших гостиных, огромная спальня, кабинет и

две комнаты - одна для бонны-немки и детей, а вторая - для гувернантки.

За домом, влево, был огромный двор, окруженный конюшнями, коровником, возовней, амбарами, погребами, ледниками и тому подобное. Еще дальше, за огромным парком, находились ток («гумно»), где стояли скирды хлеба, и овин («рига»), где молотили хлеб.

Перед балконом дома был разбит огромный цветник: большой круг роз с другими цветами, масса ароматного горошка, гвоздик; чащи живописных мальв, море астр, левкоев - все это сменялось в зависимости от сезона и наполняло воздух ароматом.

Красиво спланированные дорожки вели к реке. Большой овраг дал возможность раскинуть целый лабиринт дорожек с беседками, мостиками. Новая хозяйка усадьбы посадила несколько десятин великолепного парка и собирала, где только можно было, редкие растения; особенно любила она хвою и собрала драгоценные образцы елей, сосен, лиственниц, можжевельника, туй, кедров и т.д.. Основой парка были вековые липы, которые остались от тех липовых лесов, что дали название реке и селу (Липовица – П.К.); таким образом, Наталья Дмитриевна Мухортова артистично связала вековые липы с новыми посадками. Развела она прекрасный «парник» с оранжереями, где зрели персики, а в «парниках» выращивались арбузы и дыни невероятных размеров. Огромный плодовый сад с редкими сортами яблонь, груш, массой вишен, слив, крыжовника, смородины, малины, клубники был предметом постоянного внимания помещицы.

Под присмотром Натальи Дмитриевны было и молочное хозяйство: она любила коров и завела голландских черно-белых, с тонкими мордами; коровы эти давали много молока. Этого «ведомства» совсем не касался муж, Федор Акимович: он вел сельское хозяйство, но не очень восхищался им, вполне полагаясь на старост. Он больше любил конский завод, и, правда, лошади Мухортова славились в уезде. Утром, верхом, он объезжал поля, смотрел, как там косят или пашут; вечером приходили старосты из разных имений и давали информацию. Он на некоторых из них кричал, кого-то хвалил (равно - без оснований). Когда летом из хуторов пригоняли на барский двор табуны лошадей, Фёдор Акимович осматривал их, беседовал со старостами, конюшенными, и, если был доволен, то подносил им собственной рукой водку в серебряном стаканчике (примерно половина чайного стакана). Если не был удовлетворен, то водкой не угощал.

«А ну, малый, - кричал он, - разорили - подведи мне серого, или гнедого» (здесь добавлялось имя). Если лошадь шарахалась от пастуха, то судьба такого пастуха была уже решена:

«Ты, брат, коней не любишь, а они тебя не любят. Ищи, брат, себе другое место», - заявлял Федор Акимович.

Если же лошадь давала подходить к себе, смиренно стояла, пока принимали его за гриву, - помещик был вполне доволен - и рюмка водки была тогда обеспечена ...

Мухортовы вели установленный порядок жизни: Федор Акимович и Наталья Дмитриевна вставали в 8-м часу, пили кофе, после того он ехал по хозяйству, а она летом шла в сад. Обедали в 3-м часу, пили чай в 6-ом, а ужинали в часу 11-ом. Так продолжалось все время.

В Липовице не употребляли, в обычных условиях, вина. К обеду подавали Федору Акимовичу маленький графинчик некой «настойки»; на столе стояли большие графины с водой и прекрасным хлебным квасом. В торжественных случаях подавали различные наливки, главное - сливянку и вишневку, или малиновку, смородиновку из черной смородины. Вина подавались очень редко и в ограниченном количестве. Также все, что покупалось в городе, - соленая рыба, икра, сладости - все это считалось предметами роскоши и употреблялось очень осторожно. Все, что подавали, было продуктом собственного хозяйства. Только в пост привозили бочками соленую рыбу.

В Липовице часто бывали гости; приезжали утром, обедали; вечером играли в карты, танцевали. В большом зале зажигали люстру и «кенкеты» с восковыми свечами, и при их дрожащем свете раздавались звуки рояля, или органа, или фисгармонии. Шелковые платья дам и барышень, как цветник, сплетались в плавном «лансье» или развивались в мазурке. Наталья Дмитриевна любила танцы и не имела равных себе в мазурке. Хорошо танцевал и Федор Акимович.

Не раз в большой карете на круглых рессорах, шестеркой добрых коней, выезжали Мухортовы к соседям. «Натягивай постромки», - звучал, бывало, голос кучера с высоких передков фореитора, - и плавно качалась карета, и несли ее кони туда, где встречали радостно молодых, веселых гостей ...

Мухортовы не только развлекались и танцевали - они много читали. Огромный книжный шкаф шёл вдоль всего коридора дома, от залы до девичьей комнаты, и содержал большую подборку французской литературы XIX в. - романы Жорж Занд, отца и сына Дюма, Гюго, Альфреда Мюссе, Бальзака, Мериме; журналы, переводы Фенимора Купера, Диккенса, Вальтера Скотта, Байрона - французских, а также, российских авторов, начиная от Карамзина; были и российские журналы - от «Вестника Европы» и «Современника» - до «Отечественных Записок»...

P.S. Всё, что ты, читатель, только что прочёл, я узнал из «Воспоминаний» уже известного тебе украинского историка Натальи Полонской-Василенко, бабушкой которой и была упомянутая в рассказе помещица Наталья Дмитриевна Мухортова.

О писателе Тургеневе, нигилисте Базарове и одном малоизвестном персонаже

Знаешь ли ты, читатель, кто такой Виктор Якушкин? Нет? (Замечу при этом, что гораздо известнее было имя его старшего брата Павла, популярного в 50-60-ые годы XIX века писателя-этнографа и фольклориста – А.П.). А слышал ли ты, читатель, о Евгении Базарове? Уверен, - почти наверняка! А между тем, два этих человека неотделимы друг от друга, хотя первый был реальным историческим лицом, а другой - всего лишь литературный персонаж.

Виктор Иванович Якушкин родился 3 мая 1829 года в сельце Сабурово, Малоархангельского уезда Орловской губернии, в имении своего отца, отставного гвардии подпоручика, Ивана Андреевича Якушкина.

Род Якушкиных – один из известных дворянских родов России, внесённый в 6-ую часть дворянской родословной книги Смоленской губернии и ведущий начало от польского шляхтича Фёдора-Яна Ольговича Янушевского, который выехал в Россию в 1421 году (сведения московского исследователя А.И.Баландина, автора книги «П.И.Якушкин», вышедшей в издательстве «Наука» в 1969 году – А.П.). Отставной капитан Семён Андреевич Якушкин, узнав, что орловский помещик, граф С.М. Каменский, скупает по всей России музыкантов, певчих и актёров, предложил ему двадцать дворовых музыкантов за 40 тысяч рублей. «На эти деньги,- пишет А.И.Баландин,- он купил у графа имение Сабурово, расположенное в 70 километрах от Орла» (прошу не путать с другим, более известным селом Сабурово, расположенным неподалёку от Орла – А.П.).

Когда в 1813 году Семён Андреевич умер, сельцо Сабурово перешло по наследству к его младшему брату Ивану. Иван Андреевич, прослуживший шесть лет в гвардии и ушедший в 1781 году в отставку «за болезнями», к этому времени много лет уже жил холостяком. Наследство стало для него неожиданным и головокружительным подарком. Старый холостяк поселился в Сабурово и, по словам того же Баландина, вначале «повёл праздную, разгульную жизнь».

Но внезапно произошло то, чего никак не ожидали от отставного подпоручика ни его соседи-помещики, ни он сам: 65-летний ловелас в

первый раз в жизни влюбился! И в кого? В свою дворовую девку Прасковью. В веке XIX-ом связи помещиков со своими крепостными не были чем-то необычным. И потому, пока Иван Андреевич Якушкин жил с красивой молодой крестьянкой гражданским браком, соседи, хотя и осуждали его за несоблюдение правил поведения дворянина, но смотрели на это довольно снисходительно: у многих из них имелись подобные же грешки.

Три сына родились один за другим у помещика и дворовой девушки (в том числе и Павел – будущий известный писатель и фольклорист), беременна была Прасковья уже и в четвёртый раз, когда вдруг пронёсся по окрестным имениям слух: собирается венчаться Иван Андреевич Якушкин на своей любовнице. Ох, сколько тогда стрел по бедному Ивану Андреевичу выпущено было дворянами Малоархангельского уезда, особенно соседями, хорошо знавшими всю ситуацию!

Но не поддался Якушкин ни на уговоры, ни на угрозы Дворянского собрания – довёл начатое дело до конца.

В фонде 68 Государственного Архива Орловской области (фонд Дворянского депутатского собрания – А.П.) несколько лет назад обнаружил я документ, из которого узнал следующее: 5 апреля 1825 года в Троицкой церкви села Липовец (Малоархангельского уезда Орловской губернии) были повенчаны и стали законными мужем и женой 70-летний помещик, владелец имения в сельце Сабурово, Иван Андреевич Якушкин и его дворовая девка, 20-летняя Прасковья Фалалеевна, бывшая на восьмом месяце беременности. Родившегося вскоре четвёртого сына молодожёны назвали Николаем, и у него, в отличие от первых трёх братьев, имелись законные основания считаться дворянином.

Следом за ним, но уже в 1829 году появился и наш герой – Виктор, пятый из сыновей Ивана Андреевич Якушкина. Но были потом ещё и шестой – Семён, и дочь Наталья, ставшая седьмым и – последним -

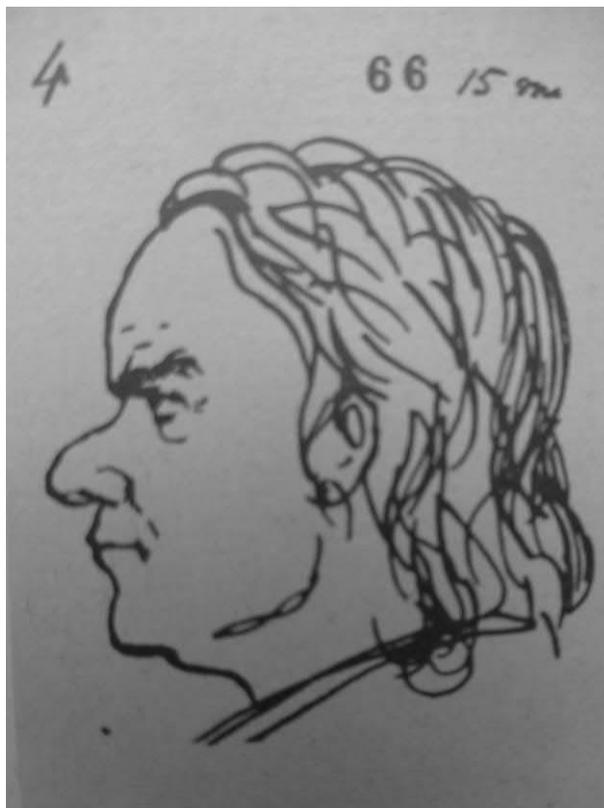

Рисунок И.С. Тургенева – Базаров из романа «Отцы и дети»

ребёнком большой семьи Якушкиных. Отцу семейства исполнилось в тот год 76, а матери - 26 лет. Шесть сыновей и, наконец-то, долгожданная дочь – теперь Иван Андреевич мог считать свою родительскую миссию выполненной.

Он скончался в 1832 году, оставив молодой жене, кроме несовершеннолетних детей, чуть более тысячи десятин земли, конный и кирпичный заводы, маслобойню, конопляники и рыбную ловлю в расположенном рядом пруде. Просторные хозяйственные постройки из камня-известняка собственной каменоломни (конюшня, скотный двор, овин, подвалы) дополняли добротность доставшегося бывшей дворовой девке Прасковье Фалалеевой наследства.

Один из биографов Павла Якушкина, его товарищ и хороший знакомый семьи, С.В.Максимов, писал, что мать Якушкина пользовалась *«общим, глубоким уважением, внушаемым её бесконечной добротой, светлым умом и сердечностью»*. Эти положительные качества дополнялись тактом опытной хозяйки: молодая вдова не промотала полученное от мужа богатство, а постаралась использовать его для того, чтобы дать образование детям. Все шесть сыновей закончили Орловскую мужскую гимназию, двое затем (Александр и Павел) поступили в университет, а Виктор – в Медико-хирургическую академию в Петербурге.

Однако Виктор далеко не сразу определил свою дорогу в жизни. Долгое время сильное влияние на него оказывал старший брат Павел. И когда, к примеру, летом 1843 года студент Московского университета Павел Якушкин, уже увлечённый устной народной поэзией, приехал в родной Малоархангельский уезд, в свою первую песенную экспедицию, вместе с двумя друзьями, то к ним присоединился и 14-летний гимназист Виктор Якушкин. Эта экспедиция была одной из самых плодотворных – собиратели записали от крестьян не менее 11 тетрадей песен, легенд и сказаний (9 тетрадей сохранились, и на самой первой из них, песни в которой были записаны от крестьян сельца Сабурово, сохранилась подпись Виктора Якушкина, возможно, как собирателя или переписчика текстов – А.П.).

В 1850-ые годы, когда Виктор Якушкин уже обучался в Петербургской Медико-хирургической академии, он тесно общался с многими членами редакции очень популярного в то время сатирического журнала «Искра», поскольку его товарищем по академии был Н.С.Курочкин – родной брат известного поэта и переводчика Василия Курочкина, который, к тому же, являлся и редактором этого журнала.

После получения диплома в 1854 году Виктор Иванович начал работать в Мценском уезде, где за короткое время успел приобрести среди местного крестьянства большую популярность как опытный и бесплатный врач. Здесь же судьба свела его со своей родственницей, племянницей И.Д. Якушкина, Елизаветой Мардарьевной Милюковой, владевшей имением в селе Старухино, в семи верстах от тургеневского Спасского-Лутовинова. Виктор Иванович и Елизавета Мардарьевна поженились, и он поселился в её доме.

Иван Сергеевич Тургенев, как сосед, довольно близко познакомился с супругами и периодически общался с ними. Тогда-то, видимо, писатель узнал, что оригинальное мировоззрение врача «зацепило» местное дворянское общество, в среде которого вскоре сформировалось мнение, что новый доктор – атеист и смутьян. Для Тургенева такие разговоры вокруг Якушкина послужили толчком к созданию образа того самого «героя нового времени», нигилиста Евгения Базарова (сам Иван Сергеевич позже, в одной из статей, писал, что никогда не покушался создавать образ, если не имел перед собой живого лица, а что касается Базарова, то Тургенев сообщил: отправной точкой послужила ему поразившая его личность молодого провинциального врача – такое высказывание приводит известный тургенист Н.М. Чернов, который называет, впрочем, и еще одного кандидата на роль прототипа Базарова – А.П.)

В 1858-1861г.г. Виктор Якушкин уезжал за границу, чтобы «совершенствоваться в науках», а возвратившись на родину, продолжил врачебную практику, вскоре показавшую, что он стал ещё более искусным специалистом. В августе 1861 года Якушкин посетил Спасское-Лутовиново, где врач и писатель встретились после долгого перерыва и вдоволь наговорились как о российской общественно-политической жизни, так и о литературе. Кто знает, может быть, кроме разговора об Артуре Бенни, чьё письмо передал хозяину усадьбы Якушкин, и зашла речь у них о новом романе Тургенева «Отцы и дети», первая редакция которого за две недели до этого была подготовлена автором к передаче в редакцию журнала «Русский вестник».

Роман, после переделки его автором, вышел в свет в 1862 году и вызвал большой общественный резонанс, а имя главного его героя стало фактически нарицательным – для обозначения целой категории людей того и последующих периодов в истории российского общества. Один же из прототипов Базарова – уездный врач Виктор Якушкин, начав вскоре испытывать проблемы со здоровьем, выехал за границу на лечение.

К сожалению, итальянские курорты не помогли, и в 1872 году, в возрасте всего лишь 43 лет, Виктор Иванович скончался в Риме от туберкулёза. Где могила Якушкина – теперь никто уже не знает, но о себе земский врач оставил добрую память – и у лечившихся у него крестьян, и у горячо любившей его жены, и у родственников, и в истории русского литературоведения.

P.S. В самом начале 20-ых годов XX века, на территории всё ещё существовавшего Малоархангельского уезда, (в той его части, что сейчас относится к Покровскому району – А.П.) в числе других населённых пунктов, наряду с деревней Сабуровой, родиной Якушкиных, значился и хутор Базарова. Стоял он на речке Туровке, в шести километрах от села Вязовое. На хуторе имелся единственный дом, в котором проживало девять человек. Что это была за семья, выяснить мне удалось спустя несколько лет после первой публикации этого очерка, и рассказ о Базаровых – впереди...

Базаровы: отец и дети

Наверное, даже тот, кто не читал знаменитого романа Тургенева «Отцы и дети», хоть раз в жизни, да слышал фамилию «Базаров», а возможно, знаком и с крылатым выражением «Базаровщина». Им во второй половине XIX века стали называть такого рода мировоззрение, которому «присущи грубый материализм и подчёркнутый прагматизм поведения, отрицание традиционного искусства и общепринятых правил поведения».

Хутор на речке Туровке

Евгений Васильевич Базаров, главный герой тургеневского романа, на несколько десятилетий стал кумиром части российской молодёжи. Впрочем, уже в XXI веке, как мне частенько кажется, особенно при прослушивании очередной теле– или радионовости, «базаровщина» словно бы никогда и не покидала нашего общества, по крайней мере, в отношении несоблюдения молодыми людьми «общепринятых правил поведения».

Однако, дорогой читатель, это предисловие. А далее я поведу речь почти об отце главного героя тургеневского романа и членах его семейства.

В самом начале 20-х годов XX века на небольшой речке Туровке, что протекала в Верхососенской волости Малоархангельского уезда, стоял хутор, называвшийся именем хозяина, – Базарова. Никто из местных жителей уже не помнил, как, когда и по каким причинам

уроженец села Незнамово Курской губернии (*ныне – в составе Старооскольского района Белгородчины – А.П.*) Василий Базаров оказался в здешних краях. В окрестностях деревни 2-ое Зиновьево Малоархангельского уезда он купил 70 десятин земли, поставил дом, рядом с которым в течение нескольких лет появились затем многочисленные хозяйственные постройки.

Здесь находился хутор Базарова

Женился Василий Фёдорович на зиновьевской крестьянке Анне, и вскоре у них родился сын-первенец, названный именем отца. А потом, вплоть до 1922 года, появилось на свет ещё семеро сыновей и дочерей: Иван, София, Анатолий, Викентий, Ольга, Александр, Нина.

Василий Базаров умел и любил трудиться, детей к этому же приучал. И хозяйство его к началу революционных событий 1917 года было, по здешним понятиям, очень зажиточным: дом, сарай и двор, крытые железом, три амбара, рига, молотильная машина, косилка, 6 рабочих лошадей, 5 дойных коров, 70 овец и большое количество птицы.

Три месяца тюрьмы – за карикатуру

С приходом Советской власти положение семьи Базаровых сразу же изменилось: уже в годы гражданской войны у них отобрали

большую часть земли, молотильную машину, косилку, 5 лошадей и 4 коровы, лишили избирательных прав всех взрослых членов семьи.

Естественно, такие действия не вызвали большой радости у Базаровых. Открытого возмущения они не высказывали, но... В 1920 году хозяина хутора, Василия Фёдоровича Базарова, и его старшего сына Василия арестовали за то, что местный милиционер обнаружил у них в доме тетрадку с карикатурой на Советскую власть, которая *«была с вождями зарисована в виде собак с длинными языками и подписью – «Без толку болтают».*

Суд приговорил тогда отца и сына к трём месяцам тюрьмы. После отсидки Базаровы ещё больше затаились, но мириться с несправедливостью, когда она приходила, всё равно не желали. Несколько раз Василия Фёдоровича штрафовали – то за неуплату самообложения, то за невыполнение задания по хлебопоставкам.

А в 1929 году, после принятия советским руководством решений о массовой коллективизации и о «ликвидации кулачества как класса» хозяин хутора Базарова понял, что пришли последние дни существования их крепкого когда-то и дружного хозяйства.

Правда, догадываясь об этом и раньше, Василий Фёдорович постарался заранее позаботиться о старших детях, которые стали потихоньку разъезжаться из родных мест.

Василий покинул хутор вскоре после выхода из тюрьмы, следом уехал Иван – на учёбу в Воронежский сельхозинститут, потом – Софья и Анатолий подались в Одессу. С отцом-матерью остались несовершеннолетние. Им-то и досталось «на орехи» вместе с родителями.

«Ликвидировать в 24 часа...»

1 февраля 1930 года состоялось общее собрание *«массовой бедноты с участием середняков 2-ого Зиновьевского общества Вязовского сельсовета Дросковского РИКа Орловского округа»*, на котором слушался вопрос «О ликвидации кулачества как класса». При обсуждении была зачитана справка, что Василий Базаров *«...до раскулачивания имел дом, сарай, 3 амбара, ригу, двор, лошадь, а корову продал, боясь коллективизации».*

Во второй справке, приложенной к протоколу общего собрания, говорилось:

«Базаров Василий Фёдорович в 1928 году был сужден за вымогательство справки в бывшем пред.сельсовете, за что был присужден к одному году принудработ и конфискации части имущества, а также в 1929 году был сужден за хлебозаготовку и

самообложения, был присужден к денежному штрафу, что и удостоверяется. Врио пред. В. Белоусов».

Постановление по итогам общего собрания оказалось коротким: *«Базарова Василия Фёдоровича ликвидировать в 24 часа из пределов ЦЧО... Выписка из протокола верна...».*

21 февраля прошло ещё и заседание *«группы бедноты с участием актива деревни 2-ой Зиновьевой Вязовского с/совета Дросковского РИКа, Орловского округа»*, на котором *«кулака Базарова Василия Фёдоровича»* отнесли к первой категории и постановили *«как контрреволюционера со всей семьёю из пределов ЦЧО выселить».*

И буквально через несколько дней комендант Орловского сборного пункта ОГПУ сдал коменданту эшелона для отправки на восток семью кулаков Базаровых – Василия Фёдоровича, 54 лет, Анну Парфёновну, 52 лет, Викентия, 16 лет, Ольгу, 14 лет, Александра, 9 лет, Нину, 8 лет.

Сумели ли они взять с собою какое-то имущество – не знаю. В каких краях оказались – тоже неизвестно. Но следы отдельных членов семьи Базаровых я обнаружил благодаря поиску на недавно открытых сайтах «ОБДМемориал.Ру» и «Подвиг народа».

На фронтах войны

Красноармеец Базаров Анатолий Васильевич, 1912 года рождения, уроженец Дросковского района, был призван на фронт 25 июня 1941 года Талдомским РВК Московской области (сюда, в Подмосковье, он перебрался из Одессы). Согласно одной «похоронке», А.В.Базаров пропал без вести в ноябре 1941 года. По другому «извещению», Анатолий Базаров попал в плен под Псковом 19 июля 1941 года. Дальнейшая судьба его неизвестна. У него осталась жена, Евгения Базарова (*представляешь, читатель, Евгения! – А.П.*).

О самом младшем из братьев, Александре, 1920 года рождения, сведения такие же скудные. Призван был в Красную Армию в 1939 году одним из райвоенкоматов Москвы, оказался на флоте (почтовый ящик 402), связь с ним оказалась потеряна с 17 июня 1941 года.

О двух старших братьях большого семейства – Василии и Иване, точных сведений найти не удалось, но, по косвенным, они тоже воевали и погибли.

Викентий – восстановитель

Самым везучим и единственным выжившим из пяти сыновей Василия Базарова оказался Викентий, 1915 года рождения. Благодаря его наградному листу с сайта «Подвиг народа» можно предположить, что всю семью в том, 1930 году, когда раскулачили, выслали на Урал, где и они проживали вплоть до конца 30-ых годов. 15 мая 1940 года

Звериноголовский райвоенкомат Челябинской области (ныне это Курганская область – А.П.) призвал Викентия Базарова в Красную Армию. Я уже писал о его везучести, и это не пустые слова, ведь сын ссыльного кулака сумел закончить военное училище и с началом Великой Отечественной войны стал командиром путевого взвода противовоздушной обороны 118 восстановительного железнодорожного батальона.

Вместе со своими бойцами лейтенант не раз отличался во время оборонительных и наступательных боёв под Сталинградом, при восстановлении железнодорожных путей на участках Лошкарёвка – Апостолово, Котовск – Одесса (это территория Украины – А.П.), Тукумс – Виндава (территория Латвии – А.П.). Неоднократно взвод Базарова попадал под обстрелы и бомбёжку противника, во время одного из таких налётов Викентий Васильевич был ранен в ногу осколком снаряда.

За самоотверженную работу по восстановлению железных дорог, проявленные при этом доблесть и мужество лейтенант Викентий Базаров был награждён медалью «За оборону Сталинграда» и орденом Красной Звезды.

После войны он поселился в Ростове, жил на улице Станиславского. А в 1946 году пытался найти через архив Министерства Обороны своего пропавшего без вести брата Александра. Но – без результата.

В 1987 году Викентий Викентьевич ещё был жив, его наградили тогда орденом Отечественной войны I степени.

Меня в истории бывшего «кулацкого» семейства поражает, что два десятилетия Советская власть безжалостно давила семью Базаровых, считая их «врагами народа», лишала имущества, сажала в тюрьму, выслала из родных мест, а все мужчины этого рода, когда пришла великая беда, не стали лелеять свои обиды, не стали «идейными противниками Сталина», а просто защищали Родину. И четверо из пяти братьев отдали за это свои жизни.

Р.С. Там, где когда-то находился хутор Базарова, в декабре 1941 года развернулись кровопролитные бои (наши войска в это время осуществляли Ливенско-Елецкую наступательную операцию). Сгорели при обстрелах последние постройки раскулаченного хозяина. Сейчас, 76 лет спустя, на этом месте – заросшее лесное пространство, на котором только весной и осенью чуть проглядывают черты былой человеческой деятельности. Но местные жители из соседних деревень по-прежнему помнят имя это одичавшего массива – Базарова. Память человеческая – великая сила!

Фон Рутцен, он же – Руцын, он же – Рудин
(о герое романа Тургенева и его орловском прообразе)

Иван Сергеевич Тургенев написал только один роман, названный именем главного героя, – «Рудин». Но большинство земляков великого писателя даже не догадывается, что человек, послуживший Тургеневу прообразом этого интересного, мечущегося в поисках смысла жизни и чрезвычайно неудачливого персонажа, - родился в Орле, долгое время жил в Орловской губернии и был связан со многими орловчанами прочными нитями дружбы и сотрудничества.

Немец с русской душой

Николай Карлович фон Рутцен – так звали этого человека с немецкой фамилией, но совершенно русской душой.

Получив хорошее домашнее образование и закончив Орловскую мужскую гимназию, 16-летний Николай поступил в Московский Университет, на математический факультет. Учился усердно, успевая заниматься не только математикой, но и вникая в общественные проблемы России. Этому в немалой степени способствовало близкое знакомство студента Рутцена с земляком, профессором Тимофеем Грановским, у которого все годы учёбы жил Николай Карлович. Влияние известного русского историка отразилось потом на характере и идеях Рутцена.

Вскоре после окончания Московского Университета молодой кандидат потерял свою мать, и на его руках остались две молоденькие сестры, брат, о которых предстояло позаботиться материально. На доставшихся же по наследству от матери имениях в Орловской губернии лежали такие огромные и просроченные долги казне и частным лицам, что они почти равнялись стоимости имения.

Начав заниматься приведением в порядок полученного хозяйства, спустя короткое время Николай Рутцен вполне в этом преуспел, попутно успевая готовить своего брата в университет и ездить с сестрами для их уроков и разъяснениями в Москву и в Петербург. Младшие члены семейства, окружённые любовью и заботой старшего брата, отвечали ему безграничной привязанностью и преданностью.

Стал известен Николай Карлович и своей активной общественной деятельностью – на ниве образования и оказывая помощь крестьянам в земельных вопросах, во множестве появившихся после отмены крепостного права. В должности мирового посредника по Малоархангельскому уезду Рутцен сумел найти золотую середину в урегулировании взаимоотношений помещиков-землевладельцев и

крестьян, получавших землю. Николай Карлович получил полный карт-бланш от орловского губернатора Николая Левашова и ни разу его не подвёл.

Столь же плодотворно работал Рутцен потом на аналогичных должностях в Царстве Польском и в Курской губернии, где проживал в последние годы жизни.

Но я хочу рассказать чуть больше о той деятельности Николая Карловича, из-за которой многие современники (да и сегодняшние исследователи) считали его «прожектёром и мечтателем», между тем как...

Николай Карлович Рутцен

Сестра Н.К. Рутцена, Александра Карловна (сидит)

«Изобретение Рутцена повергло меня в недоумение...»

Впрочем, слово Ивану Сергеевичу Тургеневу. Получив письмо от писательницы Марко Вовчок с известием о том, что Рутцен заказал за границей свою машину для перевозки тяжестей зимою, Тургенев ответил ей 10 июля 1859 года следующее: *«Изобретение Рутцена повергло меня в недоумение... После этого найдётся человек, который придумает машину, которая будет час нести ложку ко рту»*. Как видно, великий писатель с большим скептицизмом отнёсся к инженерному проекту своего давнего знакомого.

Механика, машины были страстью Николая Карловича всю жизнь, но посвящал он им только свободное время, хотя и в эти короткие промежутки успел многое.

Рутцена занимал один проект, которому он придавал огромное общественное значение, – *"проект перевозки грузов по снегу и по льду посредством парового двигателя"*; его увлекала и простота исполнения; он рассчитывал, что это доставит России неисчислимые выгоды, сделав общедоступными все лесные и другие богатства северо-восточной России, казенные и частные.

Проект этот был им вполне разработан дома и за границей и даже напечатан в "Промышленном Листке". Его издали отдельными брошюрами в Москве и Париже. Рутцен имел патент на этот способ перевозки, это была его идея-фикс почти до конца жизни.

Долгое время считалось, что проект Рутцена остался неосуществленным, но вот что до сих пор рассказывают жители деревни Костюрино, той самой, где когда-то находилось имение Рутценов (Малоархангельский район – А.П.). Историю эту передают там уже в четвёртом поколении.

Пруд на речке Белой у деревни Костюрино (фото с сайта Малоархангельск.ру)

«Санний паровоз» и судьба его изобретателя

Конец 1859 года. Канун Рождества Христова. Помещик сельца Костюрина Малоархангельского уезда Николай Рутцен (*барин Руцын* – так его зовут местные жители – А.П.) устраивает праздничные

катания для своих крестьян. На замёрзшем пруду, что сооружён был помещиком несколько лет назад на ручье Белом, с раннего утра, несмотря на сильный мороз – невиданное столпотворение. Собралось взрослое и мужское население не только из Костюрина и близлежащих деревень, но и из уездного города Малоархангельска. Пришли, чтобы полюбоваться невиданным зрелищем: по льду реки будут пущены Руцыным самоходные паровые сани. Идут жаркие споры. Кое-кто недоверчиво качает головой – где это видано, чтобы сани ехали без лошади, ничего у изобретателя не выйдет.

Для испытаний на пруду очищен участок длиною около полуверсты. В самом начале ледовой трассы, у берега, стоит «санный паровоз» с одной парой передних зубчатых колес и двумя парами полозьев. К нему прицеплен поезд из двух саней. «Паровозом» управляют двое: машинист и водитель, направляющий передние полозья.

Рутцен подаёт сигнал выстрелом из ружья, и под восторженные крики публики диковинное транспортное средство сдвигается с места. Из-под зубьев передних колёс летит крошеный лёд, «санный паровоз» немного потряхивает, но он всё увереннее набирает ход. Мальчишки, сопровождая его, сначала бегут рядом, но потом быстро отстают.

Полверсты ледовая машина преодолела меньше, чем за две минуты. После остановки пришлось, правда, помучиться, чтобы развернуть «санный поезд». Тут уж все подбежавшие мужики постарались.

Николай Карлович, отправляя «ледовый паровоз» во второй рейс, сам сел в первые сани и пригласил всех желающих. Храбрых мужиков не нашлось, зато мальчишек набилось более 50 человек. Когда транспорт стартовал, визг ехавших слышался за версту.

На третий рейс сели в сани уже и несколько мужиков. Пролетели, с перерывами, два часа, после чего верхний слой льда на пруду превратился в крошево, и рождественское развлечение малоархангельцев закончилось.

Вот так в сельце Костюрине 24 декабря 1859 года прошло испытания транспортное средство Николая Рутцена. Сам он на следующий день стал готовить письмо в столичные газеты и в Российскую Академию Наук, но закончить отчёт не успел. «Санный паровоз», стоявший в специально построенном для него ангаре, сгорел в результате внезапного и сильного пожара через три дня после публичного представления. Разговоров по этому поводу тогда в Малоархангельском уезде было много, но следов злоумышленников так и не нашли.

Рутцен слёг с нервным расстройством, и здоровье его после этой трагедии сильно пошатнулось. На вторую попытку создания самодвижущейся ледовой машины сил у изобретателя не осталось. Немного оправившись, он полностью переключился на общественную деятельность.

Николай Карлович фон Рутцен скончался 6-го декабря 1880 года в селе Покровском Фатежского уезда Курской губернии. Земское собрание этого уезда почтило его память и заслуги, учредив стипендию имени Рутцена для лучшего воспитанника Курской Земской Учительской Школы и поместив его портрет в зале этой школы, которую он же основал и поддерживал материально до последнего времени.

По Николаю Карловичу прошла в Курской Земской Учительской школе панихида, а его вдова получила письменное соболезнование от Курского Губернского Земского собрания.

«Прожектёр и фантазёр», каким представлялся подвижник Рутцен некоторым из современников, едва ли был бы так оценён земцами-практиками.

На Орловской же земле заслуги общественного деятеля и изобретателя Николая Рутцена пока никак не отмечены.

Тургеневские Топки во времени и пространстве

16 ноября 1850 года в Москве в доме на Остоженке, умерла Варвара Петровна Тургенева. Одной из богатейших помещиц России принадлежали имения в Курской, Калужской, Тамбовской, Тульской и Орловской губерниях.

Процесс оформления наследства ее сыновьями (по разным причинам) несколько затянулся, и лишь в марте 1855 года в Орловской палате окружного суда надворный советник Николай Сергеевич и коллежский секретарь Иван Сергеевич Тургеневы произвели раздел принадлежавших их матери владений и крестьян.

По раздельному акту И.С. Тургенев получил 1925 душ, а его брат – 1360. В Малоархангельском уезде Орловской губернии участок писателя составили следующие имения, земли и души:

«Село Тапки (через «а» - А.П.) и селцо Хмелевое, при коих состоят земляные дачи... В селе Тапки водяная мукомольная мельница. Душ по 9-ой ревизии в селе Тапках – 210 мужского пола и 225 – женского пола, в селце Хмелевом – 44 мужского и 43 – женского пола» (Центральный Государственный Исторический архив, фонд 1463, опись 1, ед.хр 1201, л. 25 об. – А.П.).

Дорога из села Топки на деревню Лутовиново

И сразу же - о мельнице. Находилась она на ручье Топкий Ржавец, протекавшем через село и впадавшем затем в реку Сосну. К сожалению, о хозяйственной деятельности и судьбе мельницы мне ничего выяснить не удалось, но при продаже Тургеневым своего топковского владения купцу А.И.Кошеверову (Кашеварову) в 1880 году она в перечне имущества уже не упоминалась.

Так в 1855 году Иван Сергеевич стал хозяином имения, о котором и пойдет речь в нашем повествовании. Сразу – во избежание дальнейших недоразумений – хочу подчеркнуть, что имение «Топки» и село Топки – разные понятия. Село Топки в XVIII-XIX веках (до 1861 года) было большим населенным пунктом, в котором проживали как государственные, так и помещичьи крестьяне, принадлежавшие нескольким владельцам.

Одним из них в XVIII веке был ливенский помещик Петр Лутовинов (с момента образования в 1778 году Орловской губернии и нового уездного деления он стал малоархангельским помещиком).

Именно Петру Лутовинову, деду Ивана Сергеевича Тургенева по матери, и принадлежала большая часть помещичьих крестьян в селе Топки и частных земельных владений в Топковской и Верхососенской дачах.

Далее в статье (если не будет подчеркнуто особо), говоря о Топках, я буду иметь в виду только имение Лутовиновых – Тургеневых (Петра Ивановича, Варвары Петровны, Ивана Сергеевича).

Ручей Топкий Ржавец

Петр Лутовинов, фактически изгнанный в свое время из Преображенского полка с дурным аттестатом, обладал буйным и неукротимым нравом. Став владельцем земельных участков в Топках и окрестностях, он построил здесь помещичий дом, из которого, как средневековый феодал, совершал набеги на владения соседей – однодворцев.

В Ливнах, в Мценске и Малоархангельске неоднократно рассматривались в конце 70 – начале 80-ых годов XVIII века дела «о ссоре и драке крестьян капитана Лутовинова с однодворцами села Верхососенья (Топковская и Верхососенская земельные дачи граничили друг с другом – А.П.) на спорной земле».

Живший в имении князя Куракина в качестве архитектора Владимир Алексеевич Бакарев оставил записи, в которых идет речь как раз об этих событиях:

«Лутовинов... послал сказать своим противникам, чтобы они ехали с его земли и не пахали бы ее, как не им принадлежавшую, а ему. Сначала сделалась брань, потом драка, а потом совершенное побоище. Лутовинов выехал со всею охотою, большей частью напоенной допьяна, обе стороны остервенились до того, что на месте с обеих партий было убитых до 15 человек. Охотники стреляли из пистолетов. Когда Лутовинов одолел, тогда собрал все мертвые тела и повез их в город Ливны. Едучи туда через селение противников, зажег оно с

обоих концов и кричал: «Я – бич ваш!» Приехавши в Ливны, он прямо доставил убитых в суд и сказал судьям: «Вот я управился». Его, разумеется, взяли, и он сидел в деревне своей до 15 лет на поруках; в это время до 50 человек его крестьян умерло в остроге» (смотри очерк «Братья-разбойники Лутовиновы», с.18 – А.П.).

В селе Верхососенье и по сию пору живут Овсянниковы – потомки тех однодворцев, с которыми сражался за лишний кусок земли Петр Лутовинов. Тургенев в рассказе «Однодворец Овсянников» поведал нам о судьбе одного из противников своего буйного деда, которого устами главного героя он осудил за самоуправство.

Петр Иванович Лутовинов умер в 1787 году, за два месяца до рождения дочери Варвары, которой, в конце концов, и достались скромный (по меркам помещичьим) усадебный дом в селе Топки и два земельных владения в Топковской и Верхососенской дачах общей площадью более полутора тысяч десятин. Став владелицей имения в Топках, Варвара Петровна посещала его довольно редко (известны ее приезды сюда летом 1839 и летом 1842 года).

Топковское имение было одним из самых больших и доходных во владениях Тургеневой и потому, хотя оно и превратилось в «заглазное», редко посещаемое хозяйкой, Варвара Петровна старалась вникать в дела хозяйственные. Для удобства пахоты и сева ей хотелось два здешних земельных участка в Топковской и Верхососенской даче свести в один, производя обмен с соседями. Но семилетние усилия Тургеневой в этом направлении так ничем и не закончились.

Приезжая в Топки, Варвара Петровна останавливалась в построенном ее отцом доме, который уже понемногу начал приходить в упадок. И хотя за ним присматривали слуги, жившие здесь же, неуютность дома чувствовали гости, изредка сюда заглядывавшие.

Когда в 1858-ом году в Топки на охоту вместе с Тургеневым приехал Афанасий Фет, то, ночуя в доме (в своих воспоминаниях назвав его «старым флигелем» – А.П.) он заметил пустые комнаты, отсутствие мебели и ткацкий стан, на котором работал крепостной ткач.

После того, как Иван Сергеевич стал владельцем Топков, то, продолжая усилия матери, он пытался свести два земельных участка в один (на это ушло еще 20 безрезультатных лет), и в дедовском доме дважды собирались на съезд для полюбовного решения вопроса об обмене участков землевладельцы Топковской и Верхососенской дач.

Писатель, как и его мать, приезжал в Топки нечасто. В окрестностях этого села – болотистые, топкие места и поэтому в середине XIX века здесь обитало множество болотной дичи, на которую и приезжал охотиться Иван Сергеевич (в 1853 году – один, в 1858 году –

вместе с Фетом, а в 1881 году - в свой последний приезд в Россию, как будто попрощаться – снова один). Но если бывал в Топках Тургенев редко, то в своих письмах, деловых бумагах в 70-ые годы он обращался к Топковскому имению неоднократно, поскольку оно приносило писателю постоянные проблемы и достаточно скромный доход.

В денежном выражении это выглядело так – 4200 рублей, выплачиваемых в три срока мценским купцом А.И. Кошеверовым (Кашеверовым, Кашеваровым – встречаются три варианта написания его фамилии – А.П.) за годовую аренду имения.

Правда, Тургенев считал, что его управляющие – Н.Н. Тургенев и Н.А. Кишинский и от Топков, и от других имений присылают Ивану Сергеевичу недостаточно денег (в силу того, что хозяйствуют неумело и просто подворовывают).

В начале 1880 года, когда у писателя возникли материальные затруднения, он решился на продажу имения в Топках, и во второй половине этого же года арендатор Кошеверов, заплатив Тургеневу наличными 69 тысяч рублей (а общая сумма сделки составила 81 тысячу), стал новым владельцем имения. Так закончилась история владения Топками семейством Лутовиновых и Тургеневых.

Но это еще не конец всей истории, поскольку мы должны сказать, конечно же, о судьбе старого дедовского дома. По всей видимости, уже при Кошеверове он пришел в совсем непригодное состояние, поскольку из письма Тургенева барону Гинцбургу нам известно о том, что арендатор построил новый флигель, в котором жил. Вполне вероятно, что после покупки Топков Кошеверов старый Лутовиновский дом разобрал, хотя некоторые старожилы села Топки вспоминают о его существовании еще в 50-60-ые г.г. XX века. Однако, скорее всего, они видели уже Кошеверовскую постройку.

И наконец, последнее, уже литературное, добавление к повествованию о Топках. По мнению Фета, побывавшего здесь в 1858 году, прообразом сельца Васильевского в «Дворянском гнезде» послужили как раз Топки, а старый дом, описанный в романе, очень похож на реально существовавший дом Петра Лутовинова («старый флигель» – А.П.). Правда, с точкой зрения А.Фета согласны не все тургенеvedы.

О последнем посещении И.С. Тургеневым Топков, уже проданных к этому времени Кошеверову, сохранились воспоминания учителя Топковской земской школы Ардалиона Замятина, написанные в 1924 году.

И хотя в этих воспоминаниях есть неточность (Замятин пишет о том, что Тургенев, якобы, приехал к Кошеверову, чтобы договориться

об окончательной продаже имения, между тем как Топки уже были к этому времени им проданы – около года назад), они являются единственными подробными свидетельствами посещения писателем Топков.

Иван Сергеевич помог тогда мужикам - погорельцам из деревни Лутовиновой, которые пришли к новому владельцу имения с просьбой о помощи. Тургенев, после разговора с мужиками, выдал им «на погорелое» 100 рублей. А потом Иван Сергеевич уехал – из Топков, из Спасского, из России и, как оказалось, навсегда.

Новый владелец имения Александр Иванович Кошеверов, успешно справлявшийся с управлением и хозяйствованием в Топках, по каким-то причинам вскоре продал свое приобретение – орловскому купцу Гавриилу Афанасьевичу Ильинскому.

Согласно данным «Списка землевладельцев Верхососенской волости за 1908 год» он владел 670 десятинами земли (чуть меньше, чем в 1880 году продал Тургенев Кошеверову – но это и понятно: времени прошло уже почти 30 лет).

После смерти Г.А. Ильинского имением управляли его сыновья Василий и Николай. В ноябре 1917 года все их имение и имущество в нем были разграблены крестьянами Топков и соседских деревень. Целым оставался лишь жилой дом Ильинских, но и его чуть позже постигла та же участь.

Долгие годы при Советской власти как-то и не вспоминали даже о том, что Топки – это бывшее имение великого русского писателя, которого эта власть, вроде бы, ценила и уважала.

Когда в Топках в период коллективизации появился первый колхоз, название у него было стандартное – «Новая жизнь». А возникший в 1957 году в результате объединения новый колхоз и вовсе назвали именем партийного деятеля Жданова. Какое он имел отношение к Топкам – неизвестно, но даже памятник ему в селе поставили (кстати, стоит до сих пор).

И лишь после того, как усилиями работников Орловского объединённого государственного литературного музея И.С. Тургенева на базе Топковской средней школы возник в 80-е г.г. XX века в селе литературно-краеведческий музей, материалы которого рассказывали о связях Тургенева с Топками, тогда стали задумываться об увековечивании в крае имени великого писателя.

В 1988 году общеколхозное собрание заменило имя Жданова на Тургенева. Колхозов сейчас в Покровском районе нет, вместо них возникли крупные агрофирмы, одна из которых около трёх лет называлась ООО «Тургеневское».

Пятнадцать лет назад тогдашний глава Покровского района И.А. Хохлов принял постановление об ускоренном развитии Топковской сельской администрации, сёла и деревни которой в последнее время таяли на глазах, а население из-за тяжелых бытовых условий разъезжалось по городам и весям.

До Топков, до местного музея, рассказывающего о Тургеневе, наконец – то, стало возможным доехать в любую погоду, а не только жарким летом (здесь, как и в былые тургеневские времена люди и машины до недавних пор просто тонули на болотистых улицах). Появился в Топках и газ, а всего остального в селе – включая красивейшие и к тому же исторические места, всегда было в достатке.

К сожалению, в настоящее время огромные в XIX веке Топки вымирают, медленно и верно. В Топковской школе, которую основал когда-то Ардалион Замятин ещё как земскую, сейчас не наберётся и тридцати учеников, она из средней превратилась в основную, а в районе говорят уже о её окончательном закрытии.

И какая судьба ожидает тогда музей, многие материалы которого рассказывают о великом русском писателе, - нетрудно предсказать. Впрочем, надежда пока ещё теплится. Надежда на то, что история таких мест, как Топки, не должна уходить в небытие.

Село Топки в произведениях Тургенева и в воспоминаниях о нём

Одним из лучших произведений Ивана Сергеевича Тургенева является роман «Дворянское гнездо». Написан он был в 1858 году, публиковался в январском номере журнала «Современник», а несколько позднее вышел отдельным изданием. Уже при жизни писателя роман переиздавался шесть раз. Роман небольшой по объёму, легко читается, и, как многие повести Тургенева, овеян мягким и грустным лиризмом.

Для жителей села Топки Покровского района (в прошлом – Малоархангельского уезда – А.П.) интересен один отрывок из романа. С некоторыми сокращениями я процитирую его (главы 18 и 19).

«Тарантас толкнуло: Лаврецкий выпрямился и широко раскрыл глаза. Перед ним на пригорке тянулась небольшая деревенька; немного вправо виднелся ветхий господский домик с закрытыми ставнями и крикливым крылечком; по широкому двору, от самых ворот, росла крапива, зеленая и густая, как конопля; тут же стоял дубовый, еще крепкий амбарчик. Это было Васильевское...».

«Вот я и дома, вот я и вернулся», - подумал Лаврецкий, входя в крошечную переднюю, между тем как ставни со стуком и визгом отворялись одна за другой, и дневной свет проникал в опустелые покои.

Небольшой домик, куда приехал Лаврецкий, был выстроен из прочного соснового леса; он на вид казался ветхим, но мог простоять еще лет пятьдесят или более. Лаврецкий обошел все комнаты и, к великому беспокойству старых, вялых мух с белой пылью на спине, велел всюду открыть окна. Все в доме осталось как было: тонконогие белые диванчики в гостиной, обитые глянцевитым серым штофом, протертые и продавленные, живо напоминали екатерининские времена... В спальне возвышалась узкая кровать, под пологом из стародавней, весьма добротной полосатой материи; горка полинялых подушек и стеганое жидкое одеяльце лежали на кровати... Туалетный столик из штучного дерева, с медными бляхами и крикливым зеркальцем, с почернелой позолотой, стоял у окна. Рядом с спальней находилась образная, маленькая комнатка с голыми стенами и тяжелым киотом в угле; на полу лежал истертый, закапанный воском коверчик... Осмотрев дом, Лаврецкий вышел в сад и остался им доволен. Он весь зарос бурьяном, лопухами, крыжовником и малиной, но в нем было много тени, много старых лип... Сад оканчивался небольшим светлым прудом с каймой из высокого красноватого тростника».

Пруд на Топком Ржавце

По мнению некоторых тургенистов, деревня Васильевская, куда приехал Лаврецкий, как в одно из своих имений – это село Топки Покровского района (в 1842 году оно относилось к Малоархангельскому уезду – А.П.). Дом, в котором поселяется Лаврецкий, – это помещичий дом Лутовиновых (флигель, как его иногда называли – А.П.), от которых он перешел по наследству к Ивану Сергеевичу Тургеневу в бытность его владения Топками.

Подтверждением этому служат воспоминания известного русского поэта, орловчанина Афанасия Афанасьевича Фета, который был дружен с Тургеневым и часто приезжал к нему в Спасское-Лутовиново. Вот что пишет Фет (цитата из двухтомника «Мои воспоминания», глава 9).

«В те времена Малоархангельский уезд славился изобилием болотной дичины, и если мы с Тургеневым ездили в его Малоархангельское имение Топки, впоследствии им проданное, то, конечно, главной целью Тургенева было удобно поохотиться, а никак не разбирать какие-либо свои экономические дела. Пролет болотной дичи почти совпадает с лучшим временем охоты на молодых тетеревей, с которой мы только что вернулись. Вследствие этого и зная достоверно, что действие романа «Дворянское гнездо» перенесено Тургеневым в Топки, я до сего времени думал, что поездка в Малоархангельск совершена нами гораздо позднее, но, увы! – развертывая сочинение Тургенева, увидел пометку «Дворянского гнезда» - 1858 годом, вследствие чего не может быть ни малейшего сомнения, что вскорости после охоты на тетеревей мы с Тургеневым направились в Топки. Описание старого флигеля, в котором мы останавливались, весьма преувеличено пером романиста. По раскрытии ставней мухи действительно оказались напудренными мелом, но никаких штофных диванов, высоких кресел и портретов я не видал. А в одной из пустых комнат, вместо упоминаемой кровати под пологом, я увидел ткацкий станок, на котором крепостной ткач работал прекрасную пестрядь. Правда, что худо ли, хорошо ли, нам приготовили обед, и старый слуга Антон, принарядившись в серый сюртучок, надел белые вязаные перчатки».

Итак, А.А. Фет прямо говорит, что действие романа «Дворянское гнездо» происходит в Топках. Это отраднейший факт: как-никак населенный пункт нашего района изображен в одном из лучших романов замечательного русского писателя. Фет дополняет литературные описания Топков (Васильевского) реалистическим описанием увиденного, а в результате перед нами встает село сто пятьдесят лет назад.

Закончить эту часть хочется еще одним отрывком из воспоминаний А.А. Фета, в котором говорится о пребывании двух писателей в Топках и о встрече Тургенева с крестьянами.

«На другой день нашего приезда в Топки Тургенев, предчувствуя, что к нему придут крестьяне, мучительно томился предстоящей необходимостью выйти к ним на крыльцо. Сетования эти до того мне надоели, что я вызвался выйти вместо него к крестьянам и полагаю, что исполнил бы это, хоть не с большей пользой, но с большим достоинством. Я из окна смотрел на эту сцену. Красивые и, видимо, зажиточные крестьяне без шапок окружили крыльцо, на котором стоял Тургенев, и, отчасти повернувшись к стене, царапал ее ногтем. Какой-то мужик ловко подвел Ивану Сергеевичу о недостатке у него тяговой земли и просил о прибавке таковой. Не успел Иван Сергеевич обещать мужику просимую землю, как подобные настоятельные нужды явились у всех, и дело кончилось раздачей всей барской земли крестьянам. Само собою разумеется, что дело это оставалось на этом основании до отъезда Ивана Сергеевича за границу и приезда Николая Николаевича в Топки».

Судя по воспоминаниям Фета, Тургенев всю свою топковскую землю раздал в 1858 году крестьянам бесплатно, но дядя его, Н.Н. Тургенев, управляющий имениями писателя, не допустил этого после отъезда Ивана Сергеевича за границу, и крестьяне земли не получили.

В томе XI Полного собрания сочинений и писем Ивана Сергеевича Тургенева (письма) в разделе «Официальные письма и деловые бумаги» на странице 356 имеется любопытный для нас документ. Это доверенность, выданная писателем своему управляющему Н.А. Кишинскому 23 апреля (5 мая) 1875 года в Париже. Мы процитируем небольшой отрывок из нее.

«Милостивый государь, Никита Алексеевич, прошу Вас распорядиться о выдаче на законном основании купчих крепостей на уступленные и проданные участки земли из имений моих, в количестве, Вам известном...». Далее Тургенев называет несколько фамилий тех крестьян и дворовых, кому должны быть выданы купчие крепости. И среди них «... Орловской губернии, Малоархангельского уезда при селе Топках, Покровское тож - бывшему дворовому человеку Ивану Ивановичу Замятину...»

Итак, из этой доверенности мы узнаем, что бывший дворовый человек И. С. Тургенева, Иван Иванович Замятин, проживавший в селе Топки, получил купчую крепость на право владения землей. Произошло это в 1875 году.

Иван Иванович Замятин и его жена родились и жили в Спасском-Лутовинове Мценского уезда. Незадолго перед реформой 1861 года их переселили в Топки, где жили крепостные крестьяне Тургенева и был барский дом. Иван Иванович ткал льняные полотна, а жена его пряла. После реформы Замятин стал сторожем в барском лесу.

Церковная сторожка Покровской церкви села Топки

В январе 1861 года, перед самой отменой крепостного права, у Замятиных родился сын, названный Ардалионом. Ардалион Иванович около сорока лет проработал учителем Топковской земской школы. В

Окно сторожки

1924 году он написал воспоминания о двух его встречах с Тургеневым. Эти воспоминания хранятся в фондах музея И.С. Тургенева. Привожу их с некоторыми сокращениями.

«...Это было в 1870 году, в мае или июне месяце. Деревня Лутовинова, где жили мои родители, принадлежала Тургеневу, отец мой, бывший дворовый, служил после освобождения крестьян в этом имении вроде посыльного при бурмистре. Жили мы в огромной барской избе, где помещалось две семьи. Изба эта была холодная, и отец всегда мечтал построить себе

собственную избу, но денег у него не было, так как отец получал жалованья два рубля в месяц и месячину... Когда стало известно, что Иван Сергеевич приехал из-за границы в Спасское, то отец решил ехать к нему и просить себе усадьбу (всем дворовым в Спасском были усадьбы вырезаны бесплатно) и, кроме того, узнать, не продаст ли ему барин небольшой флигелек, стоящий на барском дворе. Бурмистр дал отцу лошадь с телегой, и мы поехали.

В Спасском мы пробыли дня три. Отец ездил писать купчую на землю, а флигель был продан отцу за деньги в половинной стоимости. В эти дни я еще раз видел Ивана Сергеевича. Я с товарищами пошел ловить рыбу в пруде. Проходя по аллее, мы увидели идущего нам навстречу Тургенева с каким – то другим баринном. Он был без шляпы, и волосы его развевались при ветерке. Мы почему-то так испугались, что бросились в сторону и спрятались за куст.

Вторая встреча моя с Тургеневым произошла в августе 1881 года, в последний его приезд в Россию. В это время мне уже было 20 лет, я состоял учителем в Топковской земской школе, и в моих глазах И.С. Тургенев был не просто «барин» и «сочинитель», как говорила моя бабушка, а мировая известность.

Это было 11 августа. Я сидел на крыльце того флигелька, о котором писал выше, и что-то, кажется, читал. Было около четырех часов пополудни. Наша деревня находится в стороне от больших дорог, и поэтому, кроме как на мужицких телегах, никто никогда не проезжал. Вдруг я вижу: едет карета, запряженная тройкой лошадей, а из кареты, когда она поравнялась, смотрит белая как лунь голова в шляпе и с белою же бороною. Не знаю, почему я сразу узнал его? По портретам ли? Или потому, что видел его 11 лет назад? Только я сразу вскочил, бросился в дом и закричал матери, что приехал Тургенев, а сам выбежал на крыльцо. Карета завернула направо и въехала в так называемый барский двор. Я быстро надел пиджак и побежал туда. Имение в то время было сдано в аренду мценскому купцу А.И. Кошеварову, который, по случаю рабочей поры, жил здесь. Когда я вошел на крыльцо, то услышал через отворенные окна разговор внутри дома, и среди знакомых голосов был один незнакомый, его, Тургенева.

Я, как ни хотелось мне, не решился войти в дом: мне казалось, что я настолько мал и ничтожен в сравнении с таким великаном ума, что не стоит беспокоить его своим присутствием. Я решился сидеть на крыльце и ждать случая подойти к нему поближе. В окно я услышал, как Кошеваров уговаривал Тургенева остаться ночевать, а потому нужно отпрячь лошадей, но И.С. говорил, что он приехал на чужих лошадях помещика Мухортова из Федоровки, где он гостит, и приехал

потому: во-первых, взглянуть на свое имение, которое он почти не знает, а во-вторых, знал, что здесь можно встретить Кошеварова А.И., своего арендатора, с которым ему нужно переговорить об окончательной продаже имения, если тот желает купить и что, если Кошеваров согласен, то пусть он приезжает в Спасское не далее как через 3–4 дня, потому что спешит уехать (в этой части своих воспоминаний Ардалион Иванович допустил неточность: топковское имение было продано Тургеневым купцу Кошеварову в 1880 году за 81 тысячу рублей, и потому в свой последний приезд в Россию, летом 1881 года, писатель не мог вести речь еще раз о продаже этого же имения – А.П.).

Экспозиция школьного музея села Топки

В это время к крыльцу стали подходить лутовиновские мужики-погорельцы, незадолго перед этим сгоревшие в числе 10 дворов, и Тургенев выглянул в окно. Я вблизи увидел знакомые черты... - то же белое, большое, мужицкого облика лицо, та же круглая, белая борода, та же прядь волос, падающая ему на лоб и те же широкие плечи и огромный рост. Мужики сняли шапки, а я встал. Слышу объяснение Кошеварова, что это погорельцы, и вероятно, пришли к нему, Кошеварову, по какому-нибудь делу. Послышались шаги, и Тургенев, а за ним и Кошеваров вышли на крыльцо. Я почтительно поклонился ему и остался с непокрытой головой, как и все. В голове моей мелькала мысль

отрекомендоваться ему, сказать, что я – сельский учитель, - чем я немало гордился, что я бывший его крепостной и попросить на память о нем одну-единственную книжечку его сочинения с его подписью, но ... меня поразила мысль, что поступлю нетактично, и я остался на своем месте...

Тургенев заговорил с крестьянами, я смотрел на него сбоку и хотел запечатлеть его лицо в своей памяти навсегда, в чем и действительно успел: до сих пор я его представляю так, как бы видел его вчера. Вероятно, мой упорный взгляд его обеспокоил, потому что он несколько раз взглядывал на меня. Я не помню его разговора с мужиками, знаю только, что он обратился к Кошеварову дать ему 100 рублей, которые тут же и отдал мужикам «на погорелое». Затем И.С. попросил Кошеварова распорядиться подать лошадей, вернулся в дом и через несколько минут вышел, одетый в пальто, в шляпе. На прощанье он подал руку Кошеварову, а на мой поклон ответил наклоном головы, сел в карету и уехал. Таким образом, он пробыл в своем имении не более двух часов».

Воспоминания А.И. Замятина немного дополнила его дочь, Анна Ардалионовна, которая закончила Московские Высшие Женские курсы и всю жизнь проработала в Топках сельской учительницей, сменив отца.

Она писала, что у Ардалиона Ивановича ещё в детстве обнаружили большие способности. Он закончил вначале городское высшее начальное училище в Малоархангельске, а затем выдержал экстерном экзамен на звание учителя в городе Орле, после чего стал учителем земской школы в селе Топки. Всю свою долгую жизнь Ардалион Иванович хранил теплые воспоминания о Тургеневе, часто рассказывал о нем своим дочерям. Может быть, именно поэтому и Анна Ардалионовна стала учительницей и проработала ею 33 года, прививая своим ученикам любовь к знаниям, великому русскому языку и к нашему земляку Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Имя Тургенева навсегда осталось в истории нашего края, в памяти тех людей, которые лично знали писателя, а теперь бережно хранится нами, ценителями его замечательного творчества. Доказательством этого документы музея истории села Топки, в которых писателю посвящены экспозиции, рассказывающие о связях Ивана Сергеевича с нашим краем.

На базе Покровской Станции детского и юношеского туризма и экскурсий в 2003 году была разработана экскурсия – «По тургеневским местам района», и впервые прошёл районный конкурс – «Тургеневские чтения», ставший с 2004 года традиционным, ежегодным. В нём принимали участие не только учащиеся школ, но и взрослые, знающие и

любящие творчество Тургенева. С 2010 года учреждение дополнительного образования детей – Станция детского и юношеского туризма и экскурсий – прекратила своё существование, но Тургеневские чтения некоторое продолжали жить в районе уже на базе другого учреждения – Покровского Дома детского творчества, пока и оно не было ликвидировано.

Тургенев – самый известный на Орловщине писатель, и топковцы не только гордятся тем, что он имеет к их селу непосредственное отношение, но и стараются прославлять его имя и творчество среди земляков – писатель это заслужил, поскольку многие из его произведений не потеряли своей актуальности и в настоящее время.

Топковская ссылка дворецкого Полякова

Уважаемый читатель, я предлагаю тебе познакомиться с одним любопытным событием в истории Покровского края, имевшим место достаточно давно, ещё в первой половине XIX века, когда в некоторых здешних местах хозяйничала помещица Варвара Петровна Тургенева, мать будущего знаменитого писателя. Женщина она была властная, порой жестокая по отношению к своим крепостным и даже близким людям. За хозяйством смотрела строго, время от времени совершая объезды владений, в том числе и тех, что располагались на территории современного Покровского района (село Топки и деревня Вышняя Столбецкая).

Варвара Петровна
Тургенева
(предположительно)

Отрывок, который ты, читатель, прочтёшь, взят из «Воспоминаний о семье И.С. Тургенева», опубликованных в 1884 году (№ № 11-12) в журнале «Вестник Европы». Принадлежат эти мемуары перу Варвары Николаевны Житовой (в девичестве – Богданович).

Долгое время многие тургенеvedы считали её сводной сестрой писателя (внебрачной дочерью Варвары Петровны Лутовиновой). И она сама старательно поддерживала эту версию. Однако в последнее время у исследователей жизни и творчества Тургенева появились серьёзные сомнения в справедливости такого утверждения. Я не буду приводить аргументы ни «за», ни «против», но скажу, что прожив долгие годы рядом с членами семьи писателя, Варвара Николаевна

Житова узнала многие, часто сокровенные факты их личной жизни. О некоторых она поведала российским читателям в своих «Воспоминаниях».

Отрывок, с которым ты, читатель, сейчас познакомишься, связан, хотя и опосредованно, с селом Топки, «заглазным» именем Тургеневых. Условное название – моё, чтобы сразу стало понятно, кто станет главным героем «Воспоминаний» Варвары Житовой в данном конкретном случае.

(Александр Полынкин)

Осень в селе Топки

«На днях теперь уже, получила я письмо от Агашеньки, которая напомнила мне еще один случай из её многострадальной жизни при Варваре Петровне.

Эпизод этот относится к 1846-му году, но как подходящий и вместе с тем противоположный предшествующему рассказу, я его помещаю в моих воспоминаниях на том же месте рукописи, на котором застало меня письмо от жены Полякова (*служитель В.П. Тургеневой, её дворецкий – А.П.*)

После поездки своей к сыну летом 1845 года, Варвара Петровна в декабре того же года опять послала в Петербург Полякова, чтобы

достоверно узнать, женился ли Николай Сергеевич (*старший сын, брат писателя – А.П.*), или нет.

Жаль было Полякову своего молодого барина, которому мать не высылала денег, и который службою и уроками содержал свою семью; он скрыл настоящее положение дел от своей госпожи.

Но у Варвары Петровны в Петербурге были родные и знакомые. В числе их было одно семейство, в котором одна из дочерей питала безнадежную любовь к Николаю Сергеевичу. Мать девушки ревниво следила за сыном богатой Тургеневой, рассчитывая через Варвару Петровну добиться разрыва между Николаем Сергеевичем и Анной Яковлевной (Шварц – возлюбленная Н.С. Тургенева – А.П.), коих брак еще не был *официально* известен. С этой целью она написала Варваре Петровне письмо, в котором извещала ее, что сын её, Николай, живет совершенно *maritalement* (*открыто – А.П.*) с Анной Яковлевной, *au grand scandale* (*наводя большой скандал среди – А.П.*) всего своего петербургского родства и знакомства.

Письмо это пришло вскоре после приезда Полякова, уверившего свою барыню, что Николай Сергеевич живет один и на холостую ногу.

Варвара Петровна пришла в неописанную ярость. С письмом в руке выбежала она из своего кабинета в смежную комнату, носившую название *собственной барыниной конторы*, и громовым голосом крикнула:

– Полякова!

Бледнее смерти явился бедный Андрей Иванович.

– Обманул! Солгал! – хриплым голосом произнесла Варвара Петровна, и не успел еще Поляков вымолвить слово в свое оправдание, как она схватила огромный, тяжелый костыль, исторический костыль своего дяди Ивана Ивановича Лутовинова, тот самый, которым он постукивал в кладовой свои мешки с деньгами. В припадке гнева Варвара Петровна не почувствовала даже его тяжести и замахнулась уже им над головой своего дворецкого. Еще минута, и несчастный Поляков, может быть, был бы убит; но тут вовремя поспел Николай Николаевич, её деверь (*Н.Н. Тургенев, брат умершего мужа В.П. Тургеневой – А.П.*), живший еще в ту пору в Спасском.

Он стремительно бросился к своей невестке и отвел её руку. Варвара Петровна упала на диван. Николай Николаевич знаком указал Полякову на дверь и побежал за водой.

Когда он вернулся, Варвара Петровна взяла стакан из рук, взглянула на него и глухим голосом произнесла:

– Спасибо тебе – ты нас обоих спас.

На другой день, приказом из конторы, предписано было сослать Полякова в дальнюю деревню Топки и из дворецкого переименовать его в простые писцы. На этот раз не исполнить приказа было бы даже опасно».

P.S. Спустя несколько месяцев Варвара Петровна успокоилась, и возвратила своего дворецкого из ссылки.

**Село Топки и Покровская церковь
по метрическим книгам храма
во времена Варвары Петровны и Ивана Сергеевича Тургеневых**

**1850 год
(ГАОО, ф. 220, оп. 2, ед.хр. 849)**

Служили в храме:
священник Иоанн Минович Розов (до августа 1850 года – иерей, с августа – протоиерей),
диакон Василий Филиппович Богоявленский;
дьячок Иван Павлович Кутепов;
пономарь Михаил Никольский

Приход составляли: село Топки и деревня Хмелевая

В селе Топки – проживали казённые крестьяне со следующими наиболее распространёнными фамилиями:

Алферьевы,	Кондауровы,
Астафьевы,	Кононовы,
Бабенковы,	Кутеповы,
Ерохины,	Лаврищевы,
<i>Лутовиновы (названы - Адриан Петров сын, Алексей Романов сын, Михаил Васильев сын, Иван Петров сын, Самсон Андреев сын)</i>	
Перцевы,	Серовы,
Подальцевы,	Харчевы,
Родионовы,	Чурсины,
Русановы,	Шалимовы,
Седельниковы,	Шепелевы.
Сергеевы,	

Помещики села Топки:

Тургенева Варвара Петровна;
Акулинин Илья Иванович;
не служащий дворянин Акулинин Григорий Ефимович.

Помещики деревни Хмелевая:

Тургенева Варвара Петровна;
Говоров Илья Васильевич;
Кононов Тимофей Егорович;
Леонтьева Евдокия Ивановна;
Протопопов Николай (к 22 января 1850 года умер);
Протопопов Сергей Иванович;
Пушешников Николай Васильевич;
Языкова Настасья Васильевна.

***Дети, родившиеся у крестьян помещицы Варвары Петровны
Тургеневой
1850 год***

<i>№ п/п</i>	<i>Дата рождения и крещения</i>	<i>Имя ребёнка</i>	<i>Имена родителей</i>	<i>Место жительства родителей</i>
1	8/8 января	Домника	Митрофан Осипов, Хиония Петрова	Топки
2	29/29 января	Анна	Фёдор Михайлов Екатерина Саввина	Топки
3	25/25 февраля	Евдокия	Константин Макаров Настасия Ионова	Хмелевая
4	21/21 марта	Иаков	Василий Никифоров Марфа Матвеева	Топки
5	25/25 марта	Гавриил	Стефан Изотов Елена Семёнова	Топки
6	8/8 апреля	Родион	Сидор Ларионов Пелагея Стефанова	Топки
7	6/7 мая	Иван	Фёдор Иванов Феодосия Фёклова	Топки
8	4/4 июня	Ларион	Ануфрий Афонасьев Домна Николаева	Топки
9	11/11 июня	Пётр	Алексей Осипов Настасья Игнатовна	Топки

10	16/16 июля	Марина	Василий Стефанов Мария Николаева	Хмелевая
11	20/20 июля	Мария	Михаил Трифонов Екатерина Иванова	Топки
12	23/23 июля	Трофим	Стефан Григорьев Елена Феодорова	Топки
13	29/30 июля	Соломония	Николай Ефимов Анисия Никитина	Топки
14	17/17 сентября	Вера	Сидор Петров Ефимия Кирилова	Топки
15	24/24 сентября	Иоанн	Александр Макаров Наталья Леонова	Топки
16	21/21 октября	Параскева	Пётр Иванов Настасья Денисова	Топки
17	17/17 ноября	Григорий	Ларион Ефимов Евдокия Матвеева	Топки
18	19/19 ноября	Екатерина	Иван Никитин Домника Антипова	Топки
19	27/27 ноября	Андрей	Григорий Осипов Мария Фёдорова	Топки
20	24/24 декабря	Стефан	Фёдор Николаев Агапия Яковлева	Топки
21	24/24 декабря	Евгения	Семён Иванов Ефимия Михайловна	Топки
22	26/26 декабря	Ефимий	Иван Борисов Дарья Иванова	Топки

В 1850 году в приходе Покровской церкви:

Законно родилось – 76 младенцев м.п. и 51 – ж.п, всего – 127

незаконнорожденных – 2 м.п. и 3 – ж.п, всего – 5,

итого – родилось 132 человека.

Браков – 27 (54 человека)

Умерло: 39 м.п. и 27 ж.п, всего – 66,

прирост – 61 человек.

8 января бракосочетались: села Топков Покровской церкви дьячок Иван Павлов Кутепов, 20 лет, православного исповедания, первым браком, и села Топков бываго дьячка Семёна Васильева Покровского дочь Анна, 19 лет, православного исповедания, первым браком.

Сей брак венчал в Покровской церкви села Никольского Архангельской церкви священник Николай Глаголев, при венчании был

диакон Василий Богоявленский и того ж села пономарь Михаил Никольский.

Поручители – по жениху: Семён Павлов Воскресенский и села Троицкого, что на Липовице, дьячок Виктор Руденский; по невесте: малоархангельский мещанин Лука Алексеев Попов и Ливенского уездного училища ученик Фёдор Кутепов.

15 октября родился, 22 октября крещён, у дьячка села Топки Ивана Павлова Кутепова и его законной жены Анны Семёновой, оба – православного исповедания, родился сын Димитрий.

Восприемники: Тульского Егерьского полка четвёртой роты прапорицк Фёдор Иванов Кураковский и того ж села протоиерея Иоанна Розова жена Анфиса Захарова

Браки крестьян помещицы Тургеневой 1850 год

30 апреля

Дворовый человек села Топков Лев Борисов, 33 года, вторым браком, и крестьянина Николая Никифорова дочь Акилина, 16 лет, первым браком;

15 сентября

Дворовый человек Никифор Никитин Трунов, 30 лет, первым браком, и дворовая жёнка Устинья Фёдорова, 42 года, вторым браком;

1 октября

Села Топков крестьянин Платон Афонасьев, 22 лет, и крестьянина села Топков Ильи Терентьева дочь Христина, 16 лет;

1 октября

Деревни Хмелевой крестьянин Ананий Макаров, 20 лет, и крестьянская дочь Матрона Стефанова, 17 лет;

1 октября

Деревни Хмелевой крестьянин Кирилл Иванов, 18 лет, и умершего крестьянина Афонасия Егорова дочь Фекла, 16 лет;

8 ноября

Села Топков крестьянин Леон Андреев, 18 лет, и крестьянская дочь Марфа Ларионова, 16 лет;

8 ноября

Села Топков крестьянин Семён Фёдоров, 21 год, и крестьянина Саввы Тихонова дочь Агапия, 18 лет;

8 ноября

Села Топков крестьянин Ларион Николаев, 18 лет, и села Столбецкого, деревни Темерязевой крестьянская дочь Феодосия Николаева, 17 лет.

Все венчавшиеся 1 октября и 8 ноября – православного исповедания и первым браком.

Примечание. Крепостных своих крестьян и дворовых людей Варвара Петровна Тургенева женила группами (1 октября – три пары венчающихся и 8 ноября – столько же – А.П.)

**Смерти крестьян помещицы Тургеневой
1850 год**

№ п/п	Дата смерти и погребения	Имя умершего	Имя родственника	Возраст, причина смерти и место жительства
1	26/28 января	Феодора, дочь	Василий Михайлов	1,5 года, от кашля, Топки
2	28/30 января	Ксения Петрова, жена	Ананий Петров	30, от чахотки, Топки
3	2/4 марта	Татиана, дочь	Иван Борисов	1 год, от кашля, Топки
4	17/19 марта	Антон, сын	Адриан Пудов	3 месяца, от слабости, Хмелевая
5	21/23 марта	Яков, сын	Илья Иванов	4 месяца, от кашля, Топки
6	23/25 апреля	Мария Матвеева, жена	Алексей Петров	65, от старости, Топки
7	7/9 мая	Матвей, сын	Егор Данилов	10 месяцев, от кашля, Топки
8	16/18 мая	Василий, сын	Даниил Никитин	3 месяца, от слабости, Топки
9	18/20 мая	Афонасия Михеева, жена	Сергей Козьмин	70 лет, от старости Топки
10	6/8 августа	Екатерина, дочь, девица	Самсон Тихонов	22 года, Топки
11	7/9 августа	Екатерина Матвеева, жена	Николай Максимов	30, от чахотки, Хмелевая

12	13/15 августа	Иоанн, сын	Фёдор Иванов	3 месяца, от слабости Топки
13	19/21 августа		Акакий Осипов	25 лет, от чахотки Топки
14	13/15 сентября	Пётр, сын	Настасья Игнатова, вдова	5 месяцев, от кори, Топки
15	14/16 сентября	Анисия, дочь	Фёдор Иванов	9 лет, от простуды Топки
16	28/30 ноября	Родион, сын	Сидор Ларионов	8 месяцев, от кашля, Топки
17	декабрь		Михаил Петров	60 лет, измёрз Топки Погребение отправлял села Никольского священник Николай Глаголев

1859 год

(ГАОО, ф. 220, оп. 2, ед.хр. 850)

Священно- и церковнослужители:
священник Иоанн Минович Розов (протоиерей),
диакон Василий Филиппович Богоявленский;
дьячок Павел Лукин,
дьячок Алексей Переверзев

Приход составляли: село Топки и деревня Хмелевая

Помещики села Топки:

Тургенев Иван Сергеевич;
Акулинин Илья Иванович (к ноябрю 1859 года он умер);

Помещики деревни Хмелевая:

Тургенев Иван Сергеевич;
Говоров Илья Васильевич;
Козин Александр Петрович;

Леонтьева Мария Фёдоровна, помещица, девица;
 Протопопов Сергей Иванович;
 Пушешников Николай Васильевич;
 Рыков Николай Николаевич;
 Языкова Настасья Васильевна.

В селе Топки – казённые крестьяне:

Алферьевы, Кондауровы,
 Астафьевы, Кононовы,
 Бабенковы, Кутеповы,
 Ерохины, Лаврищевы,

Лутовиновы (Адриан Петров, Алексей Романов, Михаил Васильев, Иван Петров, Самсон Андреев)

Перцевы, Серовы,
 Подальцевы, Харчевы,
 Родионовы, Чурсины,
 Русановы, Шалимовы,
 Седельниковы, Шепелевы,
 Сергеевы,

Дети, родившиеся у крестьян помещика Ивана Сергеевича Тургенева, 1859 год

<i>№ п/п</i>	<i>Дата рождения и крещения</i>	<i>Имя ребёнка</i>	<i>Имена родителей</i>	<i>Место жительства родителей</i>
1	18/18 января	Ксения	Семён Иванов Афимия Михайлова	Топки
2	8/8 марта	Дария	Василий Ерофеев Надежда Саввина	Топки
3	22/22 марта	Матрона	Иван Никитин Домна Анисимова	Топки
4	22/22 марта	Матрона	Василий Афонасьев Ксения Нилина	Топки
5	25/25 марта	Гавриил	Климент Петров Параскева Васильева	Топки

6	25/25 марта	Матрона	Адриан Пудов Мавра Николаева	Хмелевая
7	28/28	Кирилл	Гавриил Афонасьев Акилина Игнатъева	Топки
8	5/5 апреля	Ирина	Сергей Стефанов Настасья Иванова	Хмелевая
9	13/13 апреля	Ирина	Прохор Яковлев Домна Борисова	Топки
10	22/22 апреля	Александра	Ларион Николаев Феодосия Николаева	Топки
11	3/3 мая	Тимофей	Алексей Никифоров Марфа Никитина	Топки
12	14/14 июня	Елисей, незаконнорожденный сын	Крестьянская девка Ефросиния Ларионова,	Топки, одна из восприемниц – дворовая вдова Анисья Дмитриева
13	12/12 июля	Михаил	Григорий Петров Евдокия Иванова	Топки
14	26/26 июля	Макарий	Егор Денисов Феодора Пудова	Топки
15	30/30 июля	Евдоким	Данила Никитин Матрона Прохорова	Топки
16-17	30/30 августа	Моисей Наталья	Пётр Иванов Акилина Саввина	Топки
18	3/3 сентября	Агриппина	Ларион Сергеев Параскева Прокопиева	Топки
19	4/4 сентября	Ульян	Григорий Пудов Феврония Николаева	Хмелевая

20	6/6 сентября	Ольга	Дворовый человек Иван Иванов и Анна Иванова	Топки
21	20/21 сентября	Иван	Максим Семёнов Ефросиния Семёнова	Топки
22	1/1 октября	Пелагея	Никонор Авраамов Дарья Михайлова	Топки
23	1/2 октября	Минодора	Василий Никифоров Марфа Матвеева	Топки
24	14/16 октября	Иван	Филипп Никитин Евгения Иванова	Хмелевая
25	18/20 октября	Артемий	Алексей Стефанов Евдокия Стефанова	Топки
26	27/27 октября	Настасия	Филипп Фёдоров Параскева Филиппова	Топки
27	8/8 ноября	Матрона	Федот Михайлов Екатерина Саввина	Топки
28	8/8 ноября	Матрона	Евдоким Иванов Марфа Иванова	Топки
29	8/8 ноября	Матрона	Митрофан Осипов Хиония Петрова	Топки
30	22/22 ноября	Филимон	Матвей Григорьев Степанида Николаева	Топки
31	25/27 декабря	Стефан	Афонасий Егоров Евдокия Никитина	Топки

*В 1859 году в приходе Покровской церкви:
 Законно родилось – 60 младенцев м.п. и 64 – ж.п, всего – 124
 незаконнорожденных – 8 м.п. и 0 – ж.п, всего – 8,
 итого – 132 человека.
 Браков – 18 (36 человек)
 Умерло: 45 м.п и 43 ж.п, всего – 88,
 прирост – 36 человек.*

***Браки крестьян помещика И.С. Тургенева
 1859 год***

11 ноября

*Села Топков крестьянин Еремей Алексеев, 18 лет, первым браком, и
 села Топков крестьянина Никифора Игнатова дочь Мария, 17 лет.*

11 ноября

*Села Топков крестьянин Алексей Петров, 18 лет, первым браком, и
 села Никольского помещицы Настасьи Петровой Воиновой крестьянка
 Параскева Корнильева, 18 лет, первым браком (эта запись – последняя
 среди записей о браках в 1859 году, под № 18).*

*В этом году казённые крестьяне уже упоминаются как
 государственные.*

*Р.С. Иван Сергеевич Тургенев продолжил, хотя и в малой степени,
 традицию матери венчать своих крестьян группами.*

***Смерти крестьян помещика И.С. Тургенева
 1859 год***

<i>№ п/п</i>	<i>Дата смерти и погребения</i>	<i>Имя умершего</i>	<i>Имя родственника</i>	<i>Возраст, причина смерти и место жительства</i>
<i>1</i>	<i>7/9 января</i>	<i>Алексей Назаров</i>		<i>45, от слёглой болезни Топки</i>
<i>2</i>	<i>28/30 января</i>	<i>Феодосия Иванова, вдова</i>		<i>70, от старости, Топки</i>
<i>3</i>	<i>24/26 апреля</i>	<i>Стефан, сын</i>	<i>Дворовый человек Иван Иванов</i>	<i>3, от кашля, Топки</i>

4	24/26 апреля	Дарья, дочь	Василий Ерофеев	3 месяца, от слабости Топки
5	28/30 мая	Матрона, дочь	Василий Афонасьев	4 месяца, от слабости, Топки
6	1/3 июня	Матрона, дочь	Василий Афонасьев	3 месяца, от слабости Топки
7	3/5 июня	Феодосия, дочь	Василий Стефанов	2, от кашля, Хмелевая
8	21/23 июня	Ульян, сын	Григорий Пудов	1-я неделя, от слабости, Хмелевая
9	22/24 июня	Елисей, сын незаконнорожденный	Ефросиния Ларионова, крестьянская девка	2 недели, от слабости, Топки
10	1/3 июля	Матвей Иванов		45, от предо?болезни, Топки
11	22/24 июля	Леон Тихонов		65, от удушья, Топки
12	2/4 августа	Александра, дочь	Ларион Николаев	3 месяца, от поноса Топки
13	19/21 августа	Ефим, сын	Настасья Иванова, крестьянская вдова	6 месяцев, от слабости, Топки
14	24/26 октября	Хиония Борисова, жена	Пуд Васильев	60, от старости, Хмелевая
15	25/27 октября	Антоний, сын	Евсей Васильев	1, от кори, Хмелевая
16	28/30 октября	Иван, сын	Филипп Никитин	2 недели, от слабости, Хмелевая
17	6/8 декабря	Ольга, дочь	Иван Иванов, дворовый человек	3 месяца, от слабости, Топки

Село Верхососенье в рассказе Тургенева «Конец Чертопханова»

Так уж выходит, что в последнее время очень много места в моей деятельности и творческих интересах занимает село Верхососенье. Некоторое время назад (уже седьмым изданием) вышла книга «Святые места Верхососенья», потом случились сразу две находки, разделённые по времени появления промежутком в 30 лет: немецкое фото Богоявленского храма этого села и обнаруженная на одном из камней Святого источника надпись и рисунок на так называемом Царском камне.

Перечитывал я как-то некоторые рассказы Ивана Сергеевича Тургенева из его цикла «Записки охотника», к которым не прикасался лет десять. С огромным удовольствием напомнил самому себе «Чертопханова и Недопюскина». Каких колоритных персонажей умел найти и блестяще рассказать о них наш земляк-писатель! (Можешь сам убедиться в этом, читатель – А.П.). А потом я плавно перешёл к продолжению этого рассказа, более печальному повествованию, под названием «Конец Чертопханова» (рассказ впервые опубликован в журнале «Вестник Европы», 1872, № 11 – А.П.). И вот в нём меня ждала неожиданная находка.

Река Сосна в селе Верхососенье

Но вначале скажу о том, что вторым главным героем рассказа «Конец Чертопханова» является породистый конь донской породы по имени Малек-Адель. Пантелей Еремеевич Чертопханов получил этого коня в подарок от еврея Мошеля Лейбы за спасение его жизни от разъярённых деревенских мужиков (как это случилось – можете прочитать сами). Конь с тех пор стал смыслом существования небогатого дворянина Чертопханова.

Но однажды Малек-Аделя украли. И всё случившееся после этого стало тяжёлым испытанием для Пантелея Еремеевича. Как развиваются события в рассказе, и чем он заканчивается – опять-таки, читатель, узнаешь, прочтя его.

А я скажу о главном. Когда Чертопханов начал искать пропавшего коня, он, прежде всего, расспросил еврея Лейбу, а где же тот взял коня, и Мошель поведал, что купил дончака в Малоархангельском уезде, на Верхососенской ярмарке.

Немецкое фото (1942 года) Богоявленской церкви села Верхососень

Понимаешь, читатель, какого уровня была та ярмарка, если на ней продавали таких породистых лошадок? А проходила она на той самой площади перед Богоявленской церковью, которая хорошо видна на обнаруженном недавно немецком фото 1942 года. Посмотри на него ещё раз и представь себе героя Тургенева, разгуливающего по торговым рядам и, наконец, выбравшего подарок для своего спасителя.

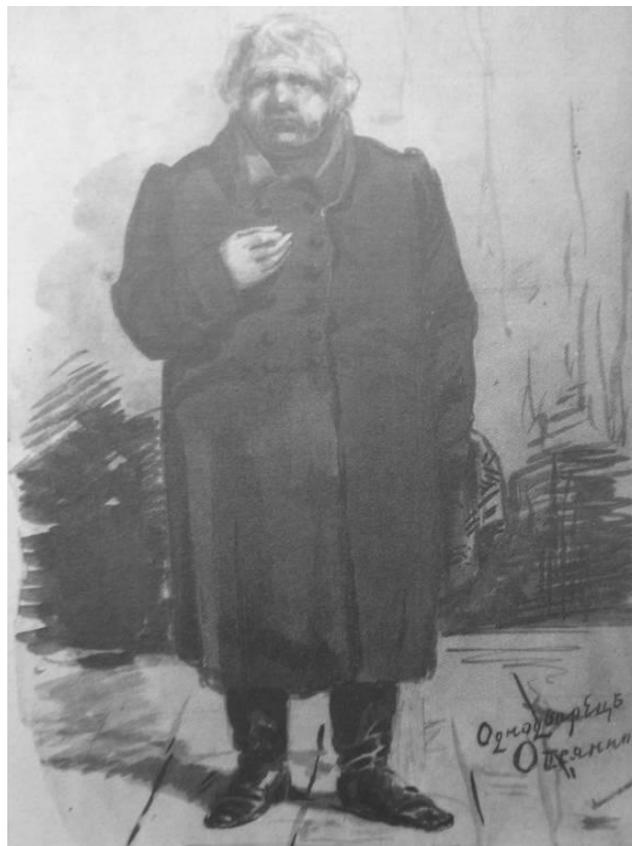
Вполне возможно, что писатель упомянул Верхососенскую ярмарку не просто так, ведь в окрестностях его были его земельные владения

(принадлежавшие раньше матери, Варваре Петровне, а до неё – деду, Петру Лутовинову).

Так что, орловчанин, возгордись ещё одним моментом причастности нашего края к творчеству великого земляка и – прочти (хотя бы!) два рассказа о столбовом дворянине Пантелее Чертопханове. Убеждён, не пожалеешь!

Вид на Богоявленский храм со стороны дороги на село Топки

Однодворец Овсянников
(рисунок И.С.Тургенева к «Запискам охотника», не позднее 1880 года)

Часть четвёртая.

Земля и люди

Как создавалось земельное богатство Лутовиновых

Ты наверняка, читатель, знаком с выражением – «растёт, как снежный ком с горы». Именно это пришло мне в голову во время знакомства с делом № 345 из фонда № 28 (документы Малоархангельского уездного суда – А.П.) Государственного архива Орловской области. Мне пришлось затратить на его изучение несколько недель, поскольку в нём – 600 листов большого формата, а текст местами довольно труден для чтения. Но, тем не менее, удалось разобраться с содержанием этого «Дела о размежевании земли государственных крестьян особо от помещиков по даче села Верхососенья».

Однодворцы села Верхососенья в борьбе за свои земли

Чтобы читатель вник в суть проблемы, я сразу сообщу тебе, с чего всё начиналось. В апреле 1805 года (число не написано – А.П.) однодворческие поверенные (представители однодворцев – А.П.) села Верхососенья Сазон Авсяников (чаще это фамилия писалась как «Овсяников» - А.П.) и Михаил Мазалов обратились с прошением к императору Александру I. Текст их письма цитирую полностью:

«Всепресветлейший, Державнейший, Великий Государь Император Александр Павлович, Самодержец Всероссийский, Государь всемилостивейший!

Просют Малоархангельской округи Села Верхососенья однодворческия поверенныя однодворцы Сазон Тихонов сын Авсяников и Михайла Антонов сын Мазалов, а о чём, тому следуют пункты:

1-й

Малоархангельской округи в даче, по писцовым книгам названной деревни Верхососенья, а ныне - по селу Верхососенью, дачею именуемую, некоторыя владельцы и помещики, а особливо из них, генерал Иван Петрович Архаров, князь генерал Фёдор Николаевич Галицын, полковник Василий Фёдорович с родными братьями его Мухортовы, вдова лейб-гвардии капитанша-порутчица Катерина Ивановна с дочерью её Варварою Лутовиновы, вдова майорша Анна Львовна Наумова, майор Алексей Степанович, порутчик Иван Яковлев сын, прапорщики Сергей Михайлов сын, Емельян Иванов сын Казины, титулярная советница Анна Алексеева дочь Кандырева с сестрами её

родными, штабс-капитан Афонасей Петров сын с братьями его Некрасовы, гвардии прапорщик Пётр Васильев сын Киреевский, прапорщики Василий Михайлов сын Кузменков, Андрей Григорьев сын Барков и помещик Александр Гурьев сын Веселов с прочими в той даче владельцы, по чрезполосному нашему с ними землями владению, время от времени присвоили себе по нескольку десятин земли, завладели у нас земель сенокосных и лесных угодий немалое количество усиленно; а чрез то претерпеваем мы с доверителями во всём великой недостаток; по каковым обстоятельствам поверили нам в силу состоявшегося прошлого 1804 года августа 16 дня Указа подать, где следует, прошение о размежевании тех помещиков и владельцев по писцовым книгам и по крепостям от нас с доверителями нашими к одним местам по удобности особо; с присовокуплением к тому, буде окажутся, примерные земли, о даче нам на то с доверителями межевых планов с книгами; а потому, когда потребны будут на дачи, владеемые нами с доверителями нашими земли со всеми угодья выписи и крепости на рассмотрение уездного суда представить и мест при особом прошении; данное ж от доверителей наших верующее письмо представляя при сем.

И дабы Высочайшим Вашего императорского величества Указом повелено было сие наше прошение и верующее письмо в Малоархангельском уездном суде принять, а от выписанных помещиков Архарова, Голицына, Мухортовых, Лутовиновых, Наумовой, Казиных, Кондыревой, Некрасовых, Кузменкова, Боркова, Веселова и прочих, кто в тех дачах щитают по крепостям свою принадлежность, истребовать чрез припечатание публичных обоих столиц ведомостях укреплении, и отмежевать всех помещиков и владельцев по крепостям от нас с доверителями чрез уездного землемера особо; а в разделении между нами с доверителями нашими примерных земель, буде окажутся, поступить по законам, с представленной же доверенности списать копии, оставить при деле, а подлинную возвратить нам обратно с роспискою...

Апреля дня 1805 года...

Однодворческий поверенный Сазон Авсяников руку приложил, однодворческий поверенный Михайла Мазалов руку приложил»¹.

Однодворцы села Верхососенья, потомки служилых людей, поселившихся на самой границе Дикого поля ещё в середине XVII века для охраны границ Русского государства и основавших большое поселение в верхнем течении реки Сосны, всегда отличались вольным,

¹ ГАОО. Ф.28.Оп.1.Ед.хр.345. Л.Л.1-2.

независимым характером и мириться с несправедливостью никогда не желали, даже если приходилось выяснять отношения с самыми высокопоставленными персонами.

Иван Петрович Архаров, генерал от инфантерии, бывший московский военный губернатор, был одним из богатейших дворян Российской империи начала XIX века. Не меньшей известностью и богатством обладал князь и генерал Фёдор Николаевич Голицын, куратор Московского университета и – одновременно – поэт-любитель. Остальные, упомянутые в прошении однодворческих поверенных Сазона Овсяникова и Михаила Мазалова, помещики, были рангом поменьше – от полковника до прапорщиков, но все вместе они, казалось, представляли могучую силу, с которой не стоило однодворцам даже и тягаться. Но верхососенцев это не остановило, и по их обращению к императору было начато дело, которое, обрастая документами, растянулось на почти два десятилетия.

Генералы Архаров и Голицын, полковник Мухортов братьями, несколько майоров, штабс-капитанов, поручиков, прапорщиков и помещичьих вдов, на которых жаловались Сазон Овсяников и Михаил Мазалов, были вынуждены оправдываться, доказывая, что они владеют своими землями в верхососенской даче законно. Для этого все землевладельцы, даже не упоминавшиеся в прошении однодворческих поверенных, но имевшие вотчины в окрестностях села Верхососенья, отыскивали в семейных и государственных архивах соответствующие документы (купчие на землю, дарственные и другие) и представляли их в Малоархангельский уездный суд.

Процесс сбора доказательств и разбирательства тянулись почти два десятка лет, пока 22 января 1824 года Орловское губернское правление не отправило Малоархангельскому уездному суду следующее суровое письмо-напоминание: *«Строго и в последний раз оному суду подтверждается предписание сего правления от 15 ноября 1823 года за № 74985 и подтверждении на оное о добавлении записи по делу села Верхососенья однодворческих поверенных однодворцев Власа Никитина сына Фарафонова и Афонасья Яковлева сына Сотникова о размежевании доверителей их с помещиками земли (поверенные уже названы другие, ведь столько лет прошло – А.П.).*

Исполнить с получения сего в три дни непременно и правлению донести в тот же срок, не дожидая отнюдь подтверждения, которое в случае неисполнения последует со взысканием на основании законов.

Помощник секретаря Зиновьев»¹.

¹ ГАОО. Ф.28.Оп.1.Ед.хр.345. Л.105.

О прошении Варвары Петровны Тургеневой

Однако, судя по другим и более поздним документам, «Дело о размежевании» продолжалось и после 1824 года. Подтверждением этому являются сорок один лист в единице хранения № 345 фонда 28 ГАОО, связанных с именем Варвары Петровны Лутовиновой и её предков, упомянутых в «Деле о размежевании». Именно они, судя по документам, создали для будущей наследницы и матери Ивана Сергеевича Тургенева её обширный земельный капитал в Малоархангельском уезде. О том, как это происходило, и пойдёт речь далее.

Итак, в августе 1829 года (спустя четыре года после завершения, вроде бы, «Дела о размежевании» в Верхососенской даче – А.П.) «Полковника Сергея Николаева сына Тургенева жена его Варвара Петровна, урождённая Лутовинова» обратилась с прошением к императору Николаю I (я его тоже полностью процитирую – А.П.):

«Имею я во владении недвижимое прежде бывшего Ливенского Уезда, а ныне Малоархангельского округа имение в разных селениях и пустошах, а именно:

в сёлах Верхососенье, Топком, Луковце, Никольском, Дубовике, Ивани, в деревнях Кононовой, Харечковой, на Топком Колодезе, что ныне село Покровское, Нижней Верхососенье, Ефремовой, Михайловой, Подкопаевой, Белозеровой и Хмелевой и пустошах, на разных урочищах состоящих; доставшиеся мне по наследству после покойного родителя моего, гвардии капитан-поручика Петра Ивановича, а ему в 1785 году от отца его, а моего деда, Ивана Андреевича, по разделу с братьями его, бригадиром Алексеем и майором Иваном Лутовиновыми, который раздел утверждён Московским Верхним Земским судом; деду же моему дошедшие в 752 году мая 11 и 13 по купчей и по поступке от родственника его, подполковника Родиона Назарьева сына Лутовинова, которое за ним самим состояло по нижеписанным дачам, отказным книгам и купчим, а именно: по отказным книгам 204-го августа 1-ого, что ему отказано от Василья Жестовского; 700-ого октября 13-ого – по мене от Лариона Полуехтова сына Васютина; 704-ого июля 21 – Варламово поместье Оборнева; 714-ого, марта 9 – Филипово поместье Минаева сына Лаврищева; по купчим: 1) 715-ого, февраля 22, явленной 734-ого февраля 16 – от Максима Фомина сына Харечкова; да ему же обще с братом его Родионовым родным Фёдором Лутовиновым; 2) по второй, 720-ого марта 3-ого, явленной 733-ого августа 27 – от Филипа Минаева сына Лаврищева; 3) 731-ого декабря 1-ого, явленной 733-ого августа 2-ого – от Емельяна Макарова сына Харечкова после отца его, Макара, дяди родного Евдокима, Трифоновых детей, и брата родного

Василья Макарова сына Харечкова, которые земли значутся за отцом его по писцовым 201 году книгам; 4 и 5) 740-ого марта 9-ого и 10-ого – от Гаврилы Васильева сына Дубинина; 6) 738-ого мая 25, явленной в 744-ом марта 7-ого – от вдовы Екатерины Агаповой дочери Багринцовой, Антоновой жены Горбатовой после отца её, которое за отцом её, Агапом Павловым сыном Богринцовым, значится по писцовым книгам 201 и 202 году и оное имение за ним, Родионом Лутовиновым в 744 апреля 12-ого записано, а 745-ого августа 22-ого и отказано; 7) того же августа 22-ого от Алимпия Евдокимова сына Харечкова, а ему после отца его; 8) 734-ого генваря 23-ого явленной того же году февраля 16-ого – от Сидора Ларионова сына и от племянников его Максима Тимофеева сына и Андрея Самойлова сына Донских, а им после Сидорова отца, а Максимова и Андреева деда, которое за отцом и дедом их Ларионом Дмитриевым сыном Донским значится по писцовым 201 и 202 –ого книгам и оное имение за ним, Родионом Лутовиновым, в 744-ом февраля 16 записано, а в 745-ом августа 28 и отказано; 9) 740-ого марта 10-ого, явленной 741-ого марта 11-ого – от Ивана Антонова сына Ефремова, которое за ним, Лутовиновым, в 745-ом году отказано; 10) 746-ого ноября 19-ого – от Ивана Ильина сына Сотникова, которое за дедом его родным, Юдою Киприановым сыном Сотниковым, значится по писцовым 201 года книгам; 11) 747-ого октября 7-ого – от Семёна и Калины Фетисовых детей да Наума Ларионова сына Волковых; 12) 749-ого ноября 7-ого – от Анны, Ивановой дочери, Алексеевской жены Кривцова, покупное ею у невестки её майориши Ульяны, Васильевой дочери, Васильевой жены Кривцовой, а ей – по купчей от тётки ея, Федосьи, Трофимовой дочери, Фёдоровой жены Лутовинова, седьмая часть мужа ея, Фёдора, Назарьева сына, Лутовинова; 13) 754-ого августа 2-ого от родственника его, Степана Ильина сына Лутовинова, которое по писцовым 201 года книгам; 14) 756-ого сентября 25-ого, явленной 757-ого декабря 22-ого от вдовы Марьи Ананьевой дочери Алексеевой жены Осипова, как ея, так и умершей сестры ея родной Агафьи Ананьевой дочери Анисимовой, данной им в 206-ом году на прожиток после брата их Анофрия Ананьева сына Анисимова; 15) 757-ого мая 26-ого, явленной того ж году декабря 22-ого от Савы Савинова сына Жестовского; 16) 727-ого сентября 9-ого, явленной 733-ого – от Евдокима Киприанова сына Сотникова, Афанасья и Петра Тучковых; 17) 730-ого сентября 20-ого, явлена 741-ого марта 11-ого, от Савелья Федотова сына Жердева; 18) 743-ого октября 19-ого, явленной 744-ого марта 7-ого от Понкрата и Сидора Заборовых; 19) 742-ого октября 15-ого, явленной 744-ого марта 7-ого от Моисея Максимова сына Беженова; 20) 742-ого

марта 12-ого, от Василья Игнатьева сына Хомутова; и 21) 765-ого октября 11-ого, явленной 766-ого июля 11, от Татьяны Логиновой жены Пожидаевой, им же, продавцам, после предков их.

Да сверх одного пришедшего по купчим же, **вышеупоминаемому деду моему родному Ивану Андреевичу Лутовинову**: 1) 764-ого июня 10-ого, явленной 765-ого февраля 28-ого, от капитана Лариона Степанова сына Языкова, а ему по таковой же 757-ого июля 24-ого, явленной в 762-ом генваря 14-ого, от Петра Сидорова сына Каратеева, купленное отцом его Сидором и оным Ларионом в 720-ом году у Архипа Харламова сына Халезева в 745-ом июля 2-ого, явленной в 748-ом июля 23-ого, у Евдокеи Митрофановой дочери Перовой Силиной жены Абакумова, а ей – после отца её Митрофана Перова; 2) **жене одного деда моего и моей бабке родной Мавре Ивановой Лутовиновой** 758-ого ноября 4-ого - от Григория Евтихьева сына Фарафонова, покупное им в 747-ом году от дворянина Ивана Дорофеева сына Ревякина, справлено и отказано за дедом его Фоною Дементьевым сыном Ревякиным; 3) того же 747-ого ноября 5-ого от одного же Григорья Фарафонова, покупное им в 747-ом году у брата его двоюродного Афанасия Иванова сына Фарафонова, и он же в 759-ом марта 12-ого явлена; 4) 761-ого генваря 12-ого, явленной в 765-ом февраля 28-ого от Филиппа Овсяникова, а ему после отца его Семёна Иванова сына Овсяникова; 5) 781-ого октября 27-ого, явленной в Мценском уездном суде, от поручика Якова Анофриева сына Ануфриева, родителю моему Петру Ивановичу; 6) по купчим 757-ого ноября 15-ого, явленной того же года декабря 22-ого, **от вышеписанного ж родственника его Родиона Назарьева сына Лутовинова**, купленное им в 754, 756 и 757 годах, у Степана Ильина сына Лутовинова, у вдовы Марьи Ананьевой дочери Алексеевской жены Осипова и у Савы Савинова сына Жестовского; 7) 757-ого декабря 31-ого, явленной 758-ого февраля 20 от Ивана Пименова сына Демьянова после родных его, деда Аникея Яковлева сына и бабки, Аксины Харитоновой дочери, доставшихся ей после смерти первого её мужа, означенного Аникея Демьянова и после второго мужа её, Василья Емельянова сына Руднева; 8) 758-ого марта 16-ого – от Емельяна Иванова сына Афонина, доставшееся ему по наследству после дяди его родного Емельяна Кондратьева сына Афонина; 9) 758-ого декабря 23-ого от Евдокима Яковлева сына Коротеева, покупное им в 739-ом июля 29-ого у Павла Трофимова сына Кононова; 10) 759-ого марта 12-ого, явлена 776-ого марта 23-ого числа - от майора Александра Васильева сына Храповицкого, по опекунству умершего отставного поручика Фёдора Иванова сына Петрова над именем и малолетними его детьми, а его, Храповицкого, родными

племянниками гвардии Каптенармусом Данилою, Александром, Николаем, Иваном и девицами Дарьей, Марфою Фёдоровыми детьми Петровыми из отцовского и материнского их имения.

Но сколько следует предшественникам моим и по ним мне по дачам четвертной земли и прочих угодий, ведения у себя не имею, а потому всеподданнейше и прошу.

Дабы Вы Высочайшим Вашего Императорского Величества Указом повелено было сие моё прошение в Вотчинном Департаменте принять и всем вышеписанном учинить с архивов оногo надлежащую справку, и что по оной оказаться может, с того для сведения и представления куда следовает будет дать мне за подписанием присутствующего и секретарскою скрепою копию.

Всемилоостивейший Государь! Прошу Вашего Императорского Величества о сем моём прошении решение учинить.

Августа дня 1829 года.

К поданию надлежит в Вотчинный Департамент. Прошение сие набело переписывал канцелярист Иван Фёдоров сын Царицын.

К подлинному прошению Полковника Сергея Николаева сына Тургенева жена Варвара Петрова дочь урождённая Лутовинова руку приложила, которое и сочиняла она ж, Тургенева, и поверила, подав крепостному своему человеку Николаю Яковлеву Серебрякову.

На том прошении пометы: **подано 5 августа 1829 года. Запись в реестр к докладу № 246 того ж числа. Вотчинного Департамента резолюциею велено против оногo прошения справку доложить»¹.**

Чиновникам Вотчинного Департамента, чтобы подготовить справку для жены полковника, потребовалось два с половиной года. Только 1 апреля 1832 года Варвара Петровна Тургенева получила на руки копии с хранившихся там документов. Правда, полностью помещицу они устроить не могли, поскольку главного в них не содержалось: не было точных цифр по общему количеству доставшихся ей по наследству земель. Зато эти копии позволили выяснить некоторые обстоятельства и подробности о людях, благодаря которым прадед писателя Тургенева, Иван Андреевич Лутовинов, стал крупным землевладельцем Ливенского (позже – Малоархангельского) уезда Орловской губернии.

О Фёдоре Назарьевиче и Родионе Назарьевиче Лутовиновых

Итак, жили-были два брата помещика – жилец (это один из разрядов служилого чина в Московском государстве в XVI–начале XVIII веков – А.П.) Фёдор Назарьевич и подполковник, провиантмейстер

¹ ГАОО. Ф.28.Оп.1.Ед.хр.345. Л.Л.325-326.

(лицо, ведавшее продовольственным снабжением воинских подразделений – А.П.) Родион Назарьевич Лутовиновы. В тургеневедении эти представители лутовиновского рода до настоящего времени известны не были. В течение нескольких десятилетий первой половины XVIII века они приобретали земли в разных местах Малоархангельского уезда, покупая их у однодворцев и соседей-помещиков. Но у каждого из братьев оказалась несчастливая судьба. У Фёдора Назарьевича Лутовинова умерла жена, оставив ему четверых дочерей. Надеясь на наследника, он женился вторично, но детей от Федосьи Трофимовны Фёдор Назарьевич не дождался – сам скоропостижно скончался в 1741 году. Седьмая часть его имений отошла жене, а дочери от первого брака к этому времени все были замужем, и потому от отцовского наследства им ничего не досталось. Большая же часть ливенских земель Фёдора Лутовинова перешла к его брату – Родиону Назарьевичу Лутовинову. Он служил по военной части и добился многого. Вот что писал Родион Назарьевич в своей челобитной от 3 сентября 1752 года:

«...служил де он с 702-ого году и от службы отставлен и пришёл в глубокую старость и болезнь, а детей у него мужеска и женска пола никого нет, и ближния родственники и свойственники старости его не покоют, а недвижимого имения за ним имеется в Ливенском уезде в Затруцком стану в деревне Топках, что ныне село Покровское и в других деревнях и починках и урочищах двор помещиков со всяким хоромным и дворовым строением, а поместные дачи с усадьбы и со всякими угоды, и с принадлежностями с людьми и со крестьяны, как значит в Вотчинной коллегии за ним по дачам и по всяким записным и не записным крепостям и сделкам, а люди и крестьяне с жёнами и детьми и со всем их семейством по переписям и свидетельствам мужеска полу душ и вышеписаное имение с людьми и со крестьяны и ис того и беглыми и с поместными землями и с угоды и со всем вышеписанным, что есть за ним в Ливенском уезде поместных дач и людей и крестьян, не оставляя за собою в том Ливенском уезде земли ни четверти, а людей и крестьян ни единыя души, все без остатку, отдал он, Родион, родственнику своему, Гвардии Капитану Порутчику Ивану Андрееву сыну Лутовинову, в наследственное потомственное владение...»¹.

Если читателя не затруднил текст XVIII века, то он понял, конечно же, суть челобитной: своё имение подполковник Родион Лутовинов отдал в наследственное потомственное владение своему родственнику

¹ ГАОО. Ф.28.Оп.1.Ед.хр.345. Л.341об.

Ивану Андреевичу Лутовинову. В какой степени родства они находились – это предстоит выяснить. Почему именно Иван Лутовинов стал счастливым владельцем земель не имевшего прямых наследников подполковника – из документа не прослеживается. Но за несколько месяцев до акта дарения, 11 и 13 мая 1752 года ещё две части своих владений Родион Назарьевич уже продал будущему счастливцу.

А в документе дарения (так можно назвать челобитную) подполковник, правда, назвал ограничение в своём шикарном подарке: все земли перейдут к новому владельцу только после его смерти, и Иван Андреевич Лутовинов, кроме того, должен выделить одну седьмую часть от наследства жене дарителя, если она к этому времени ещё будет жива.

Для подтверждения того, что Родион Назарьевич действительно всё сделал именно так, его 22 декабря 1752 года вызвали в Мценскую Воеводскую Канцелярию, и подполковник Лутовинов при свидетелях был «допрашиван, и у того допросу ни в чём не оспорил».

Теперь стоит назвать хотя бы некоторые из владений, которые перешли от Р.Н.Лутовинова к И.А.Лутовинову – по купчим и акту дарения:

1. «...в Ливенском уезде в Затруцком стану в деревне Кононовой, что ныне село Никольское поместной земли в межах и границах Павла Загряжского десять четвертей...»¹ (куплена за 50 рублей – А.П.);

2. «...в Ливенском уезде в Затруцком стану в деревне Топках, что ныне село Покровское на колодезе Топках – по обе стороны и вниз по Топкам до реки Сосны и вниз по Сосне по Хмелевой Колодезь и по обе стороны Хмелевого Колодезя с протчими всеми урочищи и починки, и как значит по Писцовым и отказным книгам и по крепостям поместной земли восемьдесят четвертей, да в деревне в Нижнем Верхососенье со всеми урочищи же двадцать четвертей в межах и границах Василья Жемайлова, что межевано вопче с деревнею Топкою, а та поместная земля с усадьбы, с лесы, с санными покосы и со всеми угоды...»² (куплена за 100 рублей);

3. «...в Затруцком стану по дачам и по отказным книгам: 204-ого августа 1-ого - Васильево поместье Жестовскаго в селе Верхососенье с урочищи десять четвертей; 714-ого марта 9-ого Фелипово поместье Лаврищева в деревне Верхососенье с урочищи же двадцать четвертей; 745-ого года августа 22-ого по продаже Екатерины Багринцовой в урочищах сорок четвертей, а в которой

¹ ГАОО. Ф.28.Оп.1.Ед.хр.345. Л.351.

² Там же.

деревне того не показано; 745-ого же августа 28-ого по продаже Сидора, Максима и Анура Донских в урочищах на колодезе Топком, что ныне село Покровское, сорок четвертей, всего сто десять четвертей...»¹ («отказаны», то есть, подарены Родионом Лутовиновым Ивану Лутовинову – А.П.);

4. «...в Ливенском уезде в Затруцком стану в деревни Топкой, что ныне село Покровское, ... на Колодезе Топком, по ратную дорогу по обе стороны Хмелевого колодезя, на устье Каменной Плоты до реки Сосны с урочищи сорок четвертей...»²;

5. «...в Затруцком стану в селе Луковицы на реке на Сосне, с устья речки Луковца и в гору по Луковцу по обе стороны по Кононовския грани, да от Красного Колодезя и вниз по Сосне по обе стороны речки Сосны до устья Домнина с урочищи двадцать четвертей в поле, а в дву потому ж, с лесы и с дубровы, и с санными покосы, и со всеми угодьи, и с усадебным местом...»³;

6. «...в Затруцком стану в Покровском приходе в деревни Нижнем Верхососеньи на реке Сосне, с Усть – Мохового Ржавца вниз по Сосне и по обе стороны реки Сосны до Хмелевого Колодезя и до Устья Синковца в гору по Синковцу по правую сторону с тремя лесками, - сорок семь четвертей без третника и с дубровы и с санными покосы и со всеми угодьи, которая вопче деревни Топков, что ныне село, в ряд с помещики с Автомоном Михайловым да Васильем Дубининым...»⁴;

7. «...в Затруцком стану в селе Ивань с урочищами, от реки Сосны по обе стороны реки Сосны же, с устья Синковца и в гору по Синковцу до речки Липовцы, по Ивань Дуброву с урочищи – 20 четвертей, которое недвижимое имение в ряд с помещики с Лазарем Ивановым сыном Хомутовым, с Петром Семёновым сыном Малыгиным с товарищи – с лесы, и с дубровы, с бережёнными роци, с санными покосы и со всеми угодьи, и с усадебным местом, да на том усадебном месте усадебную свою роцу разного лесу, да близ оной роци сад – семь дерев яблонowych и с вишеньем, и с грушенным, что в том саду дерев имеется – всё без остатку...»⁵.

От Ивана Андреевича Лутовинова, после его смерти, эти земли перешли к сыновьям – Петру, Алексею, Ивану, а потом, в конце концов, достались Варваре Петровне Тургеневой.

¹ ГАОО. Ф.28.Оп.1.Ед.хр.345. Л.352об.

² Там же.

³ ГАОО. Ф.28.Оп.1.Ед.хр.345. Л.354.

⁴ ГАОО. Ф.28.Оп.1.Ед.хр.345. Л.354об.

⁵ ГАОО. Ф.28.Оп.1.Ед.хр.345. Л.355.

Кроме имений подполковника Лутовинова, в «Деле о размежевании» названы также земли, которые приобрела 4 ноября 1758 года жена Ивана Андреевича Лутовинова – капитанша Мавра Ивановна (прабабка И.С.Тургенева – А.П.). Она за десять рублей купила у мценского помещика Григория Евтихиевича Фарафонова «...в Затруцком стану в селе Дубовике по обе стороны Дубовика по Губкинской, Ивановский и Жилинский рубежи, которая смежна с Ливенскими помещики Алексеем Юдиным да с Лукою Петиным по Мценский рубеж и по крутой верх тридцать четвертей да в селе Ивани и на реке на Сосне по обе стороны устья Синковца и в гору по Синковцу и по реке Дубовику от устья той реки в гору по Дубовцу двадцать четвертей с лесы и с санными покосы и со всеми угодьи да двор помещиков, во дворе строение, изба чёрная и усадьба имевшаяся, и мельничная плотина, с которой платятся по окладу в Ливенской Воеводской канцелярии...»¹. Все эти земли и другое недвижимое имущество тоже впоследствии перешли по наследству к Варваре Петровне Тургеневой.

О дате рождения Петра Ивановича Лутовинова

А теперь, уважаемый читатель, несколько слов о родном деде писателя Тургенева по материнской линии – Петре Ивановиче Лутовинове. В «Деле о размежевании земли государственных крестьян особо от помещиков» есть один очень любопытный момент, который позволяет пересмотреть отношение к дате рождения Петра Лутовинова. Итак, на листах 355-355 оборотный содержится следующая информация (цитирую):

«В 1758 году февраля 20-го дня бил челом Лейб-гвардии Преображенского полка сержант Петр Иванов сын Лутовинов и при том челобитье предъявил с купчей копию на недвижимое Ливенское имение и просил, чтоб то недвижимое за ним справить и для отказу куда надлежит послать указ.

А в копии с купчей написано:

1757-го года Декабря 31 дня Ливенский помещик Иван Пименов сын Демьянов, продал он, Иван, мценскому помещику Петру Иванову сыну Лутовинову недвижимое имение деда своего родного, Аникея Яковлева сына Демьянова, пять четвертей, да бабки своей родной Аксины Харитоновой дочери – пятнадцать четвертей, которое досталось ей на прожиток после смерти первого её мужа Аксинына, а его деда, Аникея Яковлева сына Демьянова, да доставшегося же ему

¹ ГАОО. Ф.28.Оп.1.Ед.хр.345. Л.355об.

после смерти второго мужа её, Аксинына, Василья Емельянова сына Руднева из Дикого поля двадцать четвертей в Ливенском уезде, в Затруцком стану, в Покровском приходе, в деревне Подкопаевой, на речке на Сосне в урочищах из Козлова лесу по ратную дорогу с устья речки Луковца в гору по Луковцу по обе стороны Луковца колодезя и с устья до верховья того же Луковца Колодезя и по Топковские свертки и с сорокорочью дубровою по Игречик Колодезь и вниз по Игречик Колодезю по левую сторону до речки Сосны и вниз по Сосне до речки Доймина с урочищи – всего сорок четвертей или что по дачам в Вотчинной Коллегии в тех урочищах явится – всё без остатку, с усадьбами, с лесы и дубровы и санными покосы и со всеми угоды и со владением, кто тем недвижимым владеет. А взял он, Иван, с него, Петра, за оное вышеписанное недвижимое имение денег десять рублёв.

Купчая писана в Мценской Воеводской канцелярии у крепостных дел. Вместо продавца, Ивана, Пименова сына, Демьянова за рукою Мценского уезда села Спасского попа Ивана Кандратьева и за свидетелевыми руками.

По оной купчей выписки из дач и решения было не учинено»¹.

Из двух приведённых в документах дат следует, что Лейб-гвардии Преображенского полка сержант, мценский помещик Пётр Иванович Лутовинов, 31 декабря 1757-го года купил у Ливенского помещика Ивана Пименова Демьянова недвижимое имение деда его родного, Аникея Яковлева Демьянова. То есть, на конец 1757 года Пётр Лутовинов мог совершать имущественные сделки. По законам Российской империи, дворянин имел на это право с 21 года самостоятельно, а с 17 лет – с опекуном.

Точной даты рождения Петра Ивановича Лутовинова биографы писателя Тургенева не знают до сих пор (*впрочем, о месте его появления на свет тоже ничего не известно – А.П.*). Но у самого известного исследователя Лутовиновского рода, тургеневода Николая Михайловича Чернова, назван 1743 год² (*впрочем, без ссылки на первоисточники – А.П.*).

В метрической книге Преображенской церкви села Спасское-Лутовиново за 1787 год, сохранилась запись о смерти Петра Ивановича Лутовинова – 2 ноября, и тут же сказано, что ему на момент ухода в мир иной исполнилось 47 лет. То есть, исходя из этого, родился Пётр Лутовинов в 1740 году. Итак – или 1740, или 1743 год?

Но в купчей на покупку недвижимого имения у Аникея Яковлевича Демьянова Пётр Иванович Лутовинов назван единственным

¹ ГАОО. Ф.28.Оп.1.Ед.хр.345. Л.Л.357-357об.

² Чернов Николай. Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. Тула. 2003.С. 331.

совершателем сделки, без всяких опекунов, к тому же – сержантом гвардии, что является не первым из званий, значит, купчую он оформлял самостоятельно, а мог он это делать только в возрасте не моложе 21 года. Получается, что **родился дед Тургенева не позднее 1736 года, и венчание Ивана Андреевича и Мавры Ивановны Лутовиновых было ранее, нежели считал Н.М.Чернов** (его дата – 1740 год – А.П.).

Итак, уважаемый читатель, ты познакомился с основными (хотя и далеко не всеми) моментами из большого дела № 345, фонда 28 ГАОО. Многие из фактов по семейству Лутовиновых впервые открылись тургеневодам и широкой публике.

Приложение № 1

Представители рода Лутовиновых, упомянутые в документе:

*Тургенева (Лутовинова) Варвара Петровна;
Гвардии капитан-поручик Лутовинов Иван Андреевич и его жена
Мавра Ивановна;*

*Мценский помещик, лейб-гвардии капитан, Лутовинов Пётр
Иванович;*

Вдова лейб-гвардии капитанша Катерина Ивановна Лутовинова;

Бригадир Лутовинов Алексей Иванович;

Майор Лутовинов Иван Иванович;

*Подполковник, обер-провиантмейстер Лутовинов Родион
Назарьевич и его жена Федора Евдокимова дочь, в роде своём не
последняя;*

*Жилец Лутовинов Фёдор Назарьевич (умер в 1741 году), его жена
Федосья Трофимовна и дочери: Акси́нья Фёдоровна (Мухортова);
Афимья Фёдоровна (Каменева); Матрёна Фёдоровна (Губанова) и
Варвара Фёдоровна (умерла);*

Лутовинов Степан Ильин сын.

О разделе имений между дядей и племянницей

Любой читатель и почитатель творчества Ивана Сергеевича Тургенева, даже поверхностно знакомый с биографией писателя, наверняка слышал или читал, что мать его, Варвара Петровна Лутовинова, была одной из богатейших помещиц России. Ей принадлежали многочисленные имения в нескольких губерниях империи. А вот, как и когда начинало складываться это богатство, нам недавно удалось достаточно подробно выяснить с помощью одного архивного дела, извлеченного из фонда № 6 Государственного Архива Орловской области [См. Приложение].

В этом фонде сосредоточены многочисленные дела, рассматривавшиеся в Орловской палате гражданского суда, в том числе, и по таким деликатным вопросам, как наследование.

Обычно, когда прямых наследников у почивших не оставалось, а завещание отсутствовало, дело рассматривалось в судах, и процедура эта могла занять достаточно долгий срок.

Единица хранения № 2056 фонда 6 ГАОО называется **«Дело об отказе за помещицу Лутовинову В.П., после смерти родных, имений в разных уездах»**. Начато оно 11 декабря 1795 года, а окончено 31 мая 1810 года, то есть процедура рассмотрения тянулась почти 15 лет, превратившись, в конце концов, в огромный фолиант журнального формата, объемом 920 страниц и толщиной в десять сантиметров (из него трудно по этой причине делать выписки – А.П.)

Суть дела такова. В конце 80-х – первой половине 90-х годов XIX века умерли один за другим, не оставив прямых наследников и завещаний, сразу несколько представителей рода Лутовиновых – Петр Иванович, Алексей Иванович, Дарья Ивановна (в замужестве – Ренова), Екатерина Игнатьевна (в замужестве – Неплюева) и ее дочь Анна Семеновна Неплюева.

Претендентов оказалось несколько, но главными, согласно законам Российской империи (преимущество при наследовании отдавалось представителям по мужской линии), стали Иван Иванович Лутовинов и его племянница, дочь его умершего родного брата, Петра Ивановича, – девица Варвара Петровна Лутовинова.

Пока Варвара Лутовинова была несовершеннолетней, ее интересы в борьбе за наследство выражали опекуны, и они с Иваном Ивановичем Лутовиновым затеяли многочисленные тяжбы в разных уездных и губернских судах. Однако ни одна сторона за годы, пока тянулось дело, так и не сумела добиться победы или хотя бы преимущества.

Но, достигнув совершеннолетия, Варвара Лутовинова, взяла решение наследственного вопроса в свои руки и сумела договориться с родным дядей о том, на каких условиях они поделят между собою спорное имущество.

14 декабря 1809 года в Орловской палате гражданского суда Иван Иванович и Варвара Петровна подписали отдельный акт (в деле № 2056 это листы 429 – 439 или 20 страниц большого формата).

Основные положения отдельного акта (документа, который открыт нами для научного оборота и изучения другими исследователями) стоит перечислить подробно, поскольку в нем содержатся важные сведения имущественного характера.

Начнем с цитаты: *«...По взаимному нашему друг друга родственному благорасположению, желая обоюдно пользоваться на будущие времена спокойствием и безмятежною жизнью, все вышеозначенные дела об оставшихся нам в наследство... и производимые по оным споры навсегда прекращаем, а потому все значущие по предсказанным делам движимыя и недвижимыя имения добровольно и полюбовно разделили на следующем положении...»¹* (Курсив здесь и далее наш – А.П.).

Далее дядя и племянница перечислили десять пунктов (правда, № 9 в документе пропущен – А.П.), которые составили главное содержание отдельного акта. Пункты эти достаточно обширны, подробны – и по этой причине мы извлечем из них только самую суть.

В первом названы все имения, которые отошли к Варваре Петровне Лутовиновой от полковницы Катерины Игнатьевны и дочери ее Анны Семеновны Неплюевых, от бригадира Алексея Ивановича Лутовинова и от поручицы Ольги Ивановны Реновой.

Вот эти имения: в Тульской губернии, в Новосильском уезде – деревня Любовша; в Ефремовском уезде той же губернии – село Ситово, село Троицкое (Медвежки тож), деревня Яблоново; в Орловской губернии, Болховском уезде – деревни Дичкова и Малый Синец; в Курской губернии, в Курском уезде – деревня Боева, что на Обмети; в Вологодской губернии, в Кадниковском уезде – деревни Турова, Нидеева, Комарова, Алферовская, Михалёва.

Общее число дворовых людей и крестьян мужского пола в этих имениях составило 374 человека.

Во втором пункте отдельного акта содержатся данные об имениях, отошедших к Ивану Ивановичу Лутовинову от тех же Катерины Игнатьевны и Анны Семеновны Неплюевых, Алексея Ивановича

¹ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф.6. Оп.1. Ед.хр.2956. л.432.

Лутовинова, Ольги Ивановны Реновой, а также от Дарьи Ивановны и Ивана Рыкачёва. В Орловской губернии, во Мценском уезде – в селе Никольском (Сычово тож), в деревне Оптушке, в сельце Долгом, что на Долгом Колодезе, в трети села Спасского; в Малоархангельском уезде – полдеревни Столбецкой; в Елецком уезде – в селе Тербунах; в Тульской губернии, в Чернском уезде – деревня Борзенки, в деревнях Большой и Малой Кондауровой, Дьяковой, Канищевой и Больших Кретах; в деревне Голоплеки и деревне Семендяевой; в Ефремовском уезде – в сельце Меньшем Кадном (с землями – в селе Кадном, сельцах Большом и Меньшем Кадном, в селе Остропятах, в сельце Остропятах, Житки тож); в селе Никольском (Малиново тож).

Всего в имениях этих у Ивана Ивановича Лутовинова оказалось 478 душ дворовых и крестьян мужского пола.

Поскольку имений и крепостных людей у дяди оказалось больше, чем у племянницы, Иван Иванович Лутовинов – в сравнение доли наследства – заплатил Варваре Петровне 35 тысяч рублей ассигнациями.

В пункте третьем раздельного акта племянница обещала таким разделом имений *«быть навсегда довольною и в дополнение оного ничего от него, дяди... никогда не требовать и потом на него нигде ни под каким видом и предлогом не просить...»*¹, а дядя, в свою очередь, обещал то же самое.

В четвертом пункте акта стороны договорились о том, кому достанется озимый хлеб в разделенных имениях (тому, чье теперь имение), а насчет ярового хлеба на весну 1810 года Иван Иванович пообещал племяннице для посева столько семян, сколько обычно засевалось их до этого.

В пункте пятом акта был разрешен вопрос о тех крепостных женщинах, кто до подписания раздельного акта вышел замуж в другие селения, и о беглых крестьянах.

В шестом и седьмом пунктах возник вопрос о возможности защиты своих интересов в том случае, если вдруг появятся неизвестные на момент подписания иски.

Из восьмого пункта акта узнаем о том, что в раздел не были включены два московских деревянных дома. Первый из них, находившийся за Пречистенскими воротами, за Земляным городом, в приходе церкви Неопалимая Купина (что слывет в Старой Конюшенной) принадлежал Катерине Игнатьевне Неплюевой и ее дочери Анне Семеновне Неплюевой. Второй остался от покойной Ольги

¹ ГАОО. Ф.6.Оп.1. Ед.хр.2056. Л.433.

Ивановны Реновой и располагался в Яузской части, в приходе Воскресения, в Барашах, в Барашевском переулке. Дядя с племянницей договорились оба дома продать, а полученные деньги поделить пополам.

Завершая текст отдельного акта, стороны пообещали: «... сию учиненную нами, Иваном и Варварою Лутовиновыми, добровольную мировую и отдельную запись содержать нам и наследникам нашим навсегда свято и ненарушимо, и ни чем и ни под каким видом не опорачивать и не опровергать...»¹. Нарушившие это обещание подверглись бы штрафу в 50 000 рублей.

Отдельный акт подписали сами договорившиеся – Иван Иванович и Варвара Петровна Лутовиновы, в присутствии девяти свидетелей – Ивана Климентьевича Андрузского, Евграфа Алексеевича Володимерова, Николая Петровича Андреянова, Андрея Андреевича Глазунова, Петра Федоровича Бородина, Матвея Максимовича Михайлова, Николая Васильевича Осипова, Николая Васильевича Константинова и Николая Ивановича. Свидетели подтвердили, что Варвара Лутовинова при подписании отдельного акта получила от дяди 35 000 рублей.

В конце документа названы еще две интересных фамилии: «... сию запись писал коллежский секретарь Василий Грановский, на листах скрепил секретарь Тимофей Грановский»² – это родственники русского историка-медиевиста, общественного деятеля Тимофея Николаевича Грановского, который родился в городе Орле в небогатой дворянской семье.

Так, на законных основаниях и «полюбовно» мать Ивана Сергеевича Тургенева получила имения своих умерших родственников, а спустя еще четыре года, когда умер уже и дядя – И.И. Лутовинов, Варваре Петровне достались все названные за ним в документе владения.

Хотя еще долго потом тетки Варвары, сестры умершего Ивана Ивановича Лутовинова, пытались оспаривать это, но судебные власти были на стороне бывшей сироты, ставшей одной из богатейших помещиц России.

Ниже в приложении даётся «Дело об отказе за помещицу Лутовинову В.П., после смерти родных, имений в разных уездах» (орфография – публикатора – А.П.).

¹ ГАОО. Ф.6. Оп.1.Ед.хр.2056. Л.439об.

² Там же.

Приложение**Дело об отказе за помещицу Лутовинову В.П., после смерти родных, имений в разных уездах**

ГАОО. Фонд 6. Ед. хр. 2056

Орловская палата гражданского суда

(начато 11 декабря 1795, окончено 31 мая 1810)

Листы 429 – 439об.

Копия

Лист 432 – 439 об.

Лета тысяча восемьсот девятого, декабря в четырнадцатый день, надворный советник Иван Иванов сын Лутовинов и племянница его, покойного брата его родного, гвардии капитан - поручика Петра Ивановича Лутовинова дочь, девица Варвара, учинили сию запись в том, что как в разных годах заведены по спорам между мною, Иваном, и моими, Варваринами, опекунами, в судебных местах, дела о разных, принадлежащих нам, Ивану и Варваре, по наследству движимых и недвижимых имениях, как-то,

первое, об оставшихся после покойной моей, Ивановой, тетки, а моей, Варвариной, бабки, Катерины Игнатьевны, и дочери ее, девицы Анны Семеновны Неплюевых, в Орловской губернии, в округах Мценской, в селе Никольском, что на Сычове Колодезе, деревне Оптушке; Болховской, деревнях Дичковой и Новом Синце, и в земляных дачах с угодьями Мценской округи села Спасского; Тульской губернии Чернской округи в пустошах, что ныне деревня Борзенки, деревнях Большой и Малой Кандауровой, Дьяковой, Канищевой, в Больших Кретах, в пустоши Городище на Солодиловом верху и в деревне Семендяевой, по которому решением бывшей Орловской палаты суда и расправы 2-го Департамента 1797-го года 13 сентября заключено было все бывшее за означенной моей, Ивановой, теткой, а моей, Варвариной, бабкой Катериной Неплюевой, а по смерти ее за дочью ее, девицей Анной, родовое и благоприобретенное во Мценском и Болховском уездах имение, согласно прописанным в нем законом, женской пол при мужском от наследства отрешают, имевшим в тогдашнее время действие и силу отдать одному мне, Ивану Лутовинову, но после решения Правительствующего Сената постановлено: означенное, утвержденное за мною, Иваном, Орловской палаты суда и расправы Мценское и Болховское имение по последовавшему именному высочайшему одиннадцатого июля 1804-го года указу, повелевающему: движимое и недвижимое имение после умерших вотчинников делить дяде с родными племянниками или, за смертью их, – с племянницами на равные части, разделить им, Ивану и

Варваре Лутовиновым, пополам, но по сему решению раздела между нами еще не последовало;

второе, оставшемся после означенных моей, Ивановой, тетки, и моей, Варвариной, бабки Катерины и дочери ее Анны Неплюевых Тульской губернии, Новосильском имении, в деревне Любовше, по которому решением Новосильского уездного суда означенное имение утверждено за мною, Иваном Лутовиновым, и как на сие решение со стороны Варвариных опекунов в узаконенное время апелляции не было, то оное по решению помянутого суда отдано мне, Ивану, во владение и за мною справлено и отказано;

третье, об оставшем(ся) после тех же, моей, Ивановой, тетки, а моей, Варвариной, бабки Катерины и дочери ее, Анны, Неплюевых Курской губернии и округа, в деревне Боевой, что на Обмете, движимое и недвижимое имение, которое решением Курских уездного суда и гражданской палаты утверждено и во владение отдано мне, Ивану Лутовинову, одному; с моей же, Варвариной, стороны, опекуны апелляции на оное решение не имели.

четвертое, об оставшемся после покойного моего, Иванова, брата, а моего, Варварина, дяди, бригадира Алексея Ивановича Лутовинова, доставшемся ему по разделу со мною, Иваном, и с покойным моим, Варвариным, родителем, гвардии капитан-поручиком Петром Ивановичем Лутовиновым, в 1785-ом году, учиненному, и за им, оным, моим покойным братом, а моим, Варвариным, дядею, Алексеем Ивановичем, благоприобретенном движимом и недвижимом с людьми и с крестьянами имении, состоящем в губерниях – Орловской, Мценской округи, в сельце Долгом, что на Долгом Колодезе, в селе Спасском, Лутовиново тож, и других, значащих(ся) именно по предсказанному разделу селам, сельцам, деревням и пустошам; Тульской, Чернской округи, в деревне Голоплеках с прочими поименованными в том разделе деревнями, пустошами и дачами, Ефремовской округи, в сельце Меньшом Кадном, да в селе Никольском, Ситово тож, с прочими селами, сельцами, деревнями и пустошами в вышеозначенном разделе поименованными, и в деревне Яблоновой с прочими владеемыми той деревни крестьянами, землями, которое имение, решением Тульских верхнего суда и гражданской палаты и Правительствующего Сената 6-го Департамента все утверждено за мною, Иваном Лутовиновым, а мне, Варваре, в наследии в том имении отказано, но по последовавшему от меня, Варвары, Государю Императору прошение именным Его Величества указом, июля в 27 день состоявшимся, повелено: помянутое решение 6-ым Департаментом Правительствующего Сената дело

рассмотреть в общем собрании Правительствующего Сената, которое оным и рассматривается;

пятое, об оставшемся после покойной моей, Ивановой, сестры, а моей, Варвариной, тетки родной, Дарьи Ивановны, по мужу Рыкачевой, состоящем Орловской губернии, Мценской округи, в селе Никольском, что на Сычове Колодезе, и в деревне Алешне; Малоархангельской округи, в деревне Столбецкой, и Елецкой округи, в селе Тербунах, движимом и недвижимом имении с людьми и с крестьянами и об оставшемся на оной, покойной моей, Ивановой, сестре, а моей, Варвариной, тетке, вексельной претензии суммою в 15000 рублей с рекамбией (*система накопляемого или усложняемого способа начисления процентов на проценты при досрочном платеже по обязательствам – А.П.*) и процентами, по которому делу решением Мценского уездного суда, последовавшим прошлого, 1802 года, января, 31 дня, утвержден я, Иван, как в предсказанном оставшемся после означенной сестры моей, Дарьи Рыкачевой, имении, так и в платеже долга ее единственным наследником; с моей, Варвариной, стороны от опекунов на означенное решение апелляции объявлено не было;

шестое, об оставшемся после покойной второй моей, Ивановой, сестры, а моей, Варвариной, тетки, поручицы Ольги Ивановны Реновой, Тульской губернии, в Новосильском уезде, в селе Никольском, Малиново тож, и Вологодской губернии, Кадниковой округе, в пяти деревнях, движимом и недвижимом имении с людьми и с крестьянами, и московском доме, состоящем в Барашевском переулке, из которого имения Новосильское, по заключениям Новосильского уездного суда и Тульской палаты гражданского суда, предоставлено в единственное мое, Иваново, владение, а равно и московском доме, по отношению Московского уездного суда, Московской управой благочиния зачислен за мной, Иваном Лутовиновым, а о Кадниковском имении имеется в производстве по Тамбовскому уездному суду нерешенное дело;

то мы, Иван и Варвара Лутовиновы, по достижению мной, Варварой, узаконенных совершенных лет, имею я ныне от рождения моего 22 года, а потому, пользуясь дарованным законом, не зависимым ни со стороны опеки, ни со стороны попечения правом и свободой в распоряжении принадлежащей мне собственности и поговоря между собою миролюбиво, сообразив существо всех вышеозначенных дел, из которых по всем тем, по коим решениями судебных мер имения предоставлены моему, Варварину, дяде, Ивану Лутовинову, одному, а со стороны моей от опекунов на те решения в законный срок апелляции не было, хотя Варвара и могла бы, по силе указа 1796-го года, декабря, 30 дня, апеллировать и просить к рассмотрению тех дел в верхних

судебных местах, ибо вышеозначенным указом по прочим повелено отныне, кто из таковых, малолетних, со вступления в совершеннолетие, пребывающие внутри России в два года, а находящиеся за границу в три года, просить будут о апелляции, им принадлежащей по просьбам, оных к апелляции допускать и дела в верхних местах рассматривать и решить по законам, хотя бы на решения от бывших над ними опекунов удовольствие подписано ими, срок апелляции с намерением или без намерения упущен был, ибо упущение сих последних в вину малолетним причитать не следует, по взаимному нашему друг к другу родственному благорасположению, желая обоюдно пользоваться на будущие времена спокойствием и безтяжебною жизнью все вышеозначенные дела об оставшихся нам в наследство – после предсказанных персон движимые и недвижимые, с людьми и с крестьянами, имения оставляем и производимые по оным споры навсегда прекращаем, а потому все значащие(ся) по предсказанным делам движимые и недвижимые имения добровольно и полюбовно разделили на следующем положении.

Первое, я, Иван, представляю означенной племяннице моей, девице Варваре Петровне Лутовиновой, (а я), Варвара, от оною дяди моего, Ивана Ивановича Лутовинова, получаю на мою часть ниже писанные имения, а именно: оставшиеся после умерших моей, Ивановой, тетки, а моей, Варвариной, бабки, полковницы Катерины Игнатъевны, и дочери ее, Анны, Неплюевых Тульской губернии, Новосильского уезда, деревню Любовша, с выселенным из оной после ревизии хутором, написанных по последней, пятой, ревизии в означенной деревне Любовша людей и крестьян, за исключением проданных мною, Иваном, одной души мужского и одной души женского пола, всего – 160 мужского пола душ с женами их и с детьми, с приемышами и с новорожденными после ревизии обоюдо пола детьми же, со всяким, оных людей и крестьян имуществом, хлебом, скотом и строением, с принадлежащими к той деревне в разных дачах и урочищах землями, значащими(ся) по учиненному прошлого 1802 года, июля в 28 день, Новосильским земским исправником отказом - всего 633 четверти с полу-осминою, сенных покосов – 29 десятин с полу-десятиною, усадеб и лесных угодий 29 же десятин с полу-десятиною, со всеми угодьями и с господским двором, садом и построенной на речке Любовше о двух поставах мельницей;

Орловской губернии, Болховской округи, деревни Дичкову и Малый Синец, написанных в тех деревнях по последней, пятой, ревизии мужского пола, за исключением переведенного из деревни Малого Синца в деревню мою, Иванову, Тульской губернии, Чернской округи, в

сельцо Слободку, крестьянского сына Трофима Никифорова – 68 душ с женами их и с детьми, и с рожденными после ревизии обоего пола детьми же, со всяким их крестьянским имуществом, хлебом, скотом и строением, с обмежеванными к оным деревням по генеральному размежеванию землями и со всем господским строением, с усадебными, с лесными, с санными покосами и со всеми угодьями;

Курской губернии и Курского уезда деревню Боеву, что на Обмети, за исключением проданной мной, Иваном, одной женской души, написанных по пятой ревизии мужского пола 9 душ с женами их и с детьми, и с новорожденными после ревизии обоего пола детьми же, с их всяким имуществом, хлебом, скотом и строением, с принадлежащею к той деревне землей, дошедшей покойной моей, Ивановой, тетке, а моей, Варвариной, бабке, Катерине Игнатьевне Неплюевой, по покупке в 1747 году от помещиков Сидоровых и помещицы Коноревой, всего 120 четвертей со всеми угодьями; оставшееся после покойного моего Иванова брата, а моего Варварина, дяди, бригадира Алексея Ивановича Лутовинова Тульской губернии, в Ефремовской округе, село Ситово, положенных по пятой ревизии мужского пола людей и крестьян 74 души, с женами их и с детьми, и с новорожденными после пятой ревизии обоего пола детьми же, со всяким их крестьянским имуществом, хлебом, скотом и строением, с господским двором и всяким на нем строением, с состоящею на реке Ситовой Мечи мельницей, о четырех поставах, владеемой сообща с прочими владельцами, с принадлежащими к тому селу землями, а именно: в селе Никольском, Ситово тож, с деревней Ознобишиной, конец поля оной деревни Каменной, всю в оных селе, деревнях и пустошах без остатка с лесами, с санными покосами и со всеми угодьями;

в Ефремовском уезде, в селе Троицком, Медведки тож, написанных по последней, пятой, ревизии мужского пола крестьян 11 душ с женами их и детьми и с новорожденными после пятой ревизии обоего пола детьми же, со всяким их крестьянским имуществом, хлебом, скотом и строением, со всеми принадлежащими к тому селу землями, как-то, в округе, что от Ме... вино к оному селу Троицкому, Медведки тож, да в прикосновенных к оному дачах, называемых Осташин лес, с лесами, с санными покосами и со всеми угодьями;

в том же Ефремовском уезде, в деревне Яблоновой, написанных в оной деревне по последней, пятой, ревизии, за исключением дворового человека Александра Иванова с его семейством, крестьян мужского пола 13 душ, с женами их и с детьми и с новорожденными после ревизии обоего пола детьми же, со всяким их крестьянским имуществом, хлебом, скотом и строением, со всеми принадлежащими к

оной деревне Яблоновой, дошедшими предсказанному покойному моему, Иванову, брату, а моему, Варварину, дяде, бригадиру Алексею Ивановичу Лутовинову, по купчим в 1785-ом году, сентября, 5 дня, от ефремовской помещицы, из дворян девицы, Надежды Алексеевой дочери Елагиной, и в деревне Яблоновой, по обе стороны реки Красивой Мечи, с прочими урочищами, так же и в смежных к той округе деревнях и пустошах, как значит по писцовым и отказным выписям и по другим крепостным и сделкам, всего земли по крепостным 45 четвертей или что сверх того по дачам (явится) с примерными землями, с усадьбами, с лесами и помещиковым двором, и с садом, с санными покосами, с рыбными ловлями и со всеми угодьями, да от статского советника и кавалера Петра Иванова сына Свечина 1793 года в деревне Яблоновой пашенной земли три десятины.

Оставшееся после покойной моей, Ивановой, сестры, а моей, Варвариной, тетки поручицы Ольги Ивановны Реновой, Вологодской губернии, Кадниковской округи деревни Турову, Нидееву (?), Комарову, Алферовскую и Михалеву, написанных в оных деревнях по последней, пятой, ревизии, за исключением рожденного после пятой ревизии малолетнего дворового мальчика Андрея Казмина, дворовых людей и крестьян, ревизских, мужского пола 39 душ, с женами их и с детьми и с новорожденными после 5-ой ревизии обоюга пола детьми же, со всяким их крестьянским имуществом, хлебом, скотом и строением, с принадлежащими к тем деревням и со всеми, сколько их в той Вологодской губернии, есть, землями, с лесами, с санными покосами и со всеми угодьями, а всего, я, Иван, помянутой племяннице моей, Варваре, по сему миролюбивому разделу и обоюдному нашему соглашению представляю, а я, Варвара, принимаю на свою часть написанных в вышеозначенных селениях по последней, пятой, ревизии мужского пола людей и крестьян – 374 души, с женами их и с детьми и с рожденными после пятой ревизии обоюга пола детьми же, да сверх того, в сравнение оставшегося на мою, Иванову, часть, недвижимого с людьми и с крестьянами имения, а взамен оставшегося после вышеозначенных, моей, Ивановой, тетки, а моей, Варвариной, бабки, Катерины Игнатьевны и дочери ее, девицы Анны Семеновны Неплюевых и моего, Иванова, брата, а моего, Варварина, дяди, Алексея Ивановича Лутовинова и моих, Ивановых, сестер, а моих, Варваринных теток, Дарьи Ивановны Рыкачевой и Ольги Ивановны Реновой, всякого рода движимого имения, я, Иван, ей, племяннице моей, Варваре Петровне, при сем нашем полюбовном разделе отдал, а я, Варвара, от него, дяди моего, Ивана Ивановича, получила, наличными деньгами, государственными ассигнациями, 35 тысяч рублей.

Второе, оставшееся же за вышеозначенным, приемлемым мною, Варварой, на мою часть недвижимым с людьми и с крестьянами именем предоставляю я, Варвара, в вечное и потомственное владение на часть дяде моему, Ивану Ивановичу Лутовинову, а я, Иван, за собою оное на мою часть оставляю, а именно:

доставшееся по наследству после покойной моей, Ивановой, тетки, а моей, Варвариной, бабки, Катерины Игнатьевны и дочери ее, Анны Семеновны, Неплюевых и по решению Правительствующего Сената предоставленное нам, Ивану и Варваре, в раздел, Мценской округи, в селе Никольском, Сычово тож, написанных по последней, пятой, ревизии дворовых людей и крестьян мужского пола 166 душ и той же округи, в деревни Оптушке, написанных по последней, пятой, ревизии крестьян мужского пола 21 душу, со всяким их крестьянским имуществом, хлебом, скотом и строением, с господским, в селе Никольском, Сычово тож, двором и всяким на оном строением, с состоящею при означенном селе Никольском мельницею, с принадлежащими к тем селу и деревне пашенными и не пашенными землями, а именно: в селе Никольском, Сычово тож, пустоши Назарьевской, в деревне Очкасовой, в деревне Бортной, в деревне Оптушке и в деревне, что на Мертвецко-колодезе, и со всеми сверх того владеемыми оным селом и деревнею и принадлежащими по дачам и писцовым книгам и всяким крепостным актам прежней помещице Катерине Неплюевой в других того Мценского уезда деревнях, пустошах и урочищах земли.

Да Тульской губернии, Чернского уезда, в пустоши, что ныне деревня Борзенки, в деревнях Большой и Малой Кондауровой, Дьяковой, Канищевой и в Больших Кретах пашенной земли с лесами, с санными покосами и со всеми угодьями, доставшихся после покойного моего, Иванова, брата, и моего, Варварина, дяди, бригадира, Алексея Ивановича Лутовинова, Мценского уезда, в трети села Спасского, написанных в оном по последней, пятой, ревизии дворовых людей и крестьян мужского пола 49 душ с женами их и детьми, и с рожденными после пятой ревизии обою пола детьми же, и со всяким их имуществом, хлебом, скотом и строением и со всеми принадлежащими к тому селу, доставшихся ему, моему, Иванову, брату, а моему, Варварину, дяде, Алексею Ивановичу, и по разделу со мною, Иваном, и с моим, Варвариним, родителем, Петром Ивановичем Лутовиновым, в 1785-ом году и учиненному землями, как-то, во оном селе Спасском всею усадьбою, ограниченною в означенном разделе, да и в вышеозначенной усадьбе полевые пашенные земли, санные покосы и береженные рощи в селе Спасском, Лутовиново тож, с (неразборчиво) и

прогорными полянами, да в деревне Гущиной, что на Фомине-колодезе, с прикосновенною к ней пустошью Федоровскою, да в пустоши Высокой Поляне и в пол-пустоши Грушках, да в жеребье деревни Чаплыгиной, что ныне пустошь Маркинская, с лесами, с санными покосами, и со всеми угодьями, и что сверх того, в означенном селе Спасском, в деревнях и пустошах принадлежало покойной полковнице Катерине Игнатьевне Неплюевой земляных дач и всяких угодий, все без остатков, я, Варвара, предоставляю ему же, дяде моему, Ивану Ивановичу, а я, Иван, приемлю.

Да того же Мценского уезда сельцо Долгое, что на Долгом Колодезе, написанных в том селе по последней, пятой, ревизии дворовых людей и крестьян мужского пола 97 душ с женами их и с детьми, и с новорожденными после пятой ревизии обоего пола детьми же, со всяким их крестьянским имуществом, хлебом, скотом и строением, с господским двором и со всяким на нем строением, с пашенными землями, санными покосами и лесными угодьями, к тому сельцу Долгому в нижеписанных местах и урочищах, а именно: в селе Никольском, что на Долгом Колодезе и что при генеральном земель размежевании отмежевано в особую округу под названием сельцо Долгое, да поблизости к тому сельцу земляные же дачи, состоящие в урочищах на Дернове и на Усове Колодезях по обе стороны речки Неручи, да в урочищах по обе стороны речки Оптушки и по обе стороны Мертвеца-колодезя – все без остатку, как те земли, кои во владении за покойным моим, Ивановым, братом, а моим, Варвариним, дядей, Алексеем Ивановичем Лутовиновым состояло, так и находящемся в сильном у других помещиков завладении, со всеми крестьянскими и господскими усадьбами и всякими угодьями и с сильным завладением.

Тульской губернии, Чернского уезда, в деревне Голоплеках написанных по последней, пятой, ревизии крестьян мужского пола 10 душ со всяким их крестьянским имуществом, хлебом, скотом и строением, и со всеми принадлежащими к оной деревне усадебными, полевыми, пашенными и другими землями, сколько оных в округе той деревни по крепостным и по обмежеванию состоит с лесами, с санными покосами и со всеми угодьями, да в том же Чернском уезде, доставшейся ему же, покойному моему, Иванову, брату, а моему, Варварину, дяде, Алексею Ивановичу Лутовинову по вышеозначенному разделу в пустоши Городище, что на Солодиловом верху, и в деревне Семендяевой земли с лесами, с санными покосами и со всеми угодьями.

Тульской губернии, Ефремовского уезда, сельцо Меньшее Кадное, написанных в оном по последней, по пятой, ревизии дворовых людей и

крестьян мужского пола 115 душ, с женами их и с детьми и с новорожденными после пятой ревизии обоого пола детьми же, со всяким их крестьянским имуществом, хлебом, скотом и строением, с господским двором и со всяким на нем строением, с садом, с построенною на реке Красивой Мече мельницей, с принадлежащими к тому сельцу как наследственными, так и прикупными землями, а именно:

в селе Кадном и в сельцах Большом Кадном и Меньшом Кадном, в селе Остропятах и в сельце Остропятах, Житке тож, в пустоши Черненской и в сельце Лупаньях – с усадьбами, с лесами, с сенными покосами и со всеми угодьями, доставшимися после покойной моей, Ивановой, сестры, а моей, Варвариной тетки, поручицы, Ольги Ивановной, Реновой, Тульской губернии, в селе Никольском, Малиново тож, написанных в том селе по последней, пятой, ревизии дворовых людей и крестьян мужского пола 15 душ, с женами их и с рожденными детьми и с новорожденными после пятой ревизии обоого пола детьми же, со всяким их крестьянским имуществом, хлебом, скотом и строением, с господским двором и со всем на нем строением, с принадлежащими к тому селу Малинову землями, сколько оных по дачам за покойным моим, Ивановым, родителем, а моим, Варвариним, дедом, Иваном Андреевичем Лутовиновым, в означенном селе Малинове и в смежных к оному селу дачах состояло – все без остатка с усадьбами, с лесами, с сенными покосами и со всеми угодьями; да выведенных из доставшихся по сему нашему разделу мне, Варваре, селений Ефремовской округи - из деревни Яблоновой дворового человека Александра Иванова с женою его и детьми, ревизских три души, Болховской округи, из деревни Нового Синца, крестьянского сына Трофима Никифорова, Вологодской губернии, из кадниковских деревень, рожденного после ревизии малолетнего дворового мальчика Андрея Казмина, а равно и проданных дядею моим, Иваном Ивановичем Лутовиновым, из доставшихся мне Новосильской округи, из деревни Любовши, мужскую одну душу и женского пола одну же душу, да Курской губернии и округи из деревни Боевой, что на Обмети, женскую одну душу, предоставляю я, Варвара, тех же, ему, дяде моему, на часть, а я, Иван, оных на свою часть приемлю, а всего я, Варвара, помянутому дяде моему, Ивану Ивановичу, по сему миролюбивому разделу и обоюдному нашему согласию предоставляю, а я, Иван, за собою оставляю на мою часть, состоящих в вышеозначенных селениях и выведенных из других селений, написанных по нынешней, пятой, ревизии мужского пола людей и крестьян – 478 душ, с женами их и с детьми и с новорожденными после пятой ревизии обоого пола детьми

же, да сверх того, предоставляю я, Варвара, означенному дяде моему, Ивану Ивановичу Лутовинову, по сему нашему миролюбивому и добровольному положению, в вечное и потомственное, его, дяди моего, владение, оставшееся от покойной моей, Ивановой, сестры, а моей, Варвариной, тетки, Дарьи Ивановны Рыкачевой, движимое и недвижимое с людьми и с крестьянами имение, как-то, доставшееся ей в 1785-ом году со мною, Иваном, и с братом моим, а моим, Варвариним, родителем, Петром, и дядею, Алексеем Ивановичем Лутовиновыми, по разделу Орловской губернии, Мценского уезда, в селе Никольском, что на Сычове колодезе, что ныне хутор на Олешне, написанных в оном по последней, пятой, ревизии за умершим покойной моей, Ивановой, сестры, а моей, Варвариной, тетки, Дарьи Ивановны, малолетним сыном Иваном Рыкачевым, дворовых людей и крестьян мужского пола 56 душ, с женами их и с детьми и с новорожденными после пятой ревизии обоего пола детьми же, со всяким их имуществом, хлебом, скотом и строением, с состоящею на реке Олешне мельницей, с принадлежащему к оному хутору землями, состоящими в дачах села Никольского, что на Сычове-колодезе, в пустоши Субочевой и в других селах, деревнях, пустошах и починках, всё, что к означенному селу Никольскому следует и у крестьян того села, что ныне хутор, во владении находится, со всею значащейся в предсказанном разделе, принадлежащей ей, моей, Ивановой, сестре, а моей, Варвариной, тетке, Дарье Ивановне, усадебной и веричных (?) в том разделе значащих(ся) деревнях, пустошах и урочищах с землею, с лесами, с санными покосами и со всеми угодьями;

Малоархангельской округи, пол-деревни Столбецкой, написанных в оной по последней, пятой, ревизии, за предсказанным же, умершим малолетним Иваном Рыкачевым дворовых людей и крестьян мужского пола 42 души, с женами их, и с детьми, и с новорожденными после пятой ревизии обоего пола детьми же, со всем их имуществом и строением, с состоящею в округе той деревни Столбецкой пашенною и не пашенною землею, с усадьбою, с лесами, с санными покосами и со всеми угодьями, да доставшееся оной моей, Ивановой сестре, а моей, Варвариной тетке, Дарье Ивановне Рыкачевой, по купчим – первой, 1784 года, февраля, 6 дня, от меня, Ивана, Елецкой округи, в селе Тербунах, написанных по последней, пятой, ревизии в том селе за означенным же, умершим малолетним Иваном Рыкачевым, людей и крестьян мужского пола тридцать семь душ с женами и детьми и с новорожденными после пятой ревизии обоего пола детьми же, со всяким их имуществом, хлебом, скотом и строением, со всеми принадлежащими к тому селу землями, как доставшимися мне, Ивану,

по разделу с братьями моими, так и дошедшими мне от разных людей по купчим – с лесами, с санными покосами и со всеми угожьями; второй – 1792 года, июня, 22 дня, от поручика Андрея Иванова сына Рагозина, Тульской губернии, Чернской округи, в сельце Алябьево, Малинино тож, сто семнадцать десятин, в селе Голо...лово, девять десятин с половиною, (в пустоши Ворониной две десятины с половиною), а всего -129 десятин, потому что означенная покойная моя, Варварина, тетка, Дарья Ивановна Рыкачева, осталась должна по векселю сумму в пятнадцать тысяч рублей с рекамбией и проценты, которые её долю всю сполна заплатил за нее, тетку мою, помянутый дядя мой, Иван Иванович Лутовинов, и потому что решением Мценского уездного суда, последовавшим прошлого 1802 года, января, 31 дня, он, дядя мой, Иван Иванович Лутовинов, во всем оставшемся после оной тетки, за неё долге утвержден единственным наследником, на которое решение с моей, Варвариной, стороны, от опекунов неудовольствия и апелляции не было, а посему я, Варвара, ныне означенное решение уездного суда во всей его силе утверждаю и неудовольствия или апелляции на оное никогда иметь не должна, предоставляя, таковым образом, по сему нашему обоюдному акту. Я, Иван, на часть племяннице моей, Варваре Петровне, вышеизъясненное в первом пункте недвижимое имение с людьми и с крестьянами и сверх того, наличные деньги тридцать пять тысяч рублей, а я, Варвара, ему, дяде моему, Ивану Ивановичу, все вышеназванное во 2-ом пункте недвижимое имение с людьми и с крестьянами постановляем;

третье, всем означенным, представленным мне, Варваре, от дяди моего, недвижимым имением и деньгами быть навсегда довольною и в дополнение оного ничего от него, дяди моего, никогда не требовать, и потом на него нигде ни под каким видом и предлогом не просить и как выше прописанных, всей нашей записи заведенных о доходивших нам по наследству имениях деле, за прекращением оных, сею нашею записью, мне, Варваре, никогда не вчинять, так и вновь ни о чем из сих наследств не просить, равно из оставшегося после всех вышеозначенных наших родственников всякого рода движимого имения и из собираемых, всех разделенных ныне нами и предоставленных друг другу недвижимых имений, до сего времени денежных и всякого рода доходов мне, Варваре, на нем, дяде моем, выше объясненными 35 000 рублями сполна удовлетворена, равно и мне с людьми и с крестьянами ничего ни под каким видом и предлогом себя не присваивать и от ней не требовать и в выше изъясненных прежних делах не вчинять и вновь о том нигде не просить и дел не заводить. А если из представленного мною племяннице моей, Варваре Петровне, на

ее часть недвижимого имения что-либо не окажется в государственных местах или в партикулярных рук ? ах, в залогах от имени моего или прежних вотчинников, то в таком случае обязан я, Иван Лутовинов, таковое имение своим собственным заменить и оное из залогу освободить не позднее как в марте месяце будущего 1810 года;

четвертое, посеенный и крестьянский к будущему 1810 году всякого рода озимый хлеб в доставшихся по сему нашему разделу мне, Варваре, селах и деревнях - в пользу мою, Варварину, а в доставшихся мне, Ивану, селах и деревнях, в пользу мою, Иванову; а для господского посева в будущем 1810 году в доставшихся моей, Ивановой, племяннице Варваре Петровне, селах и деревнях ярового хлеба, обязуюсь я, Иван, снабдить её, племянницу мою, семенами таким числом четвертей, сколько в тех селах и деревнях какого хлеба прежде сеялось;

пятое, буде где есть в доставшихся нам, Варваре и Ивану, по сей нашей мировой и отдельной записи селениях, выданные в замужество до сего нашего раздела, в доставшемся мне, Варваре, селении, доставшихся дяде моему, и в доставшихся мне, Ивану, селении – те селения и доставшиеся племяннице моей дворовые и крестьянские девки и вдовы, то оным оставаться в тех селениях, в которые они выданы и быть им крепким тому, кому те селения по сему нашему разделу достались, а ежели есть из доставшихся мне, Ивану, и мне, Варваре, селений беглые или в сильном завладении у кого дворовые люди и крестьяне обоюбого пола, то оных отыскивать и получать их и всякие за них иски взыскивать в свою пользу тому, кому таковое селение, из которого те беглые по сему разделу достались; подобным образом, ежели есть в чьем насильном завладении принадлежащие нам, Ивану и Варваре, земли, то отыскивать оных и получать их и за них всякие иски в пользу свою тому, кому то селение, к которому те земли прикосновенны и принадлежат, по сему разделу достались;

шестое, буде же, где есть по судебным местам какие иски и сторонние притязания чего-либо из разделенного нами ныне недвижимого имения, земель, людей и крестьян, то по оным, равно и потом какие и впредь быть могут, искам и притязаниям, право свое защищать каждому из нас по своей доставшейся части, не требуя друг от друга никакого пособия;

седьмое, относительно заведенных иных производящихся дел в разных судебных местах о принадлежащих по наследству после покойных моей, Ивановой тетки, а моей, Варвариной, бабки, Катерины Игнатьевны и дочери ее, девицы Анны Семеновны Неплюевых, в разных губерниях и округах движимых и недвижимых имениях,

которые имения я, Иван, во владение мое еще не получил, а потому и никому из нас по сей раздельной записи на часть не писаны, что по всем таковым делам хождение имеет и какие нужно будет издержки употреблять мне, Ивану Лутовинову, одному, не требуя от племянницы моей, Варвары Петровны, на то ничего и хотя из тех дел по некоторым решениям судебных мест утвержден наследовать по оным Неплюевым один я, Иван Лутовинов, а со стороны племянницы моей, Варвары Петровны, от опекунов на те решения в законной срок и апелляции не было, в использование не приведены таковые решения за объявленными апелляциями от других в оных делах соучастников, да хотя таковые решения и всеми верхними судебными правительствами утверждены будут, то и тогда я, Иван, по родственному моему расположению и доброжелательству к племяннице моей, все те утвержденные мне имения обязываюсь разделить с нею, племянницею моею, пополам равно... И по учиненной мною, Иваном, с коллежским, что ныне статский советник, Иваном Васильевичем (Коростовцевым) о проданном ему мною, оставшейся после предсказанной полковницы Екатерины Неплюевой Екатеринославской губернии в Кавлоглаусском уезде имении, состоящем в сильном завладении у помещика Христофовича от крепостных дел записи, когда им, Коростовцевым, по заведенному о том насильном завладении делу, имеющемуся ныне в Правительствующем Сенате, все отыскивания окончены будут, и он, Коростовцев, введен будет во владение того имения, то назначенные в той записи за каждую десятину земли по два рубля и за каждую наличную мужского пола душу подданных малороссийских по пяти рублей получит, мне, Ивану, с племянницей моей, в постановленные в той записи сроки, пополам, а буде оной Коростовцев умрет, а оставшиеся по нем наследники к платежу нам, подлежащим за оное имение, денег будут (заплатить) не в состоянии, то получить мне, Ивану Лутовинову, от жены его, Коростовцева, по содержанию помянутой записи на то имение обратную купчую, по получении которой половину из того имения обязуюсь я, Иван, передать по таковой же купчей племяннице моей, Варваре Петровне Лутовиновой;

восьмое, не включенные в сей раздел два московских деревянных дома, оставшиеся, первый, - после покойной моей, Ивановой тетки, а моей, Варвариной, бабки Екатерины Игнатьевны и дочери ее, Анны Семеновны Неплюевой, состоящий за Пречистенскими воротами, за Земляным городом, «в приходе церкви Неопалимая Купина, (что слывет в Старой Конюшенной)», и другой, оставшийся после покойной моей, Ивановой, сестры, а моей, Варвариной, тетки, Ольги Ивановны Реновой, состоящий в Яузской части, в приходе Воскресения в Барашах, в

Барашевском переулке, обще нам, Ивану и Варваре, желающим людям продать и по продаже взятые от покупателей деньги разделить пополам и, наконец,

десятое (девятый пункт пропущен – А.П.), сию учиненную нами, Иваном и Варварою Лутовиновыми, добровольную мировую и раздельную запись содержать нам и наследникам нашим навсегда свято и ненарушимо, и ничем и ни под каким видом не опорочивать и не опровергать, а будь кто из нас или из наследников наших против сей записи, в чем не устоит или сию запись под каким-либо видом или предлогом нарушит, или будет ее опровергать и порочить, то тот должен заплатить не нарушившему и не опровергавшему сей записи неустойку без суда пятьдесят тысяч рублей, а сия запись да будет и впредь с такой же неустойкой в записи.

К подлинной записи руки приложили: к сей записи надворный советник Иван Иванов сын Лутовинов, что я, обще с племянницей своей, девицей Варварой Петровной Лутовиновой, на выше писанном положении сию запись учинил, в том руку приложил, а что в сей записи (о грамматических ошибках – А.П.) ... тому верить; к сей записи покойного гвардии капитан-поручика Петра Ивановича Лутовинова дочь, девица Варвара Петровна, что я обще с дядей своим родным, надворным советником Иваном Ивановичем Лутовиновым, на выше писанном положении сию запись учинила и деньги от него, тридцать пять тысяч рублей, получила, в том и руку приложила.

У сей записи свидетели были и руки приложили: коллежский советник Иван Климентьев сын Андрузский, коллежский советник и кавалер Евграф Алексеев сын Володимеров, надворный советник Николай Петров сын Андреянов, коллежский асессор и кавалер Андрей Андреев сын Глазунов, надворный советник Петр Федоров сын Бородин, коллежский асессор Матвей Максимов сын Михайлов, статский советник Николай Васильев сын Осипов, статский советник Николай Васильев сын Константинов, надворный советник Николай Иванов сын Ададунов, сию запись писал коллежский секретарь Василий Грановский, запрещения нет.

1809-го года, декабря в четырнадцатый день, сия запись в Орловской палате гражданского суда писана и в книгу записана, пошлин десять рублей за не указные герба листы 115 рублей принял и совершил надсмотрщик Яков Высокопольский, на листах скрепил секретарь Тимофей Грановский.

P.S. Сургучная печать на документе отсутствует.

Как Варвара Петровна и Иван Сергеевич свои земли обменять хотели и крестьян переселить

Уважаемый читатель, несколько раз за более чем 30-летний период моей краеведческой деятельности обращался я к жизни и творчеству нашего великого земляка – Ивана Сергеевича Тургенева. Некоторые материалы были опубликованы достаточно давно, ещё в доинтернетскую эпоху. А очерк, с которым я предлагаю тебе познакомиться, появился 13 февраля 2001 года в ныне уже не существующей областной газете «Поколение». Цитирую его в полном объёме (Александр Полынкин).

«О материальном положении Ивана Сергеевича Тургенева тургенеvedы пишут нечасто, ведь главное в личности нашего великого земляка – его творческое, писательское начало.

Однако писатель Тургенев далеко не всегда мог полностью обеспечить себя с помощью сочинительства – ему иногда приходилось тяжело материально, и тогда вспоминал он о своих имениях, дававших не слишком большой, но постоянный доход.

Речь далее пойдёт о владениях Ивана Сергеевича в Малоархангельском уезде – о тех, что находились на территории современного Покровского района. Недавно в Государственном архиве Орловской области мне посчастливилось обнаружить документы из фонда Малоархангельского уездного посредника по размежеванию земель (фонд 742), из которого я и узнал интереснейшие сведения.

Начиналась эта история ещё в 1840 году, когда в Малоархангельском уезде была создана комиссия по размежеванию земель, которая пыталась помочь помещикам, а позже – и крестьянам свести земли, расположенные в разных местах, в один кусок, удобный для обработки.

Владелицей более 1500 десятин земли в нашем крае была мать Тургенева, Варвара Петровна. 25 ноября 1843 года она пишет письмо Евсею Степановичу Горданову, посреднику полюбовного размежевания I участка Малоархангельского уезда, в котором описывает свои владения очень подробно, а затем вносит предложение-просьбу о возможном обмене части своих владений.

Вот отрывок из этого письма, озаглавленного «Сведение»: «...Имею я (малоархангельская помещица В.П.Тургенева – А.П.) чрезполостное и общее земляное владение Малоархангельского уезда при селе Тапках и сельце Хмелевом..., а именно: в даче села Покровского, Тапки тож, удобной и неудобной, 1011 десятин 2202 сажня; в даче села Богоявленского, Верхососенье тож, - 402 десятины 1560 сажен; да

сверх оной, в особенности к моему имению, имею единственное земляное владение по плану Генерального межевания отдельной земли деревни Михайловой, в Покровской пустоши, удобной и неудобной земли 94 десятины 2115 сажень, а всей вообще по двум дачам и двум пустошам земли состоит за мной 1585 десятин 867 сажень, на которой имеются поселения крестьян – в селе Тапках мужеска пола 197 душ, сельце Хмелевом – 42 души...».

И далее Варвара Петровна предлагает: *«...и взять тако же моего владения в пустоши Кононовой и пустоши Петровской, ибо я своих крестьян из сельца Хмелевого намерена вывести в одно место – в село Тапки. Крестьян переселить, но не иначе, как в течение трёхлетнего срока».*

Варвара Петровна оговаривает условия возможного обмена: *«...кому сия, ныне владеемая моя земля поступит, повинен тот заплатить за переселение дворов от каждого денежной суммы мне по сту рублей...».*

В Малоархангельск это послание доставил по доверенности помещицы Тургеневой её управляющий, Николай Николаевич Тургенев (брат мужа – А.П.).

Евсей Степанович Горданов по просьбе Тургеневой начал переговоры с соседними владельцами о возможном обмене земель, но за полтора года сделать ничего не смог.

10 июня 1845 года сменивший Е.Горданова в должности посредника Яков Фёдорович Скорятин обращается к владельцам Топковской дачи с просьбой вновь попытаться разменять свои участки полюбовно.

8 августа 1845 года из села Спасского Скорятину отвечает Н.Н.Тургенев, что его хозяйка согласна обменять бесплатно свой меньший из двух участков земли на другой, прилегающий к речке Топкам и граничащий с Верхососенской дачей.

Единственное условие, о котором пишет Н.Н.Тургенев, чтобы переселяемые крестьяне имели право пользоваться в течение трёх лет старыми конопляниками. Яков Фёдорович Скорятин был обрадован этой уступкой помещицы Тургеневой (*«Этим развязан весь узел по всей даче, по которой теперь, кажется, не предвидится препятствий»*).

Но надеждам Варвары Петровны, её управляющего и посредника по полюбовному размежеванию сбыться было не суждено: и через 10 лет всё так же остро стоял вопрос об обмене участков земли помещиками в Топковской даче. Правда, теперь выдвигалась другая причина: *«План землемера Ларгуса по Топковской даче составлен с ошибкой и не удовлетворяет многих владельцев».*

01 г.

одисменты!

И
ИКИ
СНОЙ...

ва с того прекрасного...
мического артефакта,
и дирижерский
инного аргумента Рос-
звуклетки в хордовой
пленки слушателю
амки. Это пафосный
и на не подготовку
в срок.

пованы, концертами сим-
тому выступление нового
состоявшегося 29 января
обойдене пространством,
или большое и значимое
вместность города. Ужэ за
на все билеты были про-

лений не было предела. В
обственной сцене в истори-
ора могли слышать в ре-
Мандера с его блестя-
Толщина на Саранск,
кларнета с оркестром. А
отделение слуху на Бале-
вировное озеро, болшеви-
у всецел на слуху с раннего
треничу с член-то родком,

иные и продолжительные
сказать не все. Когда
экое, но конечно зрители
зав скандируют «бра-во!»
и в концовку похвалы про-
требую выхода дириже-
рысьны и неразбылены.
Иногда читалось удоволь-
и на слова и шажки горели
и золь однажды испытан-
е такжэ апплодисментов в
времени, а если сегодня
и хором, чем вчера.
звуклетки был оценен по
пущать со сцены, и им
и удовольствием допол-
нить лирическую «Ми-
инного земляка Василия

встр чрезвычайно разно-
опт преподавателей Орлов-
ской, люди не только с
и с оптимизмом ставим
и педагогический опыт
доставляющих выслуш и
иных школ, а также студи-
зантами ученика. Игра
иные мастеровиданн есть
е не практиче на студен-

иный уровень подгото-
вочники на работу дирек-
торм, как руководитель
экономической, юридиче-
ской, педагогиче для
и работе ученика есть
обши, преподаватели обя-
зательности и представля-
иный вариант исполнения,
репрезентативны ученика
и нашла подтверждение
справки. Все в один голос
спрашивают и что значуще
и в общине-то не отнима-
и артефакта.

иный и достояние музеев-
артефакта — это при-
вель перспективны роста
и образования. И конечно же
артефакта замечатель и что
лет достояние на выставу в
культуры на Орловщине.
иные помещения для систе-
матической концертной де-
и коллектива. Любая кон-
цертная группа, ансамбль,
и ансамбль профессиональ-
и ансамбль любительский
и ансамбль народного пения
и ансамбль вокально-инстру-
ментального ансамбля
и ансамбль вокально-инстру-
ментального ансамбля
и ансамбль вокально-инстру-
ментального ансамбля

Александр СИРОТНИН.

Поколение

История в документах

Как Варвара Петровна и Иван Сергеевич

О материальном положении Ивана Сергеевича Тургенева турговедоведы пишут нечасто, ведь главное в личности нашего великого земляка — его творческое, писательское начало. Однако писателя Тургенев далеко не всегда мог позволить обеспечить себя с помощью писанки — ему иногда приходилось тяжело материально, и тогда вспоминал он о своем материальном, делавшем не саником большим, но постоянный доход. И речь пойдет об имении Ивана Сергеевича Тургенева в Малоархангельском уезде — о тех, кто находился на территории современного Покровского района. Недавно в Государственном архиве мне повезло обнаружить документ из фонда Малоархангельского посредника по размежеванию земель (фонд 742), из которого узнал интересные сведения.

СВОИ ЗЕМЛИ ОБМЕНЯТЬ ХОТЕЛИ И КРЕСТЬЯН ПЕРЕСЕЛИТЬ

Начиналась эта история еще в 1840 году, когда в Малоархангельском уезде была создана комиссия посредника по размежеванию земель, которая выполняла работу поименно, а поля и крестьянские участки в разных местах, в один кусок, удобной для обработки.

Владельцем более чем 1000 десятин земли в нашем крае была мать Тургенева — Варвара Петровна Лутвинова. 25 ноября 1843 года она пишет письмо Евсею Степановичу Горданову, посреднику поименованного размежевания 1 участка Малоархангельского уезда, в котором описывает свои владения очень подробно, а затем вносит предложение-просьбу о возможной замене части своих владений.

Вот отрывок из этого письма, озаглавленного "Свидетельство": «Имею я /малоархангельская помещица, полковника Варвара Петровна Лутвинова. — А.П./ земельное и общее земельное владение Малоархангельского уезда при селе Толках и сельце Хмельяном, ... а именно: а даче села Покровского, Толки тож, удобной и неудобной 1011 десятин 2202 сажени; а даче села Боровлянского, Верхосенское тож — 402 десятины 1560 сажени; да сверх оной, а особенно к иному имению имею единственное земельное владение по плану Генерального межевания отдельной земли деревни Михайловой, в Покровской пустоши удобной и неудобной земли 94 десятины 2115 сажени, а всей вообще по двум дачам и двум пустошам земли состоит за мной 1585 десятин 867 сажени, на которой имеются поселения крестьян — в селе Толках мужицкая поля 187 душ, сельце Хмельяном 42 души».

А далее Варвара Петровна Лутвинова предлагает и... взять тако же новою владения земли в пустоши Колоповой и пустоши Петровской, ибо в своих крестьян из сельца Хмельяном намерена вывести в одно место — в село Толки... Крестьян переселили, но не значе, как в течение трехлетнего срока... Варвара Петровна оговаривает условия возможного обмена земель... кому сия, ныне владеющая моя земля поступит, повинен тот заплатить за переселение дорог от каждого денежной суммой мне по сту рублей... В Малоархангельск это последнее достояние по ее доверенности управляющего ее именными Николая Николаевича Тургенева (брат мужа). Евсей Степанович Горданов по просьбе Лутвиновой начал переговоры с соседними владельцами о возможном обмене земель, но за полтора года сделать ничего не смог. 10 июня 1845 года смежничий Е. Горданов в должности посредника Якова Федоровича Скорятин обращается к владельцам толковской дачи с просьбой вновь попытаться разменять свои участки поименовано. 8 августа 1845 года из с. Славского Скорятин отвечает Н. Н. Тургеневу, что его хозяйка согласна обменять бесплатно свой меньший из двух участков земли на другой, прилегающий к речке Толкам и граничащий с Верхосенской дачей. Единственное условие, о котором пишет Н. Н. Тургенев, чтобы переселенные крестьяне имели право пользоваться в течение трех лет старыми колосовниками. Яков Федорович Скорятин был образован этой уступкой помещице Лутвиновой («этими разрезан весь угол по всей даче, по которой теперь, кажется, не предвидится препятствий»). Но надежды В. П. Лут-

виновой, ее управляющего и посредника по поименованному размежеванию земель сбыться было не удалось — и через 10 лет все так же остро стоял вопрос об обмене участков земли помещицами в Толковской даче. Правда, теперь выдвигалась другая причина — «План землемера Лагуса по Толковской даче составлен с пошибкой и... не удовлетворяет многих владельцев». Прошло еще 10 лет. Умерла Варвара Петровна Лутвинова. 35 января 1866 года Н. Н. Тургенев отправляет письмо новому посреднику поименованного размежевания земли Василию Николаевичу Нелюбову, в котором дает согласие на съезд господ владельцев Толковской дачи в доме Ивана Сергеевича Тургенева (он стал наследником Толковских владений) в с. Толки. Управляющий в письме извещается: «Не ездыте на неудобное помещение, какое есть, всегда готово к вашим услугам». 14 февраля 1866 года 27 владельцев дачи села Толки собрались в доме Тургенева и долго пытались договориться о подписании поименованного акта о размежевании земель. Однако, несмотря на присутствие на съезде

пристава 2-го стана, уполномоченного от казны и землемера, договориться опять не удалось — и новый план толковской дачи не удовлетворил часть владельцев (они считали, что их земли на плане уменьшены).

И через 5 лет, в январе 1871 года, спустя 27 лет после начала этой истории, А. Д. Пушеников, четвертый по счету посредник по поименованному размежеванию земель, снова обращается к тем же владельцам толковской дачи (и к И. С. Тургеневу тоже) с предложением встретиться для подписания поименованного акта.

Ивану Сергеевичу Тургеневу, как и его матери, не удалось решить вопрос с обменом своих земельных участков в Толковской даче, и они были проданы в самом начале 80-х годов шенскому купцу А. И. Кошлякову, который в последние годы был арендатором имения в Толках. Вот так и закончилась эта многолетняя история. Слов было много, но дело не состоялось. А. ПОЛЬШИНКИН, директор Покровской средней школы, правед.

Театральная жизнь
МЫ ВЫШЛИ ИЗ СОЮЗА

Прошло ещё 10 лет. Умерла Варвара Петровна Тургенева. 5 января 1866 года Н.Н.Тургенев отправляет письмо новому посреднику полюбовного размежевания земель Василию Николаевичу Нелюбову, в котором даёт согласие на съезд господ владельцев Топковской дачи в доме Ивана Сергеевича Тургенева (он теперь унаследовал здешние имения своей матери – А.П.) в селе Топки.

Управляющий в письме извиняется: *«Не взыщите на неудобное помещение, какое есть, всегда готово к вашим услугам».*

Варвара Петровна Тургенева
Портрет неизвестного художника

Иван Сергеевич Тургенев
(фото А.Деньера, 1859)

14 февраля 1866 года 27 владельцев Топковской дачи собрались в доме Тургенева и долго пытались договориться о подписании полюбовного акта о размежевании земель. Однако, несмотря на присутствие на съезде пристава 2-ого стана, уполномоченного от казны и землемера, договориться опять не удалось: и новый план Топковской дачи не удовлетворил часть владельцев (они считали, что их земли на плане уменьшены).

И через 5 лет, в январе 1871 года, спустя 27 лет после начала этой истории, А.Д.Пушечников, четвёртый по счёту посредник по полюбовному размежеванию земель, снова обращается к тем же

владельцам Топковской дачи (и к И.С.Тургеневу тоже) с предложением встретиться для подписания полюбовного акта.

Писателю, как и его матери, не удалось решить вопрос с обменом своих земельных участков в Топковской даче, и они были проданы в самом начале 80-ых годов мценскому купцу А.И.Кошеверову, который в последние годы арендовал у Тургенева его имение при селе Топки и сельце Хмелевом.

Вот так и закончилась эта многолетняя история. Слов было сказано и написано достаточно, но дело так и не состоялось».

Вместо заключения

Вот и закончил я, уважаемый читатель, свои разномастные, но всегда основанные на документах, очерки о писателе Тургеневе и событиях, связанных с ним и его творчеством. Надеюсь, ты не пожалел времени, затраченного на знакомство с этой книгой. Спасибо тебе за внимание к Тургеневу и моим рассказам.

До новых встреч!

Александр Полынкин

Содержание**Часть первая.****О Тургеневе – писателе и человеке**

Тургенев: сквозь годы и десятилетия	5
Тургенев: история болезней	9
Как умел шутить Тургенев	14

Часть вторая.**О родственниках и знакомых писателя**

Братья-разбойники Лутовиновы	27
Мать великого писателя	33
Карповы – знакомые семьи Тургеневых	36
Мацневы – соседи Лутовиновых и Тургеневых	47
Генерал-лейтенант Николай Лавров – герой войн с Наполеоном	51
Генерал Иван Ершов – прообраз Кирсанова – деда в романе «Отцы и дети»	55

Часть третья.**Малоархангельский уезд и его жители
в судьбе и творчестве И.С. Тургенева**

Наталья Полонская-Василенко и её «Воспоминания»	58
Из «Воспоминаний» Натальи Полонской-Василенко	60
Тургенев и Мухортовы	60
О писателе Тургеневе, нигилисте Базарове и одном малоизвестном персонаже	79
Базаровы: отец и дети	83
Фон Рутцен, он же – Руцын, он же – Рудин (о герое романа Тургенева и его орловском прообразе)	88
Тургеневские Топки во времени и пространстве	92
Село Топки в произведениях Тургенева и в воспоминаниях о нём	98
Топковская ссылка дворецкого Полякова	106
Село Топки и Покровская церковь по метрическим книгам храма во времена Варвары Петровны и Ивана Сергеевича Тургеневых	109
Село Верхососенье в рассказе Тургенева «Конец Чертопханова»	120

Часть четвёртая. Земля и люди

Как создавалось земельное богатство Лутовиновых	123
О разделе имений между дядей и племянницей	136
Как Варвара Петровна и Иван Сергеевич свои земли обменять хотели и крестьян переселить	154

Научно-популярное издание

Александр Михайлович Полынкин

Тургенев и вокруг него

Технический редактор С.А. Ветчинников
Фото – из разных общедоступных источников и автора

Дизайнеры А.С. Ухин, А.В. Трудников

Подписано в печать 13.11.2017 г. Формат 60X80 1/16
Печать ризограф. Бумага офсетная
Гарнитура Times New Roman
Объём 10,0 усл. печ. л. Тираж 300 экз. Заказ № 242

Лицензия ПД № 8– 0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано в авторской редакции в ООО ПФ «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862)44-51-46

[85-00]

ISBN 978-5-9708-0644-9

9 785970 806449

ТУРГЕНЕВ
ИВАН СЕРГЕЕВИЧ